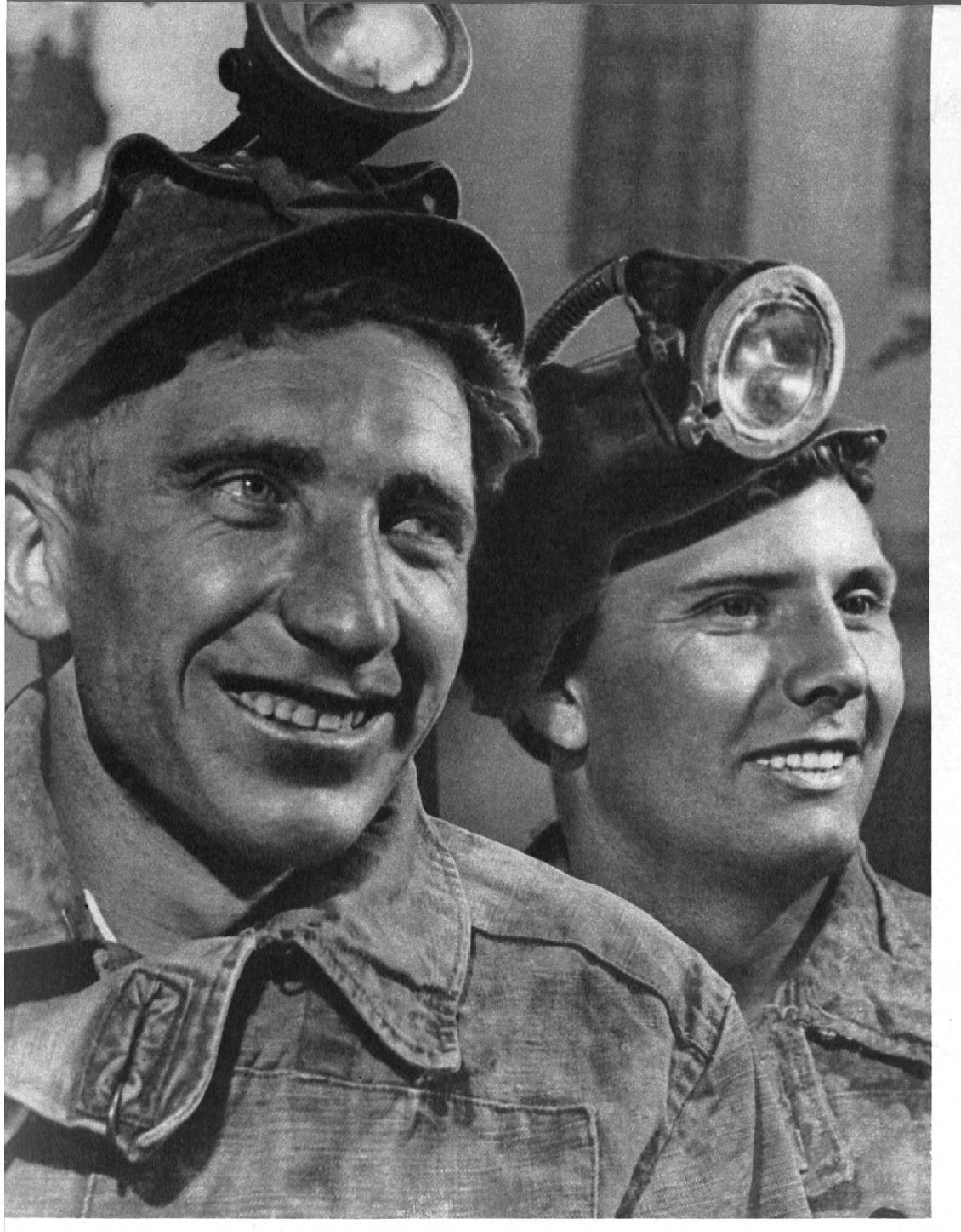

ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
354
Copyrighted material

Шахтеры Кузьма Северинов и Леонид Бобин (см. в номере «В степи донецкой»).
Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Народная Республика Болгария. Искусственное море — водохранилище имени Сталина — недалеко от Софии.
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: курорт Варна на Черноморском побережье в Болгарии.
Фото Тодора Стоянова.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 37 (1682) 6 СЕНТЯБРЯ 1959 37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК В ВЕШЕНСКОЙ

Н. С. Хрущев в гостях у М. А. Шолохова

Вешенская! Хороша эта славная донская станица, когда, раскинувшись вдоль берега Дона, глядит в его воды, чистые, светлые, осиянные золотом солнечных лучей. А когда улицы ее полны народом, празднично одетым, веселым, жизнерадостным, она становится вдвойне красивее. Вот такой и запомнилась она всем в воскресный день 30 августа, когда в Вешенскую приехал по приглашению Михаила Александровича Шолохова Никита Сергеевич Хрущев с семьей. Приезд его вылился во всенародный праздник не только для станичников Вешенской, не только для верхнедонцев, но и для Ростовской, Сталинградской и Воронежской областей, ибо 30 августа все, кто мог, спешили попасть в Вешенскую, чтобы участвовать во встрече и празднике.

Старый донской казак бригадир тракторной бригады Яков Петрович Пигарев поднес Никите Сергеевичу по русскому обычаю как дорогому гостю хлеб-соль. На митинге, заполнившем своим многолюдством всю станичную площадь, выступил с теплым, задушевным приветствием Михаил Александрович Шолохов — великий писатель, чья слава гремит из края в край нашей земли, по всему свету. Чувство глубокой радости по поводу приезда Никиты Сергеевича, высказанное Шолоховым от своего имени и от имени своих земляков, бурно разделялось всеми собравшимися.

С проникновенной речью выступил в Вешенской Никита Сергеевич Хрущев.

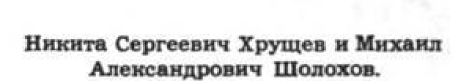
— Наша партия и весь советский народ высоко ценят Михаила Александровича Шолохова, — сказал он, — как выдающегося художника слова, посвятившего свой могучий талант служению великому делу построения коммунизма... Великое значение творчества Шолохова в том, что он с большой силой, яркостью и душевной проникновенностью создал образы людей труда, показал сложный и богатый духовный мир простого человека...

Бурными аплодисментами были встречены слова Никиты Сергеевича о том, что ему «приятно пригласить с собой» в поездку в США Михаила Александровича».

На второй день в Вешенском Доме культуры Никита Сергеевич повстречался со знатными людьми Дона, борцами и создателями новой жизни этого края. Шел задушевный разговор о делах, ждущих решения, об успехах в труде, обо всем, что волновало людей.

Праздник в станице Вешенской явился яркой демонстрацией единения партии и народа. Вместе с тем он явился и праздником нашей литературы, всей советской интеллигенции, чьи мысли и творческое вдохновение отданы целиком на службу делу партии, делу коммунизма.

Событие в Вешенской навсегда останется в памяти народа!

Никита Сергеевич Хрущев и Михаил Александрович Шолохов.

Фото Я. Рюмкина.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК В ВЕШЕНСКОЙ

Н. С. Хрущев в гостях у М. А. Шолохова

Н. С. Хрущев и М. А. Шолохов среди участников Ансамбля песни и пляски донских казаков.

Фото Я. РЮМКИНА.

Митинг в станице Вешенской. Выступает М. А. Шолохов.

Прогулка на катере по Дону.

Н. С. Хрущев и М. А. Шолохов со своими родными и близкими.

Они будут счастливы

После долгих лет ожиданий Козьмины снова со своими детьми, которых незаконно все эти годы задерживали в США.

Наконец вся семья в сборе.

— Жизнь сложилась так,— говорит Георгий Константинович Козьмин,— что три моих сына, Ростислав, Юрий и Павел, родились в Германии, Петр — в США, а пятый, Николай,— в Москве. Положение в нашей семье не совсем обычное. Дети, за исключением младшего, ни слова не знают по-русски. Впрочем,— улыбается он,— это не совсем верно. Сегодня ребята уже говорили: папа, мама, Москва, дай поесть. Так что мы друг друга понимаем. Сразу нашел с братьями общий язык и наш самый маленький, Николай, коренной москвич. Он уже весело играет со старшими мальчиками.

Я сижу в светлой, просторной квартире Козьминых, слушаю рассказ Георгия Константиновича и смотрю, как его сыновья Ростислав и Юрий возятся около своих чемоданчиков. Младшие еще спят, утомленные перелетом через океан.

Я подхожу к ребятам, хочу задать несколько вопросов. Они сразу настораживаются, глаза их делаются скучными.

— Мы устали от вопросов и от съемок,— говорит Юра, прислушиваясь к веселым детским голосам, доносящимся со двора.— Мы хотим поиграть. Можно пойти гулять?

Ребята берут перчатки и мяч для игры в бейсбол, привезенный из Америки, и уходят.

Сложная у них судьба. Безрадостная жизнь на чужбине, а сейчас вступление в мир желанный, но, по сути дела, им совсем неизвестный. И родителям, по которым тосковали в разлуке, всего не расскажешь: не знаешь родного языка.

Я подхожу к окну, чтобы посмотреть на первый выход «в свет» братьев Козьминых. Мальчики сначала стоят в нерешительности, потом идут на середину двора, где играют в волейбол ребята. Игра прекращается. Дети стайкой окружают братьев. Минута тишины и взаимного созерцания. Затем паренек в коричневой курточке шагает вперед, ощупывает перчатки для игры в бейсбол и что-то спрашивает.

Лед сломан. Все рассматривают мяч, перчатки. Ростислав и Юрий разговаривают о чем-то с мальчиком в коричневой куртке, потом принадлежности для бейсбола откладываются в сторону, и начинается игра в волейбол. Мяч подает Ростислав.

— А как у ваших сыновей будет обстоять дело с учебой? — спрашиваю я.

— Нам помогут! Родной язык ребята быстро выучат.

Хлопает дверь, и в комнату вбегает Юрий, раскрасневшийся, с весело блестящими глазами. Он хватает книжку «Англо-русский разговорник» и снова убегает. Я прощаюсь с хозяином и выхожу вслед за ним. На дворе относительная тишина. Семиклассник Вова Евдокимов фотографирует Ростислава и Юрия вместе с новыми друзьями. Лица братьев сияют от счастья, на этот раз они фотографируются с удовольствием.

— А как же вы понимаете друг друга? — спрашиваю я юного фотографа.

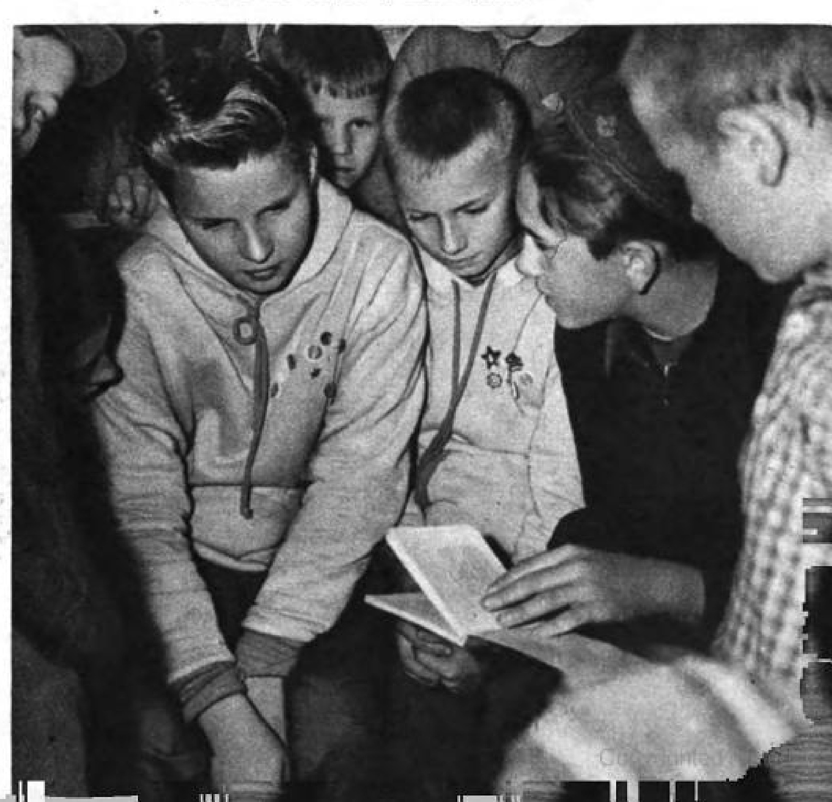
— Они стараются научиться по-русски, а мы в школе английский изучаем,— отвечает он с достоинством.

Ученик шестого класса Женя Ильченко приглашает Ростислава и Юру к себе домой. Он хочет им кое-что показать. В гости отправляются ребята целой гурьбой, со смехом, с шутками. Вместе с ними звонко и весело смеются Ростислав и Юрий. Они вернулись под отчий кров, они вернулись на Родину.

А. ГОЛИКОВ

Фото А. Новикова.

Ростислав и Юра Козьмины беседуют с новыми друзьями с помощью разговорника.

9 сентября — пятнадцать лет со дня свержения фашистской диктатуры в Болгарии

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ!

Василий ЖУРАВСКИЙ

— Корабли по морям и океанам несут в другие страны славу своей родины!

Эти слова сказал мне старейший варненский инженер-кораблестроитель, которого молодое поколение называет «дедушкой болгарского флота».

Ныне трехцветный национальный флаг Болгарии реет на многих судах Черного моря. Ему салютуют в дальних портах трех океанов. А ведь еще недавно балканская страна хотя и имела выход к морю, но не считалась морской державой.

Кое-где люди не только не видели болгарского флага, но и не подозревали о его существовании.

Выдающийся болгарский писатель Алеко Константинов, предпринявший в конце прошлого века путешествие на американский континент, с горечью рассказывает о своей встрече с нью-йоркским таможенным чиновником:

«Он спросил мое имя. Услышав фамилию с окончанием на «ов», пробормотал: «Русский?»

— Нет, я болгарин!

— ?!

— Болгарин я, из Болгарии!

— ?!!

— Балгериен,— проскандировал я уже с досадой, ибо меня начало сердить невнимание этого американца.— Глухой, что ли? Балгериен!

— А!.. Из Венгрии? — поправил он меня.

— Какая тебе Венгрия! Болгария, на Балканском полуострове...

Я решил, что плохо выговариваю на их языке название нашего княжества, и потому достал и развернул перед ним карту Европы, ткнув пальцем в то место, где обозначена София.

— О, да! Турция! Ол райт!

— Нет, господин,— запротестовал я. Но он и слышать не хочет, пишет меня за турка...»

А теперь... Передо мной лежит несколько иностранных журналов, среди которых один — на языке нью-йоркского чиновника. Этот самый журнал признает замечательные успехи народной республики в развитии отечественной индустрии. И хотя сквозь зубы, поневоле, но он восторгается «исключительными достижениями» болгарских кораблестроителей.

...Вдоль изогнутого дугою пологого берега Варненского залива, доколе хватает глаз, протянулись верфи кораблестроительного завода имени Георгия Димитрова. Взметнули ввысь свои слоновьи хоботы и жирафьи шеи портальные, консольные и гусеничные краны. На стройплощадках, на продольных и поперечных стапелях, которые представляются полотном гигантского конвейера, идет монтаж стальных корпусов. Над заливом будто раскатывается шквал разъяренного моря: грохот молотов, гул моторов, треск электросварочных аппаратов, шум электровозов, что снуют между огромными ангарами цехов, как игрушечные. Денно и нощно не смолкает богатырский голос стройки.

В неутомимом труде людей, в энергичном беге машин рождаются из листов стали секции, из секций — каркасы грузовых и пассажирских пароходов, танкеров, барж.

На верфях Варны и в ее самом крупном на Балканах сухом доке одновременно строятся и ремонтируются десятки судов. Завод выпускает речные и озерные суда, морские баржи, суда самоходные и буксирные, танкеры, морские пассажирские пароходы, плавучие гостиницы, железобетонные ремонтные мастерские.

В нынешнем году с варненских стапелей будет спущено на воду 30 различных судов. Кораблестроители вместе со всем рабочим классом и крестьянством Болгарии борются за досрочное выполнение плана третьей пятилетки и свершение экономического скачка в развитии своей родины. Они к 1965 году более чем в два раза увеличат объем валовой продукции против текущего и почти удвоят производительность труда.

На заводе мне сказали:

— Вам, очевидно, будет интересно познакомиться с ленинградцами. Они все и расскажут, и покажут, и объяснят. Зайдемте к Атанасу Иорданову. Это главный инженер конструкторского бюро.

Не успел я раскрыть рта, чтобы спросить, каким образом попали сюда ленинградцы, как оказался лицом к лицу с одним из них. По виду он представлял типичного болгарина: коренастый, свитый из мускулов человек выше среднего роста, с покатыми, атлетическими плечами, с добродушными карими глазами под колосьями бровей на широкоскулом бронзовом лице и теми непередаваемыми чертами, которые позволяют безошибочно определить национальную принадлежность за милю... Однако говорил он действительно на чистейшем русском языке.

Прочитав в моих глазах недоуменный вопрос, Атанас Иорданов объяснил:

— Я тут не один, нас целое «землячество» окончивших Ленинградский судостроительный институт.

Лучших сыновей рабочих и крестьян, проявивших способности и прилежание к наукам, народное правительство Болгарии послало на учебу в Советский Союз. Менее чем за десятилетие страна выковала прочное ядро инженерно-технических работников, занявших ныне узловые посты на производстве. И если еще несколько лет назад завод строил суда по иностранным проектам, то сейчас почти целиком перешел на собственные. Конструкторское бюро дало ряд оригинальных проектов грузовых и пассажирских пароходов, на которые получены заказы из многих стран мира.

Я беседовал с представителями старой когорты инженеров, окончивших курс кораблестроения в Петербурге, Париже или Генуе. Все они исключительно высокого мнения о подготовке своих молодых коллег — ленинградцев.

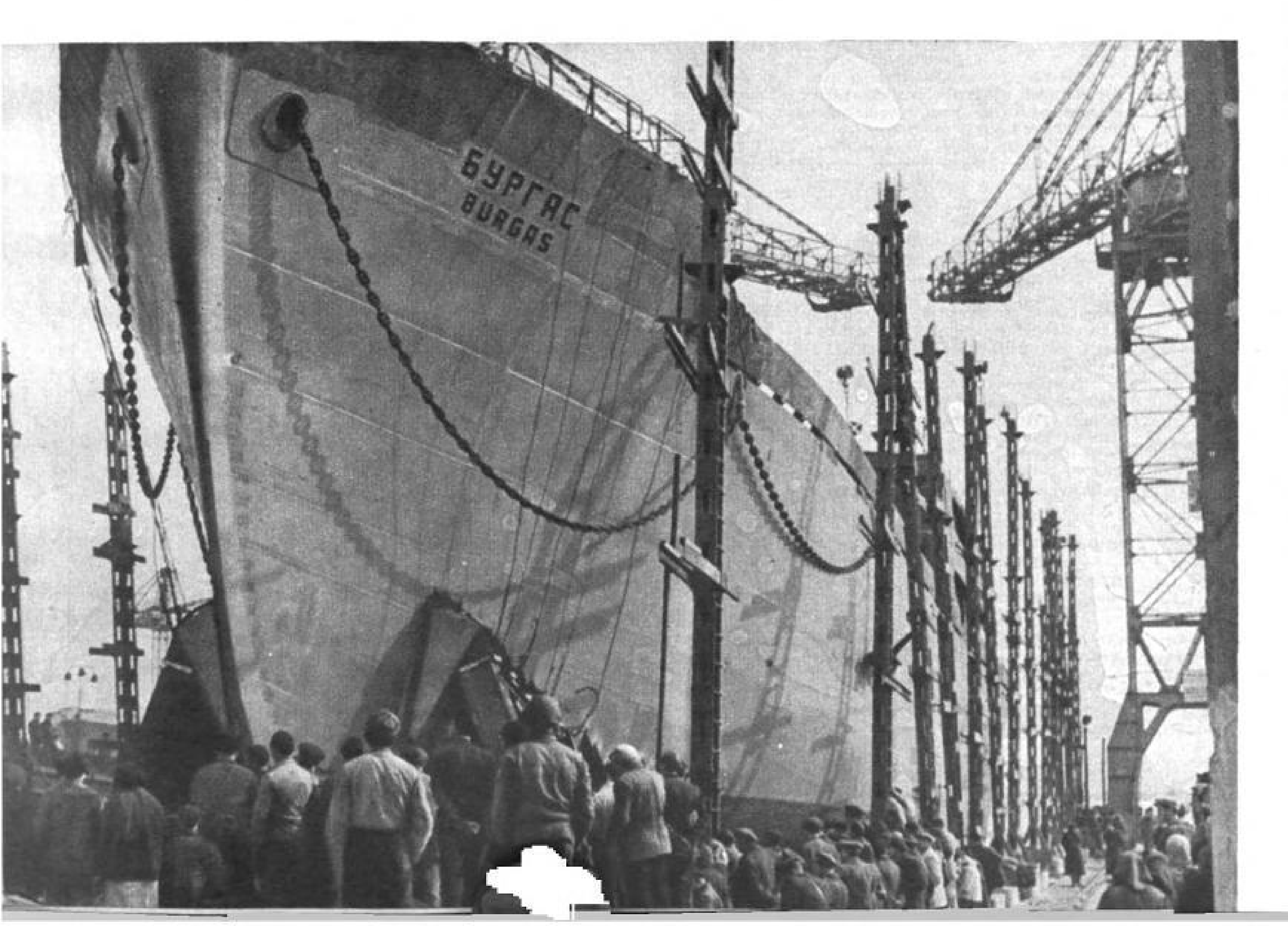
— В наше время,— говорят старики,— талантливому инженеру со студенческой скамьи приходилось работать два — три года на ассистентских должностях, прежде чем стать ведущим. А ленинградцы, получая сразу после института руководство проектами, блестяще справляются. Советская школа — первая в мире, она дает не только замечательную теоретическую подготовку, но и практический опыт!

...Атанас Иорданов любезно предложил сопровождать меня по цехам и верфям.

— Это, говоря на нашем языке, будет дальний рейс,— предупредил он.

— Тем больше встреч и впечатлений!

Инженер оказался незаменимым «боцманом» в этом «рейсе». Да и не мудрено: ведь

он тут начал с фабзавуча, прошел все стежки-дорожки, пересчитал все ступеньки, прежде чем подняться на второй этаж конструкторского бюро!

...«ЖК-1». Сколь кратко наименование, столь длинно, просторно и высоко помещение цеха. Под его сводами свободно уместился бы целый городской квартал. «ЖК-1» — это значит «железнокораблестроительный-первый». Иначе цех именуется корпусным.

Мощные машины режут, как нож масло, стальные листы 25-миллиметрового сечения, большой вальцовый пресс, словно утюг, их гладит, а гидравлический одним нажимом, точно это не сталь, а воск, придает им точные, сложно переплетенные изгибы. По электромагнитным стендам движутся автоматические электросварочные аппараты, намертво соединяя стальные листы. Портальные краны выносят из ворот цеха на стапеля целые секции и блоки корпусов.

— Полюбопытствуйте,— говорит Иорданов,— на всех машинах стоят марки советских заводов. Первоклассная техника позволила нам несравненно облегчить труд рабочих и за одну пятилетку увеличить производительность в 10—15 раз. Этот скачок обеспечили наши кораблестроители, которые освоили передовые, современные методы.

Куда бы мы ни заходили, всюду видели сложные и умные машины, механизмы, автоматы. Они вершили главную, самую тяжелую часть труда. На их фоне, на фоне гигантских конструкций, человек казался неприметным. Но именно ему подчинялась вся эта хитроумная техника.

Мы наблюдали с Иордановым, как токарь, черноволосый богатырь средних лет, обрабатывал на копировально-фрезерном станке винт судна, когда к нам подошел директор завода Иван Ковачев.

— Как вам нравится эта махина? — спросил он, кивнув головой на станок, и сам же ответил: — Хороша! — Подумав, серьезно и задумчиво продолжал: — Но машины машинами, они и в Америке машины. А вот людей таких там не встретишь. Не потому, что они какой-то другой породы, а потому, что нет у них резона так работать. Да вы побеседуйте хотя бы с ним... Иордан! — окликнул Ковачев токаря. — Познакомьтесь!..

Биография Иордана Коларова — типичная для поколения болгарских рабочих, которым от трех до четырех десятков, тех, кто хлебнул прошлого и черпает полной чашей настоящую жизнь. Правда, Иордан рос сиротой и начал добывать хлеб своим трудом не с четырнадцати лет, как его сверстники, дети пролетариев, а с десяти.

Сын своего класса, он вместе с ним сражался, не щадя жизни, за победу народной власти и вместе с ним встал на вахту социализма. Работая, Коларов учился. Знания пробудили его незаурядный талант и творческий ум. В станке, который поначалу был для него верхом человеческой мудрости, он подметил недостаток. Токарь предложил одно рационализаторское предложение, другое... Станок словно бы вырос из мальчика в мужа. На нем без дополнительной нагрузки Коларов стал выполнять по три нормы за смену и не сдает темпа вот уже несколько лет подряд.

Родная власть высоко оценила труд токаря, удостоив его ордена Трудового Красного Знамени, Золотого ордена труда и других наград.

Такие люди в Варне строят корабли!

Распрощавшись с директором и токарем, мы вышли на причал.

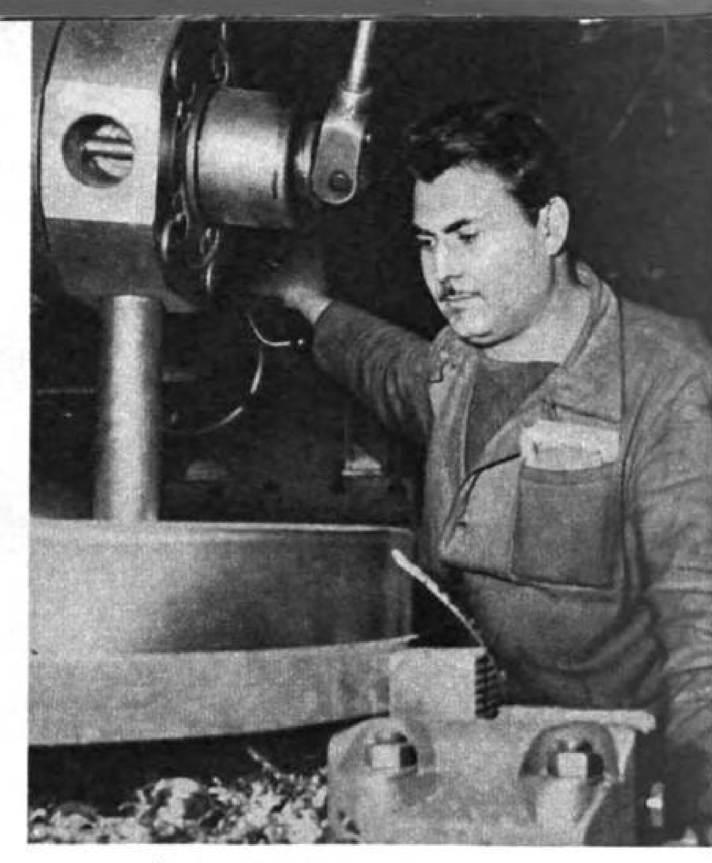
— Если желаете, в заключение нашего сухопутного рейса предпримем морской,— предложил Атанас Иорданов.— Через полчаса начнутся ходовые испытания грузового моторного судна «Баяла». Это — мое произведение. Я руководитель проекта.

...«Баяла», словно большая белая чайка, стремительно летит по волнам Черного моря. Словно чайка, она кружит на одном месте и снова несется над морскою пучиной. Строгие товарищи из морского регистра скрупулезно проверяют, как судно «слушается руля», каковы его скорость и поворотливость, исправно ли действуют механизмы и приборы, сколько двигатель расходует топлива...

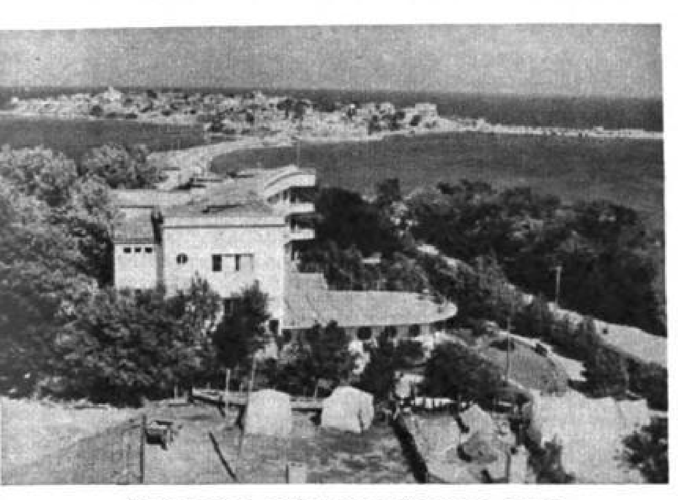
Иорданов спокоен. Судно сработано золотыми руками. Сын варненского рабочего, выросший в «пролетарских кубриках» — сырых и темных подвалах портового города,— ныне ведущий инженер завода, смотрит на проплывающие мимо берега, на верфи, на расположившиеся вдоль Золотых песков белокаменные дворцы народных санаториев...

Спустя два дня «Баяла» уходила в свой первый регулярный рейс. Атанас Иорданов, урвав полчаса от работы над проектом десятитысячетонного судна, вышел на берег, чтобы пожелать капитану и матросам «попутного ветра».

...Под мирным болгарским флагом идут корабли с попутным ветром в моря и океаны.

Токарь Иордан Коларов.

Болгарское побережье Черного моря.

Мои юные друзья из Софии

Девятого апреля прошлого года я получила письмо. На конверте была болгарская марка. Это меня удивило: ведь у меня не было знакомых в Болгарии. Я распечатала конверт. Писали студенты Софийского электротехникума имени С. М. Кирова...

Так началась моя дружба с 46 болгарскими юношами и девушками из Софии. В октябре 1956 года студенты техникума организовали у себя кружок, который назвали «Юность». Участники его решили собрать как можно больше материалов о том человеке, имя которого носит их техникум,— о Сергее Мироновиче Кирове. Через своих московских друзей, учащихся одного из ремесленных училищ столицы, они узнали адреса музеев С. М. Кирова в различных городах СССР, адреса старых большевиков, работавших с Сергеем Мироновичем. Так они узнали мой адрес: я в дореволюционные годы работала вместе с Кировым во Владикавказе. Кружком «Юность» руководит преподаватель русского языка А. Х. Израиль, член Болгарской коммунистической партии, бывший партизан, участник борьбы с гитлеровскими захватчиками. Мои друзья сообщили, что они переписываются с музеями С. М. Кирова в Ленинграде, Уржуме, Кирове, Орджоникидзе, Баку, Астрахани, Иркутске. Они даже связались с драматическим театром имени С. М. Кирова в Астрахани: в 1919 году, когда Киров был председателем ревкома Астраханского края, он горячо помогал театру.

За два года кружок получил из Советского Союза более тысячи фотоснимков, 400 книг, альбомы, картины, скульптуры, литографии, рисунки. Теперь кружковцы ежегодно устраивают фестивали, посвященные С. М. Кирову. Организовали пять выставок. Последнюю выставку они посвятили Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Вене. Эту выставку, как пишут мне студенты техникума, уже посетило 3 146 человек.

Среди ребят нашлись художники, поэты, композиторы. Хор техникума поет песни о Кирове, сочиненные самими студентами.

...Прошло немногим больше года с тех пор, как я получила первое письмо из Софии. Я не видела ребят и девушек, от которых регулярно получаю письма,— я знаю их только по фотографиям,— но все они близки и дороги мне.

Т. М. РЕЗАКОВА,
член КПСС с 1917 года.

Вот некоторые из моих друзей. У каждого из них свой талант:

Славка Харлампиева — чтец.

Маргаритка Тодорова поет в хоре и редактирует стенную газету.

Снежанка Петрова тоже поет в хоре.

Тошо Тошев — поэт.

Альберт Израиль — композитор.

Стефан Гылыбов — художник.

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ РАДОСТИ

У каждого, кому посчастливилось 1 сентября побывать на заключительном концерте декады карельского искусства и литературы в Кремлевском театре, сохранится значок из белой эмали, изображающий сребротвучный народный инструмент — кантеле.

Такой значок был дорогим подарком, который получили на концерте на память москвичи. Но они и без того не забыли бы своих гостей! Ведь кантеле находится в таком же тесном родстве с русской балалайкой, украинской бандурой, казахской домброй, в каком и создавшие их народы-братья...

Приветливо, радушно встречала у себя столица посланцев северной лесной стороны. А заключительный концерт был отмечен особенной теплотой и вниманием зрителей. Они увидели самобытное, искрометное творчество, вихревые пляски, вдохновенные и стремительные, услышали брызжущие юмором и задором песни, веселые частушки, лукавые припевки... И профессиональное и самодеятельное искусство Карелии, широко представленное на сцене, поведало людям о жизни, полной созидания, радости труда.

На концерте присутствовали руководители партии и правительства.

Н. ПАВЛОВА

На снимке: вепский народный танец с ложками.
Фото С. Фридлянда.

Американцы «открывают» Сибирь

Инженер Н. ГАЛОЧКИН

Фото автора.

Десять американцев заняли удобные кресла в воздушном лайнере «ТУ-104», и могучие крылья понесли их из Москвы на восток. Когда отлетали, вечерняя заря еще не угасла на московском небе. На Омском аэродроме солнце уже стояло над горизонтом. Поеживаясь от утренней прохлады, американцы вышли из самолета и с некоторой торжественностью вступили на сибирскую землю — цель своего далекого путешествия.

Все десять — крупные бизнесмены. Во главе группы — Уолкер Сислер, президент «Детройт Эдисон компани», один из ведущих руководителей энергетической промышленности США. Остальные — руководители концернов «Дженерал Электрик», «Вестингауз» — компаний по энергоснабжению Нью-Йорка, Филадельфии, Южной Калифорнии и других районов США. В прошлом году они побывали на крупнейших электростанциях и энергомашиностроительных заводах Европейской части СССР. В этом году попросили ознакомить их с энергетикой Сибири.

И вот она, Сибирь. Температура воздуха поднялась до 30 градусов. А некоторые гости перед вылетом из Москвы надели полярное шерстяное белье...

На действующей Иркутской ГЭС и на строительстве Братской американцы подробно рассматривали конструкции, машины, изготовленные на уральских и сибирских заводах, тщательно записывали беседы с советскими инженерами, задавали бесчисленные вопросы. Иногда они пускали в ход записывающие аппараты.

Вице-президент одной из трех крупнейших строительных компаний Америки Джон Яйтес предался воспоминаниям.

— В 1930 году,— сказал он,— еще молодым инженером я приехал на берег реки Колорадо с первой партией строителей. Это была пустыня, жили в палатках, воду нам привозили в цистернах из далеких колодцев. Там построили крупнейшую в то время гидростанцию мира — Болдер Дам. После этой стройки я работал или часто бывал на всех крупнейших электростанциях США, но строительства, сколько-нибудь близкого к Братской ГЭС, ни я, ни другие американские инженеры не видели и у себя в стране не увидим и в будущем.

Он был прав. Построив в 1941 году гидростанцию Грэнд-Кули на реке Колумбия мощностью около 2 миллионов киловатт, американцы использовали последний в стране створ, где можно было построить станцию такой мощности. До окончания строительства Волжской ГЭС имени В. И. Ленина гидростанция Грэнд-Кули оставалась самой мощной станцией мира. А после ввода в действие братского гиганта мощностью 4,5 миллиона киловатт она станет одной из рядовых станций.

— После того,— сказал глава делегации Сислер,— как мы почувствовали уверенный темп этой большой стройки, увидели, с каким энтузиазмом инженеры и рабочие трудятся в условиях необжитого сурового края, у нас не остается сомнений, что Братская ГЭС будет работать в намеченные вами сроки.

Американским гостям показали Новый Братск, кварталы добротных домов, которые рабочие построили в индивидуальном порядке, получив государственный кредит,— прекрасные коттеджи с раскинувшимися вокруг садами и цветниками. Так было под Иркутском и Новосибирском, так было под Свердловском и Челябинском и в далеком шахтерском поселке Кондома, где выросла мощная Южно-Кузбасская ГРЭС.

Джеймс Давенпорт повсюду внимательно вглядывался в лица крепких, плечистых, жизнерадостных сибиряков и уральцев. И наконец он задал вопрос, очевидно, мучивший его все время:

— Ну, а где же ваши соляные копи?

Мы не сразу поняли вопрос вице-президента энергетической компании из Южной Калифорнии. Он пояснил, что «солт майнс» — соляные копи — на языке, принятом в американской печати, означает «предприятия с принудительным трудом».

Давенпорту ответил один из советских инженеров:

— Это ходячее выражение «солт майнс» порождено, собственно, историческим прошлым вашей страны, Америки. А что касается нынешней Сибири, то ваше представление о ней такого же древнего происхождения. Вы видите сами, что советская Сибирь — это гигантское вместилище свободного, творческого труда.

Президент компании «Консолидейтед Эдисон оф Нью-Йорк» Чарльз Эбл, обращаясь к председателю горсовета Нового Братска А. Ф. Миловановy, сказал:

— Я очень рад познакомиться с мэром одного из самых молодых перспективных городов мира, города, возле которого будет вырабатываться в год больше двадцати миллиардов киловатт-часов энергии стоимостью в десять раз дешевле, чем она обходится моей компании в Нью-Йорке.

Американские гости не раз говорили, что на них произвели большое впечатление современная техника строительства, знания и мастерство советских инженеров.

— Как инженеры,— говорили американские гости,— мы отмечаем такие ваши достижения: вы значительно шире, чем мы, внедряете стандартизацию, это позволяет дешевле и быстрее изготовлять машины и строить электростанции; у вас большие успехи в области скоростного монтажа; вы очень умело используете местные условия при сооружении гидростанций.

Часто во время поездки произносились слова: «дружба», «взаимопонимание», «мир».

В конце поездки Уолкер Сислер сказал:

— Я не стал бы утверждать, что мы, американцы, в восторге от вашего намерения обогнать нас. Но в конце концов важно не, кто впереди, а то, что обе наши страны в мирном соревновании идут вперед. Прогресс и мир на земле зависят от нас с вами. И если мы хотим прогресса всему человечеству, счастья нашим детям, мы должны быть друзьями, должны лучше знать и понимать друг друга.

Уолкер Сислер дружески прощается со строителями Братска.

Многое научился делать за свою долгую жизнь инженера вице-президент «Вестингауза» мистер Монтис, но изготовление пельменей он освоил только в Сибири.

Лидеры английских лейбористов знакомятся с Советской страной

В Советском Союзе по приглашению парламентской группы СССР гостят члены английского парламента — лидер лейбористской партии Х. Гэйтскелл, казначей и член исполкома партии Э. Бивен. Их сопровождают руководящие деятели лейбористской партии Великобритании член парламента Д. Хили и Д. Энналс.

Во время посещения Выставки достижений народного хозяйства СССР в павильоне Узбекской республики гостям из Лондона подарили тюбетейки. На снимке: Э. Бивен (слева) и Х. Гэйтскелл в павильоне «Узбекская ССР».

Фото В. Мастюкова.

Последние минуты Чапаева

Прошло 40 лет со дня гибели легендарного полководца Василия Ивановича Чапаева. В эти дни вновь и вновь вспоминаешь об этом замечательном герое.

Смерть Чапаева описана в романе Д. Фурманова коротко: «Плыли двое, уже были у самого берега — и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову. Когда спутник, уползший в осоку, оглянулся,— позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...»

Кто же был этот спутник? Не может ли он рассказать подробности о последних минутах Чапаева?

Странно, что многими историками остались незамеченными воспоминания красноармейца-рязанца, подписавшегося инициалами Т. С. З., опубликованные 11 и 13 сентября 1927 года в рязанской газете «Рабочий клич».

Воспоминания эти, которые я разыскал, собирая материалы о Чапаеве, представляют большой интерес своей достоверностью и искренностью.

Дочь Чапаева, Клавдия Васильевна, говорит, что рассказ, напечатанный в рязанской газете, соответствует тем первым свидетельствам бойцов, которые после смерти командира приезжали в его семью разделить общее горе и сообщали о последних минутах комдива.

Узнать об авторе ничего не удалось. Может быть, прочтя эту публикацию, отклинется автор воспоминания либо сотрудники газеты «Рабочий клич», товарищи, которые знали чапаевца с инициалами Т. С. З.

Е. АРТЕМОВ

Воспоминания Т. С. З. печатаются с некоторыми сокращениями.

Проснувшись от трескотни винтовок и пулеметов, я долго не мог прийти в себя. Я и мои товарищи спали в саманной кладовой. Отворив дверь и взглянув во двор, я понял, что творится что-то неладное. Разорвавшаяся около двери пуля «дум-дум» дала еще лучшее подтверждение моей мысли, что на нас напали врасплох.

Отойдя от двери, впотьмах я направился к своему логову, где рядом с постелью лежал карабин, а в головах — патроны и наган. Забрав все это, начал будить товарищей:

— Вставай! Тревога!

Вскочившие после моего крика, услышав стрельбу, растерялись и бросились к двери.

Успокоив их, я предложил им забрать винтовки и патроны — этих надежных друзей, и сам пошел вперед, приказав следовать за собой.

Стрельба меж тем превратилась в непрерывный огонь.

Стали выходить один за другим во двор. Во дворе предрассветная темь, хоть глаз выколи, а двор — плетень, обнесенный с трех сторон от халупы и мазанки, сквозь который пули летели напрямик.

Вышли один... другой. Кто-то застонал. Я возвратился назад. Около двери лежало что-то черное. Осветил спичкой. Лежит навзничь. Кровь. Пуля «дум-дум» попала в грудь и вырвала кусок. Перевязали. Пока перевязывали, жил, перевязали — умер...

Вдоль стены, один за другим, вышли на улицу, прижавшись к стене, стали, чтобы немного оглядеться, но, кроме вспыхивающих за углом огоньков выстрелов да темной стены ночи, ничего не видно.

— Стой! Бегут...

— Кто?

— Свои... красные...

Без винтовок, в одном нижнем белье, подбежало десятка полтора человек.

— На нас напали казаки... Мы окружены... Наших нигде нет. За углом казаки — это они стреляют.

— А где ваши винтовки? — спрашиваю их.

— Оставили впросонках.

Узнав кое-что о расположении противника за углом и что его немного, я принял на себя командование отрядом с 14 винтовками и человек 18 без винтовок.

Нужно было выйти на следующую улицу и по ней дойти до штаба, но за углом был противник. Начал наступать на этот угол, где тикал пулемет и трещали винтовки, направляя свои выстрелы по переулку, где стояли мы. Пошли цепью... Пулемет каждую минуту вырывал кого-либо, но ни единого стона, ни единого крика не было слышно от умирающего бойца, ибо он знал, что своим криком он предаст товарищей, которые, прикрываясь темнотою, шли к намеченной цели, где было их спасение. Умирающих заменяли те, которые шли без винтовок...

Послали разведку, которая сообщила, что влево от нас, по реке, Чапаев, а с ним — красноармейцы.

Держать непрерывную связь с его отрядом... Казаков немного. Если есть патроны — прислать ему.

Одного имени Чапаева было достаточно, чтобы поддержать нас всех. Все чувствовали, что он с нами, чувствовали так, как когда-то под Уфой, около Красного Яра, он был с нами. А раз он с нами, то и победа за нами.

Ура Чапаеву!..

Наш резерв — четыре ленты, сбереженные ценою собственных жизней,— послали ему.

«Спасибо, товарищи! Наступать на город! Выбить казаков из города, а в степи казаки не страшны. Берегите патроны! Стрелять наверняка!» — вот что было задано нам.

Пошли в наступление.

Халупу за халупой оставляли позади, пробираясь к площади, где укрепился противник. Шли с трудом, пробираясь по улицам, прячась за угол, за труп, чтобы избежать мишени, стреляя изредка, но наверняка. Каждый выстрел уносил с собою и патрон и казака.

Кучка казаков заходит слева, чтобы пробраться в тыл к отряду начдива. Видим, как сотни полторы, один за другим, без единого выстрела крадутся, чтобы попасть с тыла. В восемь, десять раз они сильнее нашего отряда и численностью и своим вооружением, присланным англичанами.

Медлить нельзя. Минута совещания.

— Задворками наперерез в контратаку?

Не удастся — отвлечем и этим обратим внимание отряда начдива.

Тихо, без шума, дворами, заборами — наперерез.

Опередили...

За углом ждем.

Шепотом:

— На штыки без единого выстрела! Скорее — иначе пропали!

Залпы опрокинули в узкой улице первые ряды кавалерии. Задние наткнулись и ударились об упавших. Получилась каша. Пользуйся моментом!

Ура-а! Опять в атаку.

Сбили их, рассеяли.

Только после, лежа за трупом лошади, я почувствовал что-то теплое в правом сапоге. Смотрю — кровь... Нога плохо двигается. Перевязал...

Патроны редко у кого остались.

— Есть патроны? — спросил он (Чапаев).

— Нет,— послышался грустный, печальный ответ.

— Товарищи, мы дрались смелее львов, защищаться нечем. Товарищи, прощайте и спасайтесь! Нас никто не осудит: мы защищались от тысячи — двадцать человек.

— А ты?

— Я останусь.

Десятка два человек, полуискалеченные пулями и штыками, бросились с левого крутого лбищенского берега в быстрые воды Урала...

Привыкли к победам. Ни разу не отступали они под командой самого. Они знали только вперед, но теперь пришлось назад.

Отступали, сдавая каждый шаг с боем, с кровью.

— Окружают... Не сдаваться! Пробьемся!

Опять атака. Пробились. Получили еще по одной, двум ранам, ушли. Штык пропорол правую руку. Плохо — держать винтовку нечем. Уходя, не успели захватить раненых, казаки докололи их.

— Назад, к реке, где сам! Скорее туда! Общими силами на одном месте отобьемся.

Пришли.

Он в белой рубашке, в своей казацкой фуражке, с раненой рукой, с каплями крови на лбу. Не знаю, ранен ли он был или, утираясь рукой, замазал лицо.

— Товарищи, крепись! Мы в окопах. Еще час, полчаса, и к нам придет поддержка...

Ух-х... Разорвался снаряд, и дальше не было слышно его речи.

Он стоял на блиндаже окопа и смотрел в сторону противника, который группировался к крайним домам, подтягивал туда все силы, желая покончить с нами раз навсегда.

Единственный патрон, оставшийся в моем карабине, я берег для себя, решив покончить с собой, так как спастись мне нельзя: рука и нога не служили.

Увидя, что я пристраиваю винтовку, он вырвал ее.

— Одним казаком будет меньше!

Я видел: он приложился, выстрелил.

Выстрел достиг цели — свалился седок с седла.

— Ах ты!..— Он выругался, выхватил мой наган, в котором остались патроны.

— Сдавайся, Чапаев! Сдавайся! — кричали казаки, подходя к нему ближе и ближе.

— Берите, но сам не сдамся!

Казаки были очень близко, и он начал стрелять из нагана.

— Берите! Чего боитесь?

Один, другой выстрел...

— Берите! — кричал он, дострелявая последний патрон.

— В воду; чего не спасаешься? Жизнь понадобится! — закричал он, схватив меня поперек и, дойдя до края, свалился.

В нас не стреляли. Какой-то казак преследовал нас до берега, хотел достать копьем, но берег был высок.

...Сорвал с меня одежду (Чапаев), толкнув в воду, бросился сам и поплыл.

Сведенная рука не давала мне плыть. Я плыл, кружась на одном месте. Он плыл рядом.

Случайно я оглянулся назад, на берег. Там несколько казаков докалывали раненых, которые не могли подняться, ставили пулемет. Один стоял и стрелял, прицеливаясь в Чапаева.

Я выбился из сил и стал тонуть.

— Крепись! — крикнул он мне и чуть поддержал меня.

Оправился, поплыл.

Течение отнесло меня аршина на полтора ниже.

Он стал выбиваться из сил. Раз, другой погрузился в воду.

Я напряг все силы к нему, но сил не было. Руки, ноги не двигались. Он скрылся...

Я потерял сознание...

...Течение Урала вынесло меня на правый берег Лбищенска и спасло мне жизнь.

Не спасся он, жертвуя своей жизнью ради меня, израсходовал последние силы.

Я лежал на берегу. Мой взгляд упал на часы, которые стояли, но до этого шли. Попавшая вода остановила их. На них было 9 часов 10 минут.

Это было 5 сентября 1919 года...

ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

РАБОЧИЙ КЛИЧ

ВОСКРЕСЕНЬЕ 11 сентября 1927

Последние известия

ВОСТОРГ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ ДОВОЛЬНА СОГЛАШАТЕЛЯМИ

Мартирос Сарьян.

СОЛНЕЧНАЯ КИСТЬ

Мартын МЕРЖАНОВ

Извилистая тропа ведет в гору. Человек с этюдником в руках медленно поднимается к вершине. Ему трудно: гора высокая, дорога тернистая. То и дело камни срываются из-под ног и с гулким шумом, словно далекий гром, летят вниз.

Художник взошел на гребень хребта и оглянулся: перед ним в тумане виднелся двуглавый Арарат, вершины которого были схвачены снежной шалью, внизу торопливо бежала река и покоилась огромная долина, опаленная солнцем, без трав, кустов и садов.

Он видел, как крестьянин из последних сил нажимал на поручни деревянной сохи, а измученная лошаденка нековаными копытами била по ссохшейся земле и, обессиленная, останавливалась.

Видел художник, как солнце освещало не только пленительные горные пейзажи, но и лачуги в земле и в камне. Рядом с красивой архитектурой храмов виднелись глиняные плоскокрышие дома и высокие заборы, за которыми пряталась народная нищета. Это была родина художника — Армения. Он полюбил ее такой, какой увидел впервые, — в беде.

На почтовых лошадях, в тарантасе без рессор ездил он к озеру Севан, в Лорийское ущелье, к александропольским склонам Арагаца. Его увлекало все: розовый туф, чадра турчанки, одинокий тополь, бог весть как забравшийся на скалу. Художник вглядывался в краски горных ландшафтов, менявшиеся с непостижимой быстротой, изучал быт людей, историю родных мест, а история была кровавой и иногда загадочной.

С тех пор человек с этюдником не покидал Армению и «пел ее кистью». То был молодой Мартирос Сарьян.

Воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ученик В. Серова, К. Коровина, И. Левитана, молодой Сарьян приобщился к русскому реалистическому искусству. Позже, побывав в Армении, он принял «наследие веков» — пестроту и красочность народной культуры. С нею впервые он встретился на развалинах древней столицы Багратидов — Ани, где увидел и крепостные стены, и башни, и искусную работу каменотесов.

Полюбил он национальные формы орнаментов в Звартноце — храме «бдящих сил», полюбил Эчмиадзинский собор с его фресками и декоративными фризами; они были живой историей, в которой так сильно звучал и художественный язык народа.

Это счастливое сочетание классической живописи с национальным искусством, глянувшим на художника из глубины веков, помогло создать свою манеру письма, найти свой колорит и неповторимые образы.

Сарьян в дружбе с солнцем. Он любит золотистый воздух, пронизанный его лучами, наблюдает за удивительными цветовыми превращениями, как ученый наблюдает в телескоп за солнечной короной или протуберанцами. И единственное, чего художник не видит, это пятен на солнце. Его солнце всегда празднично и поэтично.

Мне приходилось видеть художника «на натуре», когда он острыми, всегда молодыми глазами оглядывал природу — мишень своего вдохновения — и уже примерял к ней свои певучие сочетания красок.

В этюднике в чинном ряду штабелями лежали цинковые тюбики с цветными этикетками. Здесь были все «номенклатурные» цвета спектра. Но никакая берлинская лазурь не могла передать прелести южного неба над Араратом, и тогда художник затевал на палитре «бой красок» и в огне этой борьбы находил нужный оттенок, как поэт находит нужное слово среди «тысячи тонн словесной руды». Солнце хозяйничало в этом бою и отбрасывало прочь мертвые серые и бурые краски.

Вот-вот уйдет в ущелье золотой отблеск, который так нужен полотну Сарьяна. Художник мастерски ловит его, играет с ним, а заодно уходит в окружающий мир целиком, отдаваясь живописи так, как отдаются пению — до самозабвения.

— Мартирос Сергеевич!..

Художник не оборачивается. И я понимаю, что он ничего не видит, кроме лежащего перед ним пейзажа и палитры, и ничего не слышит, кроме ручейка, бегущего у его ног.

Палитра — цветовой паспорт живописца. В ней выражено все: настроение, убеждения, художественные взгляды, «символ веры».

Я видел такую палитру Сарьяна «после боя». Она являла собой изумительный парад красок-победителей. Глядя на нее, как же не вспомнить призыв великого русского пейзажиста Саврасова: «Солнце гоните на холст»!

Солнце! Оно само ложилось на эту палитру и в горах Арагаца и в долине Нила. Сарьян умел ловить эту такую разную «работу солнца» в горах и в пустыне и брал ее на «колористическое вооружение».

Всегда можно отличить светлые холсты Сарьяна от иных солнечных холстов.

В ереванской мастерской художника на стене в рамке под стеклом на самом видном месте — у входной двери — висит типографский оттиск статьи. Он очень дорог художнику. Статья принадлежит перу А. В. Луначарского и неизвестно почему не увидела света.

«Когда я побывал в Армении, я почувствовал, что М. Сарьян реалист в гораздо большей мере, чем я это предполагал. Едучи долгими часами по каменистой равнине Армении среди разноцветных и причудливых гор, под постоянным, величественным благоговением патриарха Арарата, и видя, как светит здесь солнце, какие рождает оно тени, как растут здесь деревья, движутся или покоятся люди и все живые существа, — я внезапно увидел перед собой сарьяновские картины в живой действительности. Сарьян — большой, красочный музыкант, подлинный художник, композитор и горячий поэт...»

Детские годы Мартироса Сарьяна прошли на хуторе близ речки Сухой Самбек, что змейкой бежала меж донских курганов. Семья Сарьяна была трудовой крестьянской семьей, каких много было тогда в этих местах после переселения армян из Крыма.

Деды их плавали под парусами в Константинополь, торговали на бойких базарах янтарной крымской пшеницей, а вывозили оттуда дешевые заморские ткани, пестрые и блестящие. Плавания эти всегда сопряжены были с капризами моря, грозные волны частенько топили в своем разгуле парусную лодку, как песчинку.

Как-то на московской квартире художника в Карманицком переулке в задушевной вечерней беседе Мартирос Сергеевич вспомнил о своих предках. Он сидел в кресле в теплой фланелевой куртке, прикрыв ноги клетчатым пледом. Ему нездоровилось. Голову он опустил, и прядь густых волос свешивалась ему на лоб.

— Они плыли в старинной ладье в Турцию... Солнце пекло, и на море стояло безветрие — штиль. Один из моих предков занемог. Была ли то простуда или лихорадка, съедавшая людей, как мух, не знаю. Он метался в жару и стонал на дне лодки, среди мешков с зерном. Когда же его муки стали нестерпимыми, несчастного привязали к доске и... бросили в море...

Рассказчик помолчал. Молчали и мы.

— Был и другой у меня предок, тот возвращался домой, благополучно заканчивая плавание. Откуда ни возьмись, сильнейший ветер, за кормой поднялись большие пенистые волны, и лодку с парусом бросало по гребням до тех пор, пока она не разбилась: парус поплыл, товар пошел ко дну, а люди спасались кто как мог. Почти все погибли... К вечеру береговой патруль увидел человека, лежащего на берегу. Он был без сознания. Видимо, долго пролежал под солнцем: тело было черным и сухим. Его с трудом привели в чувство. Это был мой дед...

Тут рассказчик поднял голову и глянул в наши лица.

...В детстве Мартирос помогал отцу по хозяйству: пас скот, молотил на току, ловил рыбу. Любил ходить в камыши, гулять в высокой траве и подолгу глядеть на огромное красное солнце, медленно уходившее за темные курганы. И теперь, окунувшись в давние воспоминания, он видел, как перед ним вставали и бревенчатый сруб, где он спал на соломе и тряпье, и цыгане, гулявшие по хуторам, и волки, напавшие на овчарню. Детская цепкая память удержала картины бедствия в дни, когда падали от чумы красные, калмыцкой породы коровы и стонали, как стонут люди... И особенно отчетливо задержались в памяти неповторимые пейзажи донских степей, курганов, перелесков.

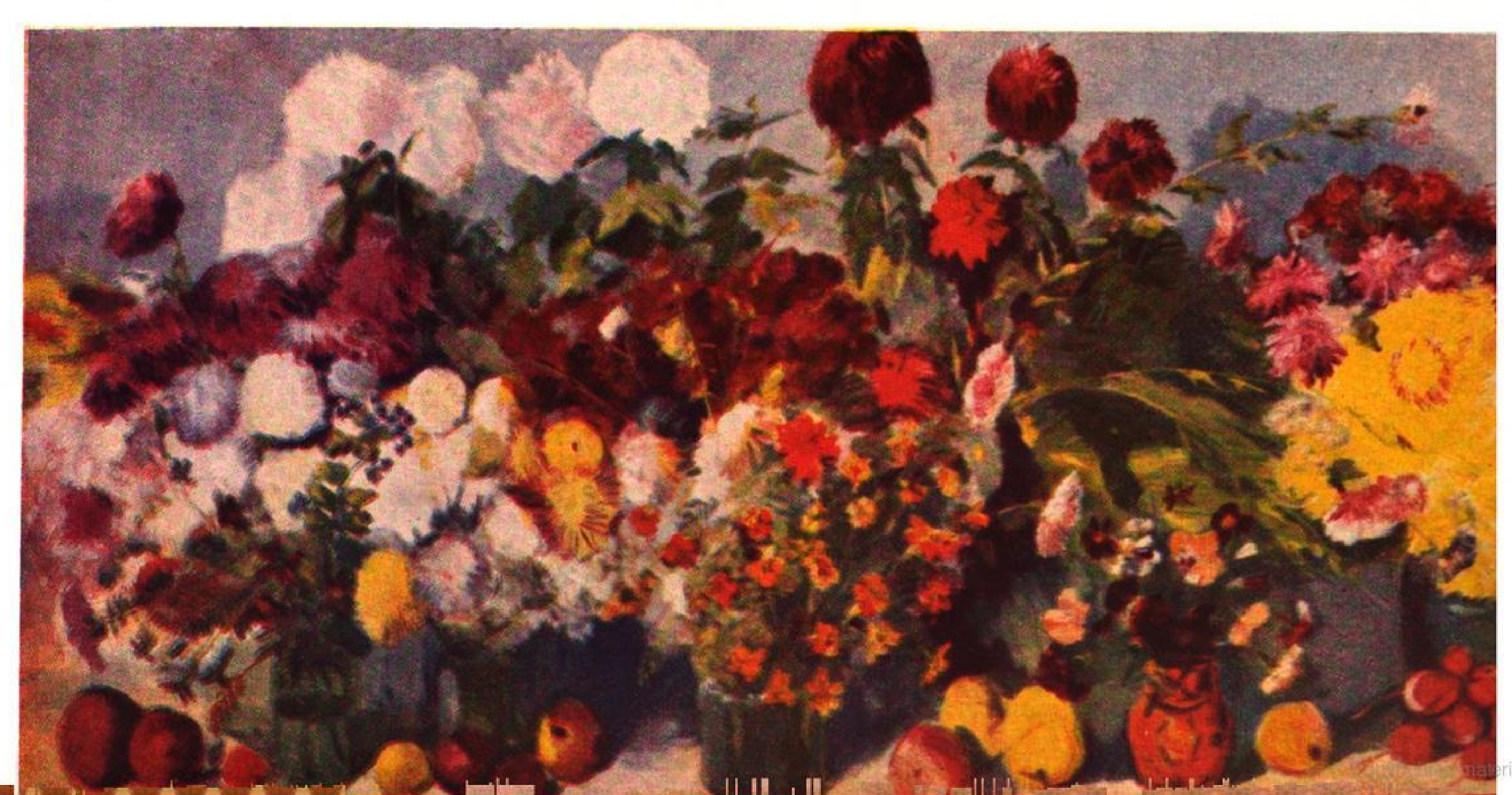
Мальчик в черных сапожках, в картузе с гербом и форменной серой рубашке жил в Нахичевани на Дону под присмотром старшего брата и учился в городской гимназии. Увлекался рисованием, писал акварелью, раскрашивал простые географические карты, но больше всего любил карту области Войска Донского, где были близкие ему курганы, село Чалтырь, река Самбек.

В конце прошлого века юный Сарьян появился в стенах Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В конкурсе участвовало 140 претендентов. Юноша из Нахичевани на Дону вошел в комнату, где на высоком постаменте стоял слепок гипсовой головы Давида. На столе лежали уголь и бумага. Так один на один оказался он с творением Микеланджело.

Позже на стене появился список принятых в училище. Их бы-

М. С. Сарьян. ФИНИКОВАЯ ПАЛЬМА. 1911 год.

М. С. Сарьян. ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ И ФРУКТЫ. 1939 год.

«Огонек».

М. С. Сарьян. АРАРАТ ИЗ ДВИНА. 1952 год.

до всего 18 человек. Среди них — Мартирос Сарьян.

Он с увлечением занимался во всех классах: оригинальном, головном, фигурном и натурном. По окончании училища и по представлении картины Сарьян получил большую серебряную медаль и звание классного художника.

Как всякому молодому человеку с пылким воображением и неутомимой энергией, «классному художнику» захотелось путешествовать. Ему казалось, что знания, приобретенные в училище, были лишь «профессиональным трамплином» для прыжка к новой живописи.

Он решил ехать на юг, в горы, в долины, где солнце рождает причудливые цветовые сочетания, необычные тона, новый свет.

Сарьян двинулся в Армению, Турцию, Египет, Персию. Он ездил много: на лодке переплывал горную реку Чорох, на коне взбирался на Яланусчамские горы, сквозь снежную метель пробирался через перевал к Ардагану, на верблюде пересекал пустыню. Художник видел много. Все новые края открывались перед ним во всей своей дикой прелести, под палящим южным солнцем, которое он искал. Здесь художник прошел свой «солнечный университет». Природа неустанно преподносила ему цветовые подарки и словно выставляла себя напоказ перед человеком, влюбленным в нее.

Мартирос Сергеевич рассказывает:

— Решил ехать к пирамидам... Подвели верблюда... Он показался не таким, каких я видел у нас. Слишком высоко он держал голову. Дали погонщика. Он снабдил меня бурнусом и чалмой. На рассвете мы вышли из поселка в пустыню. Небо серое от пыли... Еду, раскачиваюсь и внимательно озираюсь по сторонам. Пески, пески, бесконечное море песков, то волнистое, то спокойное... Однообразно, но интересно... Поднялось солнце, стало жарко. Пески золотились под первыми лучами, потом пожелтели, побелели... Жарища.

Кто знает, может быть, светлая палитра художника, рожденная в Армении, обогащалась в дни бесконечных скитаний по пустыне, в поездках то вдоль голубого Нила, то к гробницам фараонов, то к сфинксу, разбитому французскими пушками.

Картины, привезенные им из Африки (как, впрочем, и те, что сделаны им до этого в Константинополе), носят на себе следы поисков не только новой формы, но и новых удивительных красочных сочетаний. Всем запомнились его «Финиковая пальма», «Идущая феллахская женщина». В них художник словно отбрасывает мелочи, мешающие ему обобщать не только рисунок, но и цвет. Это была смелая попытка молодого художника передать колорит страны в самых типичных его проявлениях.

Вот пальма, раскинувшая свое лиственное царство над низкими желто-оранжевыми плоскокрышими домами, спящий «король пустынь» — верблюд, на котором художник совершал путешествие, ослик, утомленные солнцем люди...

Признаться, до этого мне не случалось видеть картин, столь ясно передающих образ знойного дня.

Поездки не утомляли Сарьяна. После Египта он побывал в Персии, любовался Иранским плоскогорьем, высокими минаретами, красными маками на вершинах гор.

Путешествовал по Италии, в Париже, на улице Рюброк, имел свою мастерскую, встречался с Е. Лансере, К. Коровиным и А. Бенуа, выставлялся в салоне «Галери Жирар». Парижане любовались цветами, фруктами, портретами и пейзажами — «сферой действия» сарьяновской кисти.

Во Франции художник прожил полтора года. Он видел «тяжелое дыхание» фабричного Парижа, зеленый покой Булонского леса, кабачки Монмартра. В Париже он создал больше тридцати картин. Холсты упакованы и отправлены через Марсель в Одессу.

Когда Сарьян вернулся из Парижа в Ереван, его ждало сообщение: «Все картины сгорели в трюме парохода во время его стоянки в Константинопольском порту»...

От спички, уроненной матросом, воспламенились опилки в трюме, где находились картины.

Через некоторое время страховая контора в Париже выслала ему «за понесенный ущерб» краски, холст, мольберт. Такова была просьба художника.

И вот снова человек с этюдником стоит на горе. Теперь он академик. Позади большая жизнь, перед ним тот же двуглавый Арарат, названный народом Масис, и внизу та же река, та же долина. Нет, не та: вдали виднеется линия пирамидальных тополей, в розовой пене клубятся сады, зеленеют виноградники, хлопковые плантации.

Перед художником лежал цветущий край, который был полон жизни, благоухания и тепла.

В величавую картину природы вписывались стройные линии металлических конструкций и развалины древнего города, контуры храма Рипсиме и дымок трактора, буйволы и автомобили. Все виделось в пестрой фантастической гамме цветов, которыми так щедро одарила южная весна горы, долины, дубравы.

Это обновленная родина художника. Там, на родине, его зовут «варпет» — большой мастер, уважаемый человек, — вкладывая в это слово всю к нему любовь. Он отвечает взаимностью.

Его можно с этюдником в руках встретить в садах Арташата, в персиковых рощах Октемберяна, на астрономической станции в Бюракане и на перевале, где Пушкин встретил тело Грибоедова...

Он и до сих пор неутомим.

...Каждый день на выставке картин Мартироса Сарьяна было так людно, что срок выставки пришлось продлить. Ее полюбили. Кто-то из москвичей метко сказал:

— Это не юбилей художника, а наш праздник.

Когда входишь в зал, увешанный сарьяновскими пейзажами, то попадаешь в мир света и тепла. Видишь, что в творчестве художника — от его константинопольских улочек до последних картин Араратской долины — из года в год возрастали свежесть, поэтичность, образность письма.

Достаточно взглянуть на картины «Арарат из Двина», «Колхоз села Кариндж в горах Туманяна» или «Лалвар», чтобы убедиться в этом.

Последняя выставка М. Сарьяна была не столько юбилейной, сколько отчетной за шестьдесят лет работы. Мы увидели работы, помеченные началом века, и картины, написанные в недавние дни. Здесь были и знаменитые его натюрморты, по-южному пестрые и по-южному ароматные, и портреты, этюды, зарисовки.

Помнится вечер, когда в маленьком зале, стены которого были обтянуты серым холстом, собрались люди, чтобы обсудить выставку картин Сарьяна. Художника приветствовали живописцы, писатели, поэты, музыканты. И когда торжество подходило к концу, луч солнца пробился в комнату и розовым пятном лег на стену. Это было замечено всеми. По этому поводу шутили, а мне показалось, что художник был очень рад запоздалому лучу.

В ответном слове он сказал:

— Я уже не молод... Но глаза мои видят хорошо, и я им верю. И пока они будут видеть, я буду писать то, что вижу...

В словах художника — любовь к правде.

Потом квартет имени Комитаса исполнил эчмиадзинский танец, Святослав Рихтер сыграл Листа, а Наталья Кончаловская прочла стихи, написанные тут же:

Бывает так, что среди лета
Из туч, нависших над Москвой,
Зарядит дождик без просвета,
Крадя короткий отпуск твой.
И вдруг подует ветер южный,
Разгонит стаю хмурых туч.
Сквозь мокрый зонт, уже ненужный,
Пробьется солнца острый луч.
...И капли солнца в листьях мокрых,
Что к радуге попали в плен,
И чернота в раскрытых окнах,
И белизна омытых стен —
Все ярко, чисто, без обмана
Обрадованный видит глаз.
Вот так на выставке Сарьяна
Его искусство встретит нас.

Встречи

Орлин ОРЛИНОВ

Награда

Знакомый пекарь как-то мне сказал:
— Вся жизнь моя проходит над квашней.
Мешу я тесто, хлеб сажать мне нужно
и вынуть из печи его в свой срок...
И знаю я, какая мне награда —
не полководец я, а хлебопек.

Задумавшись, я так ему ответил:
— Награда будет, брат, и не мала!
Закончив долгую ночную смену,
шахтер возьмет твой хлеб и, надломив,
чистосердечно по-шахтерски скажет:
— Да будут руки те благословенны,
что испекли мне этот вкусный хлеб!

* * *

Не забуду, как в Хисаре
я с болгаркою одной
повстречался на базаре,
словно с юною весной:

в тонкий свой сукман одета,
обольстительна, гибка,
с сорванною в час рассвета
красной розой у виска...

Много, много глаз влюбленных
наслаждалось красотой —
нет, не цветом утомленных
роз, осыпанных росой...

А бедняжку удивляет,
почему удачи нет,
почему не покупают
замечательный букет.

Но купить мы не решались,
так как знали наперед:
как бы мы ни огорчались,
вмиг домой она уйдет

и в хлебах, что веют жаром,
скроется из наших глаз,
и обыденным базаром
станет вновь базар для нас.

Ну, а нам казалось мало
не мгновений, а часов
любоваться розой алой,
что красивей всех цветов,

провожать ее глазами
и о том мечту таить,
что на свете ни словами,
ни деньгами не купить!

Перевел с болгарского Александр Гатов.

В ГОСТЯХ У УЧАСТНИКОВ ВДНХ

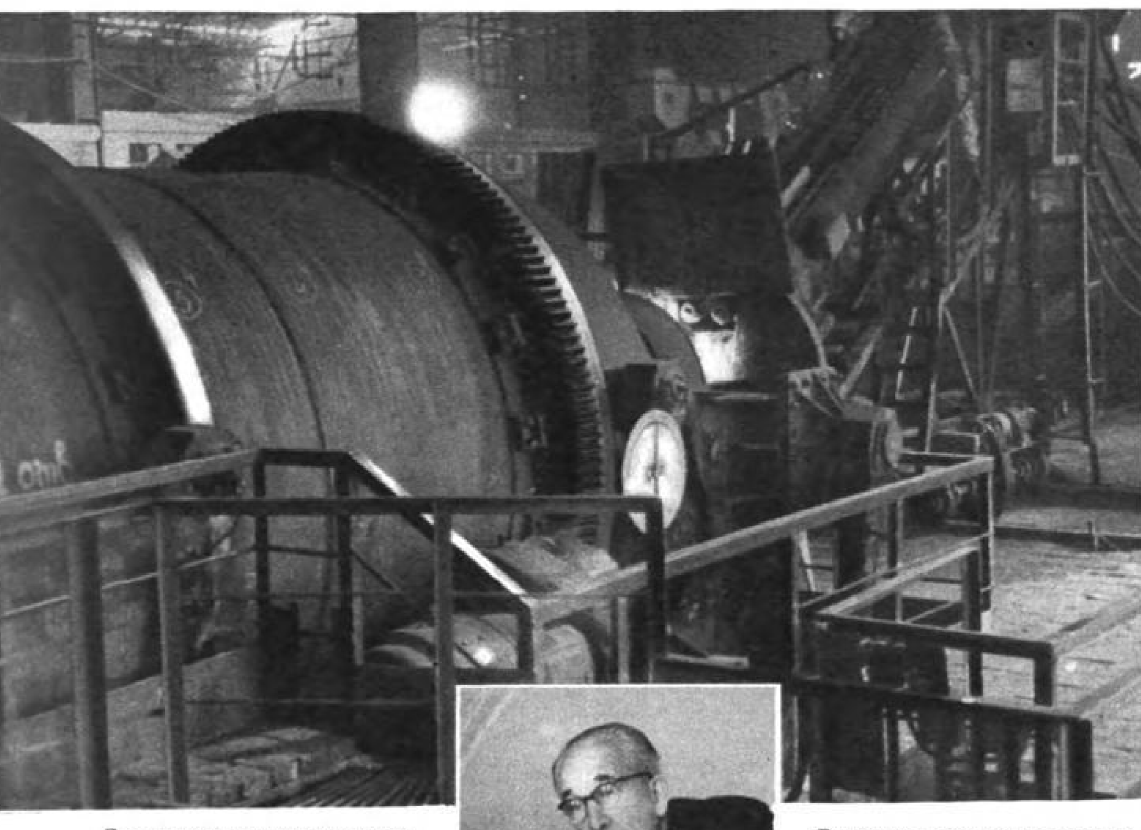
Творцы чудес

Ежедневно тысячи советских людей посещают павильоны Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Все здесь интересно, все хочется посмотреть! Одни подольше задерживаются в павильоне «Радиоэлектроника», другие — у стендов с образцами новой мебели.

Многое из того, что здесь представлено, уже внедряется в производство и пришло сюда после строгой проверки — проверки опытом, практикой.

Кто они, творцы этих чудесных вещей? Где работают, что делают? Наши корреспонденты побывали у них в гостях.

Четвертый метод

Роторная сталеплавильная печь.
Фото Я. Кунина.

Это цилиндрическое сооружение, чем-то напоминающее опрокинутый набок гигантский самовар, даже по внешнему виду не имеет ничего общего с мартеновской печью. Однако есть среди металлургов люди, которые утверждают, что именно таким будет мартен будущего.

А пока посетители ВДНХ с интересом следят за работой небольшой модели роторной установки, в одном из сталеплавильных цехов Нижне-Тагильского металлургического комбината такой же агрегат, только в натуральную величину, дает плавку за плавкой. Это первая в Советском Союзе опытно-промышленная роторная сталеплавильная печь.

...Медленно вращается ее цилиндрический корпус. Невидимые для глаз процессы рождения высококачественной стали происходят где-то там, внутри. Вначале огненной струей устремляется в печь чугун, а затем с помощью специальных фурм жидкая масса металла продувается кислородом. При вращении печи намного интенсивней проходит процесс плавки, быстрее выгорают вредные примеси — сера и фосфор, и уже через 30 минут из сталеплавильного отверстия в ковш поступает готовая сталь.

Более ста двадцати опытных плавок проведено на роторной печи. Что они показали?

Главный конструктор ротора руководитель сталеплавильной группы Уралгипромеза на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате Сергей Аркадьевич Красовский рассказывает:

— До последнего времени было известно три метода выплавки стали: конверторный, мартеновский и на электропечах. Сейчас появился новый, четвертый, роторный метод. Теперь по этому методу мы получаем сталь самых различных марок с широкими пределами содержания углерода — от 0,05 до 0,8 процента. Прокат, полученный из слитков роторной стали, отличается исключительно высокими свойствами. Доказано, что в роторной установке можно получить металл любого заданного состава.

Конструктор роторной печи Сергей Аркадьевич Красовский.
Фото В. Демидова.

Но основное преимущество новой печи — ее экономичность. Посудите сами. Если наш первый небольшой ротор емкостью всего в 15 тонн регулярно загружать чугуном, он даст не менее 24 плавок в сутки, то есть такую же производительность, как и 140-тонная мартеновская печь. А ведь стоимость сооружения роторной печи раз в пять дешевле, чем мартеновской, да и построить ее можно в несколько раз быстрее.

Сергей Аркадьевич рассказывает о роторе с увлечением, демонстрирует диаграммы, кривые, заключения лаборантов...

Разработка новой технологии выплавки стали — плод усилий большой группы ученых и металлургов. С. А. Красовский называет фамилии инженеров Макаева, Лебедева, Гуревича, Маковского и многих других. Над созданием экспериментальной роторной установки потрудились и в Институте металлургии Уральского филиала Академии наук.

Конструкторы и эксплуатационники подводят итоги проделанной работы, обсуждают результаты исследований. Вот и сейчас в цехе, у вращающейся установки, мы оказались свидетелями оживленного спора. Что-то не ладилось с футеровкой, и начальник роторной печи, совсем еще молодой инженер, торопился высказать свои претензии.

— Это мой сын, Владимир Красовский, — отрекомендовал его Сергей Аркадьевич.— Жили всегда дружно, а теперь каждый день до хрипоты спорим...

Опыты завершаются. Сейчас на Нижне-Тагильском комбинате приступают к проектированию вращающегося сталеплавильного агрегата уже промышленного назначения. Это будет роторная установка большой емкости, которая по своей производительности сможет полностью заменить мощную мартеновскую печь, хотя и обойдется во много раз дешевле.

— Вот увидите,— говорит Красовский,— пройдет несколько лет, и весь третий сталеплавильный цех второй очереди комбината будет роторным.

А. ГРИГОРЬЕВ

«НСЕ»

Вы, может, и не обратили внимания на этот маленький, ничем не примечательный на первый взгляд станок. Он стоит в одном из павильонов ВДНХ. На сером корпусе три буквы: «НСЕ» — намоточный станок Егорова. Кто такой Егоров? Слесарь Московского завода счетно-аналитических машин. В прошлом году его станок побывал в Нью-Йорке, и представители различных фирм запрашивали: нельзя ли получить образец?

Многие работницы предприятий, выпускающих электронную аппаратуру, помнят, как, склонившись над столами, вручную наматывали они на маленькие колечки тонюсенькие, толщиной с человеческий волос провода. Каждый раз приходилось протаскивать провода сквозь крошечные отверстия. Это так же трудно, как вдевать нитку в иголку. Одна работница могла намотать за смену тридцать колец, не больше. А их, этих миниатюрных трансформаторов к электронно-вычислительным машинам, требуются тысячи.

И вот две тонкие блестящие иглы без прикосновения человеческих рук захватывают проводок своими подвижными захватами и протаскивают его сквозь едва заметное отверстие. Делают они это в двенадцать раз быстрее самой умелой намотчицы. Это — творение рук слесаря Бориса Сергеевича Егорова.

Помогают ему заводские конструкторы, технологи, мастера. По его эскизам выполняют чертежи, оснастку, обрабатывают детали. Придумок у Егорова много, а еще больше всяких замыслов.

Он и дома по вечерам что-то мастерит, чертит, собирает, испытывает. Квартира его напоминает своеобразную мастерскую-лабораторию. Когда мы побывали у него в гостях и поинтересовались успехами изобретателя, он прежде всего предложил нам послушать классическую музыку. Какое отношение имеет она к изобретательским делам Егорова? Оказывается, самое прямое.

Борис Сергеевич поставил на стол магнитофон незнакомой нам конструкции.

— Сам в свободное время сделал,— сказал он.

В аппарате два динамика вместо одного, а энергии он потребляет вдвое меньше тех, которые выпускаются на заводах. И звук чище, весомее, как бы объемистее.

Егоров собирает второй магнитофон. Этот будет еще совершеннее.

А потом он показал нам часы. Вроде бы обычные часы-ходики, только без гирь. Но, оказывается, есть еще одно отличие: нет тут часового механизма. А вот уже несколько лет ходят минута в минуту. Внутри у них электрический моторчик. Он делает два оборота в минуту и вращает стрелки. Есть у часов, как у будильника, третья стрелка. Моторчик соединен одновременно с электрической и радиотрансляционной сетью. Утром часы будят хозяев на работу. Вместо боя автоматически включается радио.

— В нашей комнате, может быть, только электрическое освещение не придумано Борисом Сергеевичем,— шутит жена Егорова, Надежда Ивановна.— И приемник, и радиола, и телевизор — все он сам сделал. Вот и швейную машинку переделал. И даже мебель у нас собственного производства.

Сейчас Борис Сергеевич увлечен новой конструкцией микролитражного автомобиля. По его предположениям, это будет комфортабельная машина, похожая на «Волгу», но только меньше размером. На сто километров ей потребуется три с половиной литра бензина — почти в три раза меньше, чем потребляет «Москвич».

Научно-техническое общество приборостроения избрало Егорова своим членом. Но за советом и помощью к нему приходят не только как к изобретателю, новатору производства: Борис Сергеевич — депутат Московского городского Совета, член ВЦСПС.

Б. КРЫЛОВ

Борис Сергеевич Егоров с дочкой Ирой.
Фото Г. Санько.

…ных вещей

ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ!

Мебель для кабинета.

В небольшие выставочные залы Дома политпросвещения Таллинского горкома партии ежедневно приходят сотни экскурсантов: всем хочется посмотреть образцы новой мебели таллинской экспериментальной фабрики «Стандарт».

Такой повышенный интерес к мебели сразу расшифровывает диаграмма, вывешенная у входа: в 1958 году в республике продано мебели почти в шесть раз больше, чем в 1950 году. Растут новые города, поселки, новые улицы, ежедневно справляются новоселья. А какое же новоселье без новой мебели?

За два года своего существования фабрика «Стандарт» (она выросла из небольшой артели) стала популярной в республике, потому что мебель у нее вопреки названию нестандартная, своеобразная, удобная и модная.

...Образцы кабинетной мебели. Светлый лакированный ясеневый стол с двумя тумбами, украшенный декоративными черными, хорошо отполированными ручками. Он изящен и кажется очень небольшим, хотя на самом деле так же вместителен, как и его предшественник. Долго служивший нам «гигант» теперь кажется рядом с новичком столь же неуклюжим, как, скажем, современный велосипед рядом со своим первым прародителем.

И еще письменный стол с одной тумбочкой строгих, красивых линий.

Книжные полки и шкафы... О, сколько забот эти предметы доставляют книголюбам! Кажется, фабрика «Стандарт» нашла способ избавить их от этих забот: здесь выставлены разные варианты секционных шкафов и полок — их можно комбинировать, как заблагорассудится. Тут же шкаф для большого, солидного кабинета — с двумя и тремя раздвижными стеклянными дверцами.

Мебель для столовой: раздвижной стол, простые стулья, обитые серо-голубой и светло-желтой мохнатой тканью, вместительный буфет — все это удобно размещается в сравнительно небольшой комнате.

А вот хорошо обставленная однокомнатная квартира: широкая тахта на черных отполированных ножках со шкафчиком для белья; вдоль стены — уже знакомые нам устойчивые секции и полки. Они могут служить бельевыми и книжными шкафами, буфетом; комнату украшают секретер, столик, полка для цветов и удобный столик для радио.

Конструкторское бюро фабрики «Стандарт» во главе с Александром Аусом — как бы мозг всей мебельной промышленности Эстонии. Чертежи и конструкции мебели разрабатывают девять художников и архитекторов — специалисты по мебели. Три столяра-краснодеревщика — Эрих Виндеман, Харальд Аасярв и Олев Йигисоо — делают по этим чертежам образцы. Когда они готовы, на фабрику приходят члены художественного совета совнархоза ЭССР и утверждают или отвергают эти образцы. Затем устанавливается цена, и мебель выпускают серией, поступающей в продажу. Дальнейшую судьбу новых образцов решает покупатель. А он решил: одобрил!

Конструкторы эстонской мебельной фабрики «Стандарт» Александр Аус и Удо Умберт.

Фото С. Розенфельда.

С образцами мебели «Стандарт» уже познакомились и тысячи экскурсантов Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. А чертежи образцов можно получить в Центральном мебельно-конструкторском бюро «Главстандартдома», которое разрабатывает их для массового производства.

Эстонские конструкторы мебели не сомневаются: «Вам это понравится!»

Н. ХРАБРОВА

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

МИЛЛИОН ЗЕМНЫХ АТМОСФЕР

В недрах земли природа заготавливает ценнейшие полезные ископаемые. Чтобы узнать рецепты властителя земных недр Вулкана, человеку пришлось много учиться, наблюдать, угадывать. В своих лабораториях он пытался создать те же условия, которые царят в подземных мастерских. Выяснилось, что хрупкий и ломкий чугун, помещенный в жидкость под высоким давлением, становится пластичным и изгибается, как упругое тело. То же происходит с мрамором, кремнеземом, каменной солью. Высокое давление помогло ученым превратить ничем не примечательный черный графит в сверкающий драгоценный алмаз.

Много других замечательных превращений увидели ученые, подвергнув знакомые вещества большим давлениям. И узнали бы еще больше, если бы опыты эти были не так сложны. А сложность заключается в том, что приборы, в которых создаются высокие давления, должны быть сделаны из сверхпрочных материалов. Еще несколько лет назад самым высоким давлением, которое создали люди в своих приборах, было 100 тысяч атмосфер. Но в природе встречаются куда более высокие давления.

Группе советских ученых — Л. В. Альтшуллеру, К. К. Крупникову, Б. Н. Леденеву, В. И. Жучихину, М. И. Бражник при участии академика Я. Б. Зельдовича удалось получить в лабораторных условиях давление в 5 миллионов атмосфер! Добились они этого принципиально новым способом, раньше всего отказавшись от прежних методов создания долгодействующего давления. Отказались они и от поисков каких-то особых сверхпрочных материалов для изготовления специальных приборов. Как же добиться этих колоссальных давлений, если даже самые прочные металлы начинают при сильном давлении деформироваться, а потом и течь, как смола?

Ученые решили сжимать исследуемое вещество так быстро, чтобы процесс «течения» еще не успел проявиться. Для получения огромных кратковременных давлений они применили взрывную волну.

Оказывается, что за фронтом мощной ударной волны, образующейся при взрыве современных взрывчатых веществ, создаются условия всестороннего сжатия. Давления при этом достигают миллионов атмосфер. Но взрыв происходит почти мгновенно. Основная задача — быстро и точно зафиксировать результаты опыта. Здесь не обойтись без методов радиоэлектроники. Специальные датчики преобразуют механические величины — давление, скорость, смещение и другие — в электрические величины — напряжение и ток. Специальные усилители, способные без искажений усилить напряжение или ток в миллионы раз, позволяют наблюдать соответствующие кривые на экранах особых, сверхскоростных электронных осциллографов, разработанных Н. Лебедевым, Е. Этингофом и М. Тарасовым.

Опыты показали, что при таких колоссальных давлениях металлы не подчиняются обычным уравнениям теории упругости. Здесь начинается царство квантовой механики. При давлениях в сотни миллионов атмосфер электронные оболочки атомов будут разрушены и потеряют свою индивидуальную структуру.

Новый метод очень поможет ученым разобраться в процессах, происходящих в недрах земли, на далеких планетах и звездах, поможет создавать для нашей промышленности новые материалы с новыми свойствами.

И. РАДУНСКАЯ

Документы до и после реставрации.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УГАСАЮЩИХ ТЕКСТОВ

«Апостол», 1564 год. Первая книга, напечатанная в типографии первопечатника Ивана Федорова. Четыре столетия пережила эта книга. В скольких руках побывала она! Сколько пальцев перелистало ее страницы! Углы книги почернели и отвалились. А тут еще какой-то усердный монах, проводя за книгой бессонные ночи, закапал ее воском... Но «докторам» старинных документов удалось восстановить этот ценнейший памятник, продлить его жизнь.

Прихотливо складывались судьбы исторических документов до того, как они попали в архив. Одни хранились в сырых подвалах, и их побила плесень, другие заливало водой, третьи иссушило солнце... Но документы эти должны жить, они должны раскрывать свои тайны людям. Как же восстановить их? Как вдохнуть жизнь в едва видные, угасающие строки?

И тут на помощь реставраторам пришла химия.

Недавно в реставрационных мастерских Главного архивного управления побывала дипломатическая почта 1914—1916 годов. Русские посланники писали свои донесения симпатическими чернилами, и, прежде чем их прочитали при дворе, письма эти подвергались специальной обработке. Говорят: бумага все стерпит. Но в данном случае бумага не стерпела. Она стала хрупкой и от малейшего ветерка превращалась в прах.

В мастерских письма эти пропитали раствором сополимера «С-42». Теперь с документами можно работать.

Долгое время работники архивов с грустью наблюдали, как разрушаются на старинных документах массивные печати. Не было способа сохранить их. А теперь печати укрепляют, обрабатывая их полиамидными смолами.

Но и сейчас еще реставраторы не решаются браться за некоторые исторические документы. В Центральном государственном архиве древних актов хранится Грамота Ивана Калиты — уникальный документ, относящийся к первой половине XIV века. Грамота эта, написанная на пергаменте, очень ветха. Вся середина ее расслоилась, текст угас. Казалось бы, «Грамоту» также можно было обработать сополимером «С-42». Но поверхности, покрытые этим веществом, становятся блестящими. А при реставрации уникальных исторических документов очень важно сохранить их внешний вид. Поэтому реставраторам нужны какие-то новые средства. И они ждут их от химиков.

Продление жизни старых документов — это еще одна увлекательная область применения синтетических материалов.

Л. КАФАНОВА

Папуас очень удивился, когда ему перевели, что мы русские, из Москвы. До этого ему не приходилось видеть русских. По нашей просьбе он охотно сфотографировался.

НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

М. АЛЕКСЕЕВ

Порт-Морсби, административный центр северо-восточной части Новой Гвинеи, появился под крылом самолета внезапно, как только самолет перелетел через прибрежный холм. Отчетливо видны удобная гавань, небольшие суда, стоящие у причалов, домики, скрытые в зарослях пальм.

На Новой Гвинее проживает свыше двух миллионов человек. В основном это папуасы и меланезийцы. Остров богат природными ресурсами. Здесь есть золото, нефть, каменный уголь, медь, платина, серебро. Разрабатываются, однако, они слабо и еще мало разведаны.

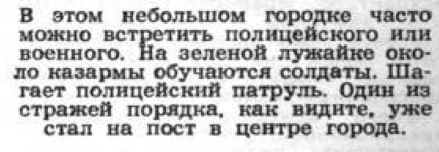
В политическом отношении остров делится на три части: Западный Ириан, который после создания Индонезийской республики все еще продолжает удерживать за собой Голландия, северо-восточная часть — подопечная территория Австралии и австралийская колония Папуа. Последние две части объединены Австралией в одну с общим административным центром — Порт-Морсби.

История Новой Гвинеи — наглядный пример колониальных захватов империалистических держав. В XVIII и в начале XIX века западную часть острова захватила Голландия. Вскоре после этого Англия провозгласила свой протекторат над территорией Папуа, а северо-восточную часть острова захватила Германия. В начале XX века территория Папуа перешла к Австралии. В период второй мировой войны часть территории острова была оккупирована японскими войсками.

Огромные территории на Новой Гвинее переданы англичанам, американцам и голландцам в концессию для разведок нефти. Иностранцам принадлежат золотые прииски, нефтепромыслы, рудники, большие площади земель розданы иностранцам под плантации кокосовых пальм, каучуконосов, какао и кофе. На этих плантациях, а также в рудниках применяется в широких масштабах принудительный труд местных рабочих.

Центральная, гористая часть острова труднодоступна и малоисследована. Огромное значение для исследования острова имели экспедиции выдающегося русского путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, прибывшего на остров в 70-х годах XIX века. Миклухо-Маклай провел на острове длительное время, жил среди папуасов, изучал их язык и обычаи.

В этом небольшом городке часто можно встретить полицейского или военного. На зеленой лужайке около казармы обучаются солдаты. Шагает полицейский патруль. Один из стражей порядка, как видите, уже стал на пост в центре города.

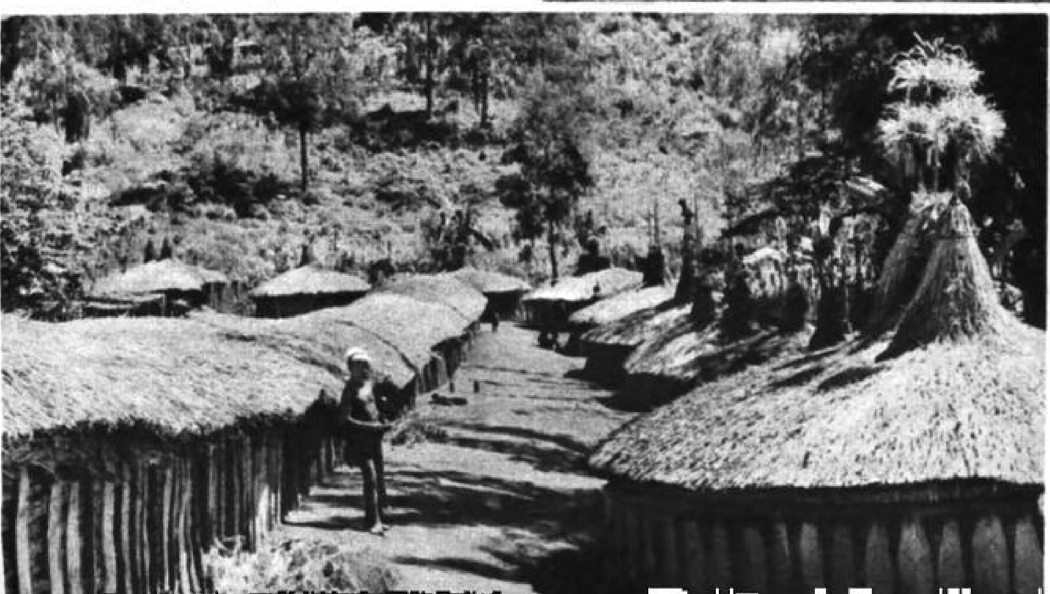

Первыми, кого мы увидели на земле Новой Гвинеи, были носильщики-папуасы.

На одной из песчаных отмелей, недалеко от города, расположился поселок папуасов. Здесь они живут большими семьями на лодках. Обычно две лодки соединяются легким помостом, что делает их устойчивыми при большой волне. На лодках размещается и хозяйство — куры, свиньи.
Поселок только что начал просыпаться. Вился дымок от костров, на которых полуголые папуасы готовили себе пищу. В мелкой воде плескались ребята. Хрюкали где-то свиньи.

Рядом с поселком — рынок, на котором продаются рыба, овощи, тропические фрукты, мясо. На острове ведется примитивное земледелие. Возделываются маниока, кукуруза, батат, сахарный тростник, бананы. Все это можно купить на рынке или выменять на рыбу или мясо. К вечеру, когда спадает жара, на рынке большое оживление. Из окрестных деревушек приходят жители с фруктами и овощами. Возвращаются рыбаки с лова. →

В глубине острова деревни состоят из конусообразных круглых хижин без окон. В центре такой хижины расположен очаг. Трубы нет, и дым заполняет помещение, обогревая обитателей во время прохладных ночей. Дверью служит циновка из травы и листьев или просто несколько плоских кусков дерева, которые на ночь приставляются к отверстию. Деревни окружены высоким частоколом и скрыты среди чащи деревьев. Трава между хижинами тщательно уничтожена и земля утрамбована, так как в зарослях могут легко скрываться змеи.
Длинная хижина на снимке слева — помещение для гостей, состоящее из отдельных комнат, каждая из которых имеет свой отдельный вход и очаг. В этих комнатах размещаются родственники и знакомые, которые приходят в гости из других деревень.
←

Головной убор одного из вождей племени сделан из перьев райской птицы. Через нос продеты клыки дикого кабана. Шлем из травы и меха древесного кускуса — небольшого зверька. На шее морские раковины.

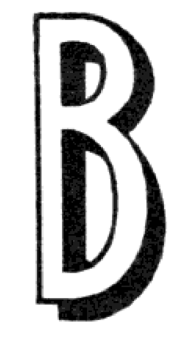

Типичный наряд женщины-новогвинейки с глубины острова. Через нос продеты иглы казуара, на голове сетка из волос, в которую зачастую вплетаются цветы и листья. В качестве украшений служат огромные раковины и бусы.

Перед ритуальным танцем. Новогвинейцы любят танцы под барабаны и пение. Раз в пять лет устраивается так называемый «праздник свиньи», который зачастую длится до шести месяцев. На праздник собираются все члены одного клана, а также приезжают лица, уехавшие на работу в города или на плантации. К празднику откармливают сотни свиней.

Путешествие по украинской земле

СТЕП

Полночных домен полыханье,
Волну огней — цветы труда...
Донбасс нам дорог, как дыханье,—
Всегда, всегда!

П. Беспощадный

Леонид ЖАРИКОВ. Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Донбасс, край полуденный! Ароматны степи твои, щедра твоя земля. Под знойным солнцем переливаются до самого горизонта золотые волны спелого жита и возвышаются то здесь, то там островерхие черные горы шахтных терриконов. Они синеют вдали, величавые, окруженные дымом, точно вулканы.

Август. В степях царят подсолнухи — желтое море голов раскинулось от края до края, и не объять, не измерить его неоглядные берега. Прямо через балки по пояс в подсолнухах шагают стальные колонны высоковольтных линий. Они тянут на своих богатырских плечах тяжелые провода, и сверкают до рассвета огни электростанций, заводов, горняцких селений.

Нигде нет такой густой сети железных дорог, как здесь, в Донбассе. С грохотом летят по рельсам составы, груженные углем, прокатом, солью, рыбой, стеклом, машинами, коксом, чугуном — всем, чем богата шахтерская земля.

В Донбассе самая большая плотность населения. Сколько ни колеси по его дорогам,— тянутся один за другим рудничные поселки, города, заводские корпуса, колхозные сады. Здесь обжита каждая степная балочка, каждый уголок земли.

До последнего времени существовало мнение, что в недрах Донбасса найдено все, что можно было найти. Но уже в 30-х годах советские ученые выдвинули идею Большого Донбасса, и жизнь подтвердила смелые прогнозы. Оказалось, что старый Донбасс — только часть Донбасса. Под гигантской толщей наносных отложений более поздних геологических эпох лежали богатейшие угольные пласты. Карта ископаемых богатств этого края резко изменилась. На запад месторождения донецких углей доходят почти до Чернигова, на восток простираются до самого Каспия, а может быть, и уходят под море. К югу от Сталино совсем недавно открыли целый угольный район — Южный Донбасс. На его ценнейших пластах будет построено более двадцати шахт.

Спроси любого человека о Донбассе, и он скажет, что это угольный бассейн. Другие добавят: край тяжелой индустрии. Но многие ли знают, что в недрах Донбасса хранятся миллиардные запасы каменной соли, а в окрестностях Славянска бьют из земли соляные источники? Многим ли известно, что в донецкой степи запасы мела неисчерпаемы? Огнеупорные глины, известняки, доломиты, мергель — этого сырья промышленности тут на сотни лет хватит. Найден даже флюорит (плавиковый шпат) — ценнейший минерал, необходимый металлургам и химикам.

Но и это не все. Имеются точные указания на присутствие в Донбассе природного газа и нефти. В текущем году будет пробурено пятнадцать тысяч метров поисковых скважин.

Вот что такое Донбасс с его найденными и еще не открытыми поразительными богатствами!

Кто же открывает эти сокровища? Кто достает их, спускаясь в глубокие недра земли?

Извечно славен донецкий край своими замечательными людьми, героями труда. О них и хочется рассказать.

Чем труднее, тем лучше!

Ветреный солнечный день, степное раздолье. Далеко разлилось синее водохранилище. С берегов заглядывают в воду серебристые вербы, пышные, нарядные в молодом убранстве листьев.

Мы только что приехали сюда из поселка шахты № 5—6 имени Димитрова. Запыленные мотоциклы — с колясками и без колясок, «Победа» и «Москвич» стоят на берегу с распахнутыми дверцами.

Шумно и весело тут. Горняки из бригады Кузьмы Северинова — первой в Донбассе бригады коммунистического труда — после ночной смены решили отдохнуть вместе.

Расположились под тенистой вербой, и кто разувается, кто разматывает удочки, раскладывает на траве сачки для ловли раков. Смех, шутки. А в кустах поют соловьи. Особенно старается один, он будто дразнится: свистнет озорно, почти по-мальчишески и замолкнет, прислушивается, какое впечатление произвел на гостей. А то вдруг прищелкнет и зальется вдохновенной трелью — это уж для себя самого...

Один из шахтеров, недавний десятиклассник Леонид Бобин, вскочил на ближайший пень и, подражая конферансье, объявил:

— Горнячки, прошу внимания! На ветке соседнего куста выступает заслуженный Соловей республики!

— Это шахтерский соловей, я его знаю! — откликнулся Вячеслав, брат Леонида.— Он вчера выступал у нас в саду на рассвете, когда Саша Храповицкий с девушкой домой возвращался.

Раздался смех. Добродушный Саша Храповицкий, паренек из Белоруссии, служит по причине своей застенчивости мишенью для шуток. Вчера «на рассвете» Саша безмятежно спал у себя в общежитии и все-таки сейчас смущается, краснеет, вызывая новый взрыв смеха.

Не смеется один только Тихон Пикановский. Он притих: на бечевку с наживой прицепился рак...

Празднично в природе и красиво. Величавое спокойствие ее располагает к раздумью.

Кузьма Северинов не принимает участия в шутках товарищей. Мы лежим в густой траве, где пестреют цветы, и продолжаем начатый еще в дороге разговор.

— Воспитание — трудное дело, — негромко произносит Кузьма. — Случается, встретишь рабочего парня — норму он выполняет, дает уголь сверх плана, а копнешь душу — в нем такой собственник сидит, что кажется, и уголь его выкинул бы на свалку! На что у нас в бригаде все подписались, клятву дали жить и работать по-коммунистически, а бывает, столкнутся характеры...

У Кузьмы Северинова светлые грустные глаза и голос негромкий, спокойный, как и подобает вожаку, ответственному за судьбы людей. Что-то отечески-ласковое есть в его отношении к членам своей бригады. Это у него от пережитого: сам шел по трудным дорогам. Родная мать с детства учила молиться богу, она исповедовала сектантскую баптистскую веру и водила сына на тайные сборища, запрещала ему ходить в школу, носить пионерский галстук. Северинов с горестной улыбкой говорит о себе: «Я и в армию пошел с крестиком на шее».

Армия! Кто не вспоминает с благодарностью свой солдатский срок жизни — школу мужества, дружбы и верности. В армии Кузьма снял крестик. Друзья взялись за его воспитание, рекомендовали в комсомол. Позже он окончил политшколу. Его избрали комсоргом роты, приняли в партию. Бурно шло пробуждение заблудшего человека, и все увидели вдруг, какой это чуткий товарищ.

После армии Кузьма уехал в Донбасс. Он выбрал себе нелегкую, но почетную профессию — добывать людям тепло и свет. В шахте горняки сразу приметили паренька-армейца, почувствовали в нем добрую душу. Этот тихий человек все близко принимал к сердцу — свое и чужое, радостное и горькое. У Кузьмы Северинова появились друзья. Встретил он здесь и подругу жизни, скромную девушку, сироту, женился, построил дом. А характер все тот же: волновался за людей, переживал их неудачи, помогал разбираться в трудностях жизни...

— И что же бывает, когда «столкнутся характеры»?

Кузьма усмехнулся.

— Искры летят. Но это хорошо, в таких случаях люди преображаются. Помню, когда еще только задумали мы жить по-новому, приходит к нам с соседнего участка Юра Соколов. «Товарищ Северинов, прими к себе в бригаду». Я отвечаю: «Юра, ты ведь работаешь у самого Бридько, зарабатываешь до пяти тысяч в месяц. У нас этого не будет». «А я, — говорит, — не за деньгами к вам иду, мне принципы ваши нравятся». Видите, сама идея воспитывает людей! Мы, между прочим, часто увлекаемся разговорами о деньгах, говорим: работай, больше денег получишь. Спору нет — деньги необходимы, и получаем пока что по труду, но не деньги, не рубль зажигает сердце человеческое! Вот взяли хлопцы великую идею — жить и работать по-коммунистически — и сами меняются! А ведь когда мы начинали, перед нами ковров никто не расстилал. Правда, бригаде нашей дали новую механизированную лаву — собрали в ней все новинки техники: узкозахватный комбайн, самоизгибающийся конвейер, гидравлическую стальную крепь. Даже по штреку на четыреста метров проложен был новейший конвейер «КСП-1» — механизм этот хотя и прошел испытания, но в шахтах еще не применялся.

Обязались мы вдвое повысить производительность, добывать на каждого члена бригады пятнадцать тонн угля в смену. Спустились в шахту. Толя Кулик включил комбайн, а транспортер не выдержал потока угля — не потянул. Столпились мы на штреке и думаем: что делать? Попробовали сбросить уголь с конвейера, облегчили моторы, и транспортер пошел. Стали лопатами опять грузить на конвейер сваленный уголь. Понемногу отправили всю партию угля, а когда начали снова рубать в лаве — остановка. Не тянет конвейер. И вот в первый день после того, как нас поздравили, провожали в шахту с дружескими рукопожатиями, мы плана не выполнили. Выехали на-гора, а тут корреспонденты из газет, фотографировать хотят. Стыд, позор!

На другой день транспортер опять подвел. Вызвали мы конструкторов, и пока они ехали к нам, сами старались разгадку найти. Но что ни день — план не выполнен. Хуже других бригад работали.

Стали над нами смеяться. Конечно, это были те, кого мы в бригаду не приняли. Кричат, издеваются: «Эй, работнички, пойдемте выпьем!»

Хлопцы не то чтобы пали духом, но растерялись. Я говорю: «Ребятки, связала нас судьба в одну семью, давайте не показывать вида, что нам плохо. Выше держать головы!» Не все меня слушали. Леонид Белоус сказал с ехидцей: «Начали войну с... отступления». Белоус сплюнул и выругался. «Леня, нехорошо так»,— заметил я. «А то, что над нами смеются, хорошо?» «Временные трудности, преодолеем». «Преодолевайте са-

И ДОНЕЦКОЙ

ми, а я отдохну»,— сказал он и опять выругался.

Вижу, хоть и молчат хлопцы, а буря надвигается. «Что же ты слово нарушаешь? — упрекнул его комсорг Ваня Любимов.— Зачем принципы топчешь, за которые сам расписался?» Но Белоус не стал его слушать, да еще и обругал. Тут и я не выдержал, собрал хлопцев и объявил: «Товарищи, этот человек не нашего духа. У нас максимум товарищеского внимания друг к другу. А Белоус не желает жить дружно. Какие будут предложения?» «Выгнать!» «Кто за то, чтобы исключить Леонида Белоуса из бригады коммунистического труда?»

Молча, прямо в лаве, усталые, в грязных шахтерках, проголосовали. И хотя рабочий день еще не кончился, выпроводили труса нагора.

Всем стало обидно: нарушена первая заповедь, главный закон бригады — «один за всех, все за одного». Один восстал против всех, дезертировал.

Вернулись мы к работе. Теперь нужно было и за Белоуса трудиться. Со злостью рубали уголь. За три часа «скачали» сто вагонов. И вдруг опять поломка. Начали ремонт — смена кончилась. Решили не уходить, пока триста тонн не дадим. Но тут меня на штрек требуют, к телефону. Инспектор по охране труда запрещает сверхурочные, грозится штрафом. «Пусть штрафует, не уйдем»,— сказали хлопцы.

Так в тот памятный день мы впервые выполнили обязательство — нарубили триста тонн! Радостно, конечно, а вспомнили про Белоуса и поняли: плохие мы воспитатели. Выгнали, бросили человека. Легче всего выгнать. А кто будет воспитывать? На Луну несознательных не отправишь! Мы и за Белоуса были в ответе перед народом. Исчез он тогда с наших глаз, но мы, по правде говоря, жалели о своем решении. А потом был другой случай, посложнее. Не назову фамилии человека: он теперь хорошо работает. Но в трудную минуту изменил, подал заявление о выходе из бригады коммунистического труда. Факт сам по себе отвратительный. Но нет такого закона, чтобы задерживать человека. А мы пошли к начальнику шахты и настояли — не отпускать, пока в бригаде трудное положение. Он на другом участке, может, заработает больше и станет болтать: мол, стоило выйти из коммунистической бригады, как жить стало лучше. На чужом горе свое счастье строит. Послушались нас, задержали. А когда в бригаде дела выправились, я и говорю: «Ты, кажется, хотел уходить от нас? Пожалуйста!» Он стал просить: «Оставьте, больше не буду, простите меня». Вот как иногда дела складываются. Теперь дружнее стали, работаем неплохо, обязательства выполняем. И появился у нас новый лозунг,— Кузьма Северинов улыбнулся,— хороший лозунг, веселый, жизнью подсказанный: «Чем труднее, тем лучше!»

...Солнце садилось за дальние курганы. Шахтеры ссыпали в цинковые ведра шуршащих, с растопыренными клешнями раков и стали собираться домой. Загудели моторы. Одна за другой помчались машины по степным дорогам. Впереди, то взлетая на вершины холмов, то ныряя в глубокие балки, летели, точно птицы, мотоциклы. Скоро вдали показались шахтные терриконы; там уже зажигались огни...

Соль земли

Неподалеку от города Артемовска в донецкой степи природа запрятала в недра колоссальный клад каменной соли.

Кто хоть раз спускался в соляную шахту и ходил по ее хрустальным подземным дворцам, тот надолго запомнит глубокое, почти восторженное чувство, будто побывал в сказке.

Входим в ржавую, изъеденную солью железную клеть, и машина спускает нас в недра земли. Клеть слегка побалтывает, и она трется о деревянные амортизаторы. Но вот плавная остановка. Рудничный двор — невысокая выработка со стенами из соли, с такой же соляной бугристой кровлей. Светло, свежий ветерок едва уловимо напоминает запах моря.

Горизонт — двести шестьдесят метров! Оглядываемся с волнением: ведь мы спустились в глубину веков, в ту неведомую никому из людей жизнь, что была на земле двести миллионов лет назад, в пермский период геологической истории...

Главный инженер шахты № 3 имени Карла Либкнехта Аркадий Павлович Хижняков ведет нас по просторным соляным выработкам к дальним забоям. Мощные электровозы снуют по блещущим от электрических огней рельсам, проложенным прямо по соли. В квершлаге — главной подземной выработке — стены и кровля черны от копоти: по ним выходят из шахты после отпалки дым и газ. Лишь там на стене, где отвалился кусок, сверкает первозданной белизной искристая соль.

Еще несколько минут ходьбы — и мы попадаем в гигантскую подземную галерею. Высота — двадцать пять метров, ширина — около двадцати, а длина — почти километр! Раздается гулкое эхо. Под ногами хрустит соль, будто снег в морозный день. На высоких, клыкастых от взрывов стенах причудливо движутся гигантские тени. И сколько ни убеждай себя в реальности бытия, все равно трудно освободиться от чувства, что находишься в заколдованном царстве.

Далеко, в конце галереи, у подножия сыпучей норы, экскаватор зубчатым концом подгребает снизу тяжелые льдины соли и грузит их в широкобокие трехтонные вагонетки. Когда все они были наполнены до краев, электровоз, лязгая сцепкой, увез длинный состав по гулкой галерее к рудничному двору.

На этой шахте любят технику, стараются механизировать труд. Спуск экскаватора в шахту — смелая идея. Хижняков рассказывал, как они разбирали машину на поверхности, а затем по частям, подвешивая громоздкие конструкции под клетью, спускали их вниз, чтобы здесь, в забое, снова собрать экскаватор.

Главный инженер показал последнюю новинку техники — машину по проходжению штреков в массиве соли. Это была новая конструкция комбайна «ШБМ-1», который раньше испытывался в угольных шахтах. Отличная машина, к сожалению, она не была там широко применена: слишком крепки породы. Кому-то пришла хорошая мысль использовать машину в соляных шахтах. И здесь она показала себя с самой прекрасной стороны.

Перед нами пробуренный штрек — выработка круглая, ровная, точно очерченная циркулем. Белые искристые стены такие гладкие, что хочется пошлепать по ним ладошкой. Машина, упершись «лбом» в стену соли, бурит ее. Ленточный транспортер, проходящий по верху машины, сам нагружает мелкую соль в вагонетки. Машинист комбайна Иван Воронов стоит у пульта управления, возле рукояток и рычагов. Могучая машина подчиняется каждому его движению.

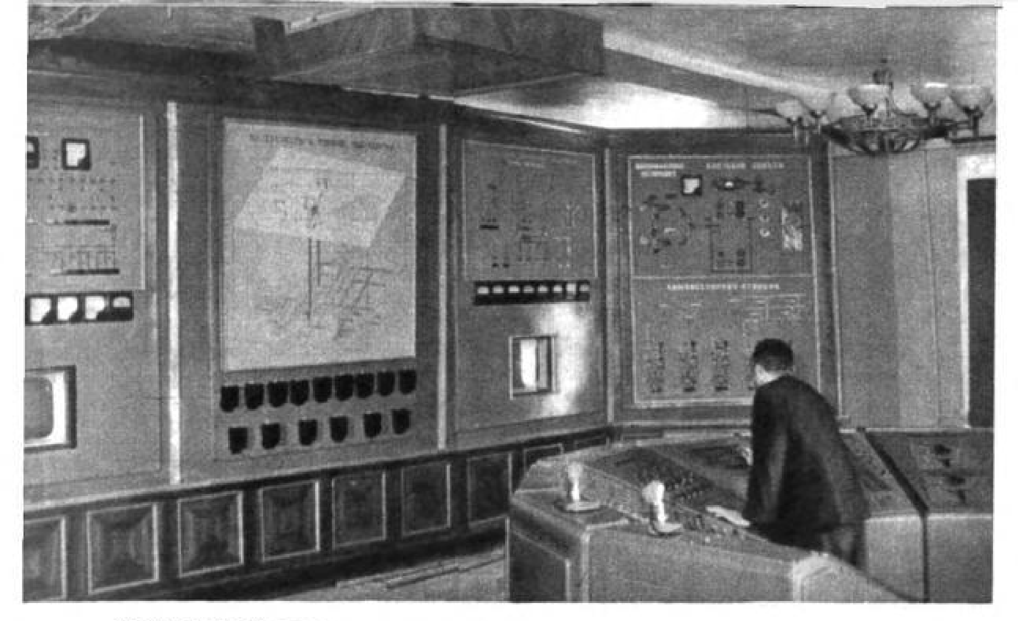
В штрек пришел маркшейдер шахты с помощником. Оба увешаны приборами. На головах горняцкие каски. У маркшейдеров ответственная роль — задавать направление машине, следить за тем, чтобы штрек под землей не отклонялся от заданного курса.

Попрощавшись с горняками, мы возвращались к стволу, когда в дальних выработках уже начали палить шпуры. Глухие взрывы, следуя один за другим, сотрясали недра, и они гудели, как гигантский колокол.

По дороге нас обгоняли электровозы, тянувшие длинные соста-

В одном из штреков соляной шахты № 3 треста «Артемсоль».

Центральный пульт телеуправления на шахте № 1 имени XIX партсъезда.

вы с солью. Они спешили к рудничному двору, туда, где находится опрокид—автоматическое устройство, напоминающее огромный металлический барабан. Когда вагонетка входит внутрь, он схватывает ее специальными зажимами и переворачивается вместе с нею. Глыбы соли с грохотом высыпаются в подземный бункер. Оттуда она выдается на-гора́ скипами. Белые от соли, будто заиндевевшие скипы бесшумно, как белые ракеты, взлетают кверху. На поверхности скипы разгружаются в солесборники и снова опускаются в шахту, за очередным грузом.

Так «качают» из недр соляные сокровища, значение которых сейчас, в пору расцвета химии, трудно переоценить. На базе артемовских месторождений проектируется химический комбинат, может быть, крупнейший в Донбассе. В связи с этим шахты треста «Артемсоль» будут реконструированы и намного увеличат добычу.

С благодарностью вспоминаем мы тех, кто достает из глубин соляной клад. Люди с добрыми рабочими руками — машинист Иван Воронов, командир экскаватора Владимир Галка и сотни их товарищей — вот сила и гордость народа.

Они — соль земли!

Черты века

В годы первой пятилетки, когда наш народ еще только приступал к техническому перевооружению страны, в городе Сталино выходила газета «Диктатура труда». Несколько номеров этой газеты хранятся у меня с тех далеких героических лет. Мне дороги эти потрепанные, выцветшие от времени листки — страницы юности, живой голос истории. Работники газеты, вероятно, и не думали тогда, что создают документы потрясающей силы, зарисовывают для будущего первые шаги наших строек, начало великого пути...

Номер газеты за 18 мая 1930 года. На первой полосе рисунок: забойщик, стоя на коленях, рубит обушком уголь. Подпись под рисунком: «Ударник шахты № 1 (Щегловка) т. Шакан, выполнивший производственное задание на 130%».

Еще рисунок: на шахте стоит вагонетка. Двое шахтеров лопатами кидают в нее уголь. Подпись: «Погрузка угля в забое». А вот как транспортировали уголь в те времена: две девушки-откатчицы, упершись руками в вагонетку, толкают ее по рельсам. В другом номере газеты фотография: лошадка, тяжко напрягшись, тащит по штреку партию вагонеток; спереди сидит коногон с кнутом в руке.

С этого мы начинали. Труд горняка был тогда ручным повсеместно. На сотню шахт приходился один маломощный электровоз допотопной конструкции. Заводы горной техники еще только закладывались. Обушок и лопата были горькими друзьями шахтера. Это, кажется, было недавно, будто вчера...

И вот — чудо! Стоят седоусые горняки, проработавшие под землей не один десяток лет, и, почтительно сняв каски, смотрят на это чудо.

Из шахты поднялась на поверхность клеть. Железная решетка, прикрывавшая подступы к стволу, отодвигается, и вагонетка, груженная углем, сама собой выкатывается из клети. Откатчиц нет, и вообще никого из людей у ствола не видно. Люди стоят поодаль и, кто с удивлением, кто с улыбкой, наблюдают за тем, как вагонетка уверенно бежит по рельсам, будто сама знает дорогу. Стрелки, пощелкивая, услужливо переводят ее с одного пути на другой. Впереди опрокид. Вагонетка словно видит его, замедляет бег и осторожно входит внутрь. Барабан опрокида переворачивается вместе с ней, уголь с грохотом высыпается в бункер, и вагонетка, освобожденная от груза, выкатывается. Она легко бежит по узким рельсам, гулко постукивая колесами, деловито взбирается на горку (компенсатор высоты) и спешит дальше. Совершив круг по эстакаде, возвращается к стволу с другой стороны. Клеть ожидает ее. Решетка сама собой отодвигается, пропуская вагонетку, и клеть плавно опускается в глубину шахты.

Задумчиво смотрят горняки на эти «умные» механизмы. Сегодня у шахтеров новый друг — автоматика. В одном только Луганском совнархозе работы на поверхности автоматизированы более чем на пятидесяти шахтах. Автоматы проникли и в недра, в глубокие забои. Но то, что можно увидеть на шахте № 1 имени XIX партсъезда, вызывает подлинную гордость!

Коллективом конструкторов там установлено телевизионно-автоматическое управление. Начальник шахты в своем кабинете, диспетчер на центральном пульте могут видеть все, что делается под землей и на земле. Они могут поговорить с машинистом электровоза, который едет по штреку к дальним забоям за очередной партией угля, и даже увидеть машиниста на экране телевизора. Они могут наблюдать, как идет погрузка угля в подземных бункерах, и управлять этой погрузкой на расстоянии.

Электронно - механический мозг — так хочется назвать центральный пульт управления. Это широкий, от стены до стены, щит, на котором вспыхивают и гаснут зеленые, красные, желтые огоньки. Дежурный диспетчер отлично разбирается в этих мигающих сигналах.

На главном щите, кроме множества световых сигналов, помещены два телевизионных экрана. Они связаны с передающими телевизионными трубками. Их двадцать пять — на основных производственных узлах.

С помощью радио, электроники и телевидения один человек может руководить движением транспорта, контролировать работу шахтного водоотлива, управлять проветриванием глубоких горизонтов.

Применяют на шахте № 1 и другие новинки. Крутой поворот в технике проходки, несомненно, совершат гидроподъемные установки. Известно, что в шахтах пустую породу выдают на-гора́ вагонетками. Этим бесполезным грузом надолго занимают клети, задерживают спуск в шахту необходимых материалов и тормозят углепоток. Теперь породу будут раздроблять под землей специальными механизмами, а затем, смешав с водой, погонят насосами по трубам на поверхность и дальше — в степную балку.

Легко представить, как резко увеличится добыча угля, если установка гидроподъемника освобождает на одной только шахте восемьсот вагонеток в сутки!

...Наш век — век техники. В отведенный нам историей короткий срок мы шагали пятилетками. Теперь и эти шаги стали малы для наших темпов. Мы устремляемся к будущему шагами семилеток!

Домны у моря

Высота такая, что дух захватывает! Здесь шумит и свистит ветер так, что только держись крепче за поручни металлических конструкций.

Беспредельные просторы моря видны отсюда. Белеют вдали паруса рыбацких баркасов. Чайки, играя, летят навстречу ветру, подставляя грудь и раскинув крылья. Море окружило завод и плещется у самых доменных печей. С высоты видно, как входит в бухту, дымя черномазой трубой, морской катерок — привел из Керчи баржу с агломератом для домен. Он причаливает к бункерам, и портальный кран начинает выгружать доменное сырье.

Громадный металлургический завод как на ладони. Вдали выстроились в ряд сигары мартеновских труб. Из них валит в небо черный, бурый, желтый дым. Со стройки доносится грохот и скрежет металла. Башенные краны бережно подымают собранные воедино многотонные металлические узлы и детали.

Мы на вершине рождающейся гигантской доменной печи.

Выше нас, на «свечах», монтажники. Оттуда сыплются золотые искры электросварки. Такой высокой точки достигают с земли только башенные краны да еще не достроенная дымовая труба доменной печи. Труба растет с каждым часом, она тянется к облакам, новенькая, розовая, и на ней видна сбоку выложенная белым кирпичом надпись: «Донецкая-Комсомольская».

Новая доменная печь «Азовстали» строится по последнему слову техники. Она самая крупная на юге. Управлять ею будет электронная счетно-вычислительная машина с решающим устройством. Она автоматически учтет работу всех механизмов, измерит температуру в любой точке печи, а если надо, то и подскажет, сколько нужно засыпать шихты, кокса.

Передовая техника создается передовой строительной индустрией. Тут все механизировано. Куда ни посмотришь, движутся на большой высоте через все строительные сооружения или снизу вверх конвейерные ленты. Они непрерывно подают огнеупорный кирпич. Мощные башенные краны переносят по воздуху и поднимают на вершину домны тяжелые металлические конструкции.

Мы были на стройке гигантской печи в те дни, когда здесь заканчивались последние работы перед пуском домны. А теперь «Донецкая-Комсомольская» уже дает чугун.

Строитель — гордая должность! Эти люди творят будущее, воздвигают то, чему жить на земле века: Дворец ли культуры, гидростанцию, большой ли новый город, или вот такое колоссальное чудо техники — доменную печь на берегу моря. Много людей создают ее. Но мне хочется рассказать об одном из них — о бригадире монтажников Сергее Павловиче Кильдишове.

Жизнь этого человека поражает эпическим размахом трудовой деятельности, огромностью свершенных его руками больших и важных дел. Такой жизни можно позавидовать. Достаточно лишь перечислить один за другим основные этапы его трудовой биографии, чтобы проникнуться уважением к этому скромному рабочему человеку.

Восемнадцатилетним юношей уехал Сергей Кильдишов из родной деревни на Днепрострой. Там работал отец. Шел первый год первой пятилетки. Начиналась индустриализация страны. На Днепрострое Сергей Кильдишов получил трудовое крещение. Повиснув высоко над синими струями Днепра, молодой монтажник еще не окрепшими руками помогал отцу собирать железнодорожный мост.

А потом вместе уехали в Новосибирск. Там сооружали гигантский мост через Обь, такой длинный, что другой конец его терялся в тумане противоположного берега.

За Новосибирском — Кузнецк: мартеновские печи, прокатные цеха. Молодой верхолаз-монтажник в ту пору еще работал с отцом. А через год отец ушел на пенсию. Провожая сына, он сказал с чуть печальной, но довольной улыбкой:

— Оперился орел. Летай один. Помни: не руки боятся дела, а дело — рук.

Сергей Кильдишов приехал в Москву. Здесь он строил метро, монтировал эскалаторы на станции «Кировская».

После Москвы — Саратов, мост через Волгу. За мастерство, опыт

Сердце Донбасса — город Сталино.

Фото Я. РЮМКИНА.

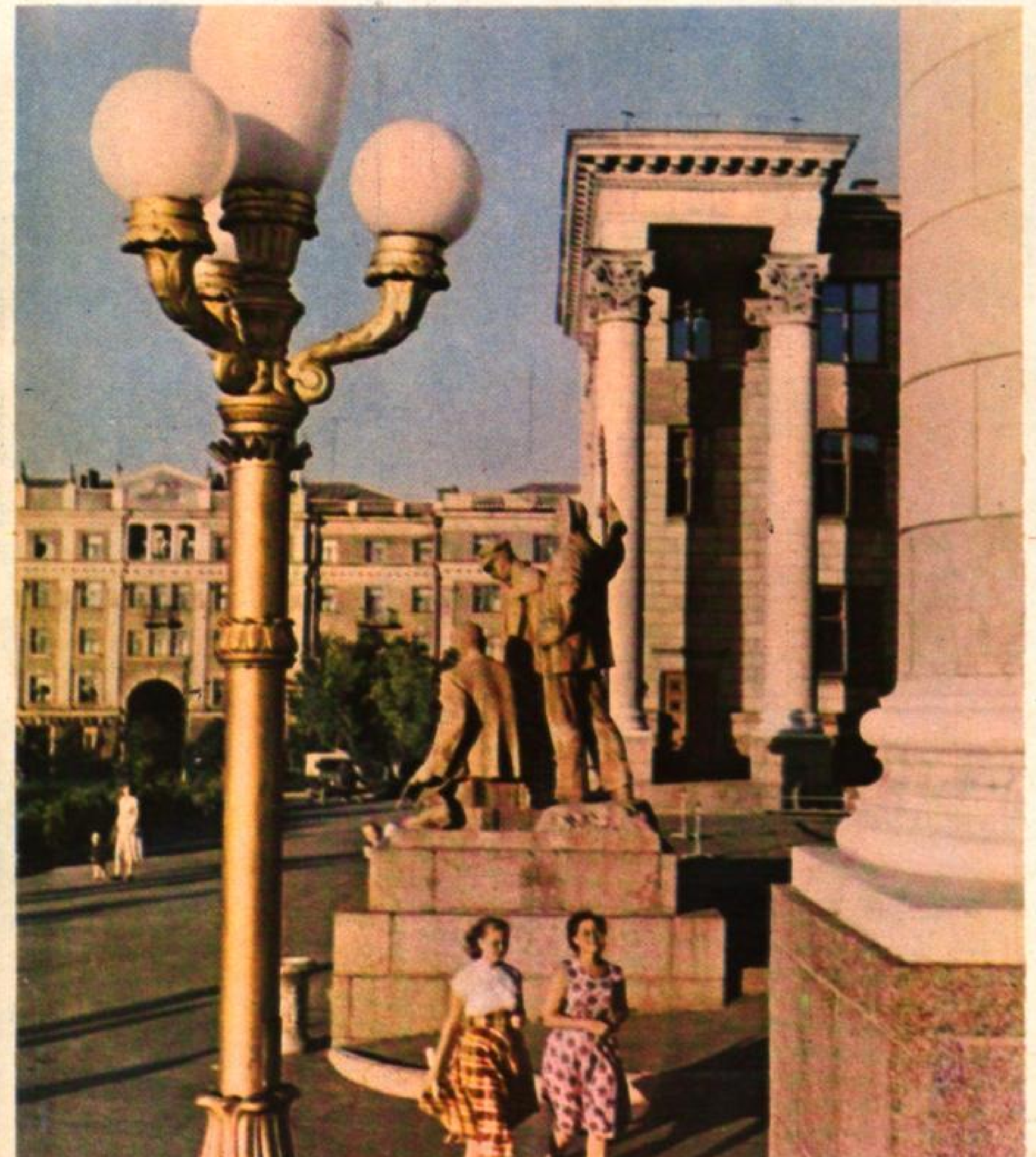
Передовой сталевар завода «Азовсталь» Д. И. Мазалов (справа) и его подручный, питомец металлургического техникума, Николай Месяц.

Завод «Азовсталь».

Шахтерский поселок в Донбассе.

Луганск. У Дома техники.

Продажа книг на улицах Сталино.

Живописные берега Северного Донца привлекают тысячи туристов. Здесь, в Святогорске, лечатся и отдыхают шахтеры.

и любовь к труду Кильдишова назначили бригадиром. Мост собирали на берегу, а затем на доках переправляли к месту и устанавливали на постоянные опоры. Эта стройка была серьезной школой.

Заканчивалась вторая пятилетка. Уже давала чугун Магнитка, работал Кузнецкий металлургический комбинат, сверкал огнями Днепрогэс — стройки, в которых участвовал верхолаз Сергей Кильдишов. А сам он собирался на новые дела.

Возвратившись в Москву, строил Крымский мост у ЦПКиО имени Горького. Точно гирлянды, повисли над водой легкие металлические конструкции, перекинувшись с берега на берег. После этой стройки монтажников-умельцев вызвали для выполнения особого задания. Сергей Кильдишов со своими верхолазами устанавливал на башнях Кремля рубиновые звезды.

Из Москвы путь Кильдишова лежал на Дальний Восток. Пока готовились в дорогу, бригада успела установить в столице, перед входом на Сельскохозяйственную выставку, гигантскую скульптуру из нержавеющей стали: рабочий и колхозница в едином порыве соединили символ труда и мира — серп и молот.

Во Владивостоке устанавливали радиомачту высотой двести четыре метра. Трудна и не лишена опасности работа верхолаза, а если штормовой океанский ветер свистит в ушах, если холод обжигает руки, а высоченная мачта качается из стороны в сторону,— и того пуще. Но ведь ловкость, смелость, воля — оружие верхолаза.

А затем снова дороги, дороги...

В Челябинске — трубосварочный цех. В Златоусте — мощные мартеновские печи. Там и застала война. Одна за другой пошли скоростные уральские стройки — доменные печи Нижнего Тагила, Чусовой. Здесь впервые была применена Кильдишовым крупноблочная сборка. Доменную печь монтировали на земле, а потом целиком передвинули и установили на постоянный фундамент. За это и наградили верхолаза орденом Ленина.

После победы прославленный монтажник Сергей Кильдишов приехал в Донбасс.

Красавец «Азовсталь» был разрушен врагом до основания. Инженеры и рабочие не знали, с какой стороны взяться за дело: все взорвано.

Четвертая доменная печь от взрыва не рухнула, а только накренилась. Она удержалась на трубах газопровода и стояла, точно раненый на костылях. По проекту, который поразил мир смелостью технической мысли и героизмом рабочих, доменная печь была выпрямлена, поднята на полтора метра, передвинута и установлена на новые опорные колонны.

С тех пор было много строек. И не раз в каком-нибудь трудном деле проявлялись талант, опыт, мастерство прославленного монтажника. В прошлом году на строительстве «Донецкой-Комсомольской» сложились дела так, что бетонщики сильно отставали с фундаментом под наклонный мост печи. Кильдишов предложил тогда не дожидаться окончания фундамента и подвести временные металлические опоры, чтобы на них монтировать наклонный мост. Инженеры подкрепили предложение мастера расчетами, и сроки строительства намного сократились.

За доблестный труд и технические новшества, за высокое сознание долга перед Родиной монтажнику-коммунисту Сергею Павловичу Кильдишову весной этого года была присуждена Ленинская премия. Эта высокая награда присуждается за выдающиеся произведения известным ученым, композиторам, писателям. Но ведь и доменные печи — произведения! Лишь имена творцов не высечены на них.

У Сергея Павловича Кильдишова большая дружная семья. Трое сыновей и дочь тоже работают на строительстве доменной печи: электросварщиками, монтажниками, а Надя — машинист крана бункерной эстакады. Трудятся тут племянник и зять Кильдишова. Старший сын, Виктор, окончил металлургический техникум и успешно защитил весной диплом.

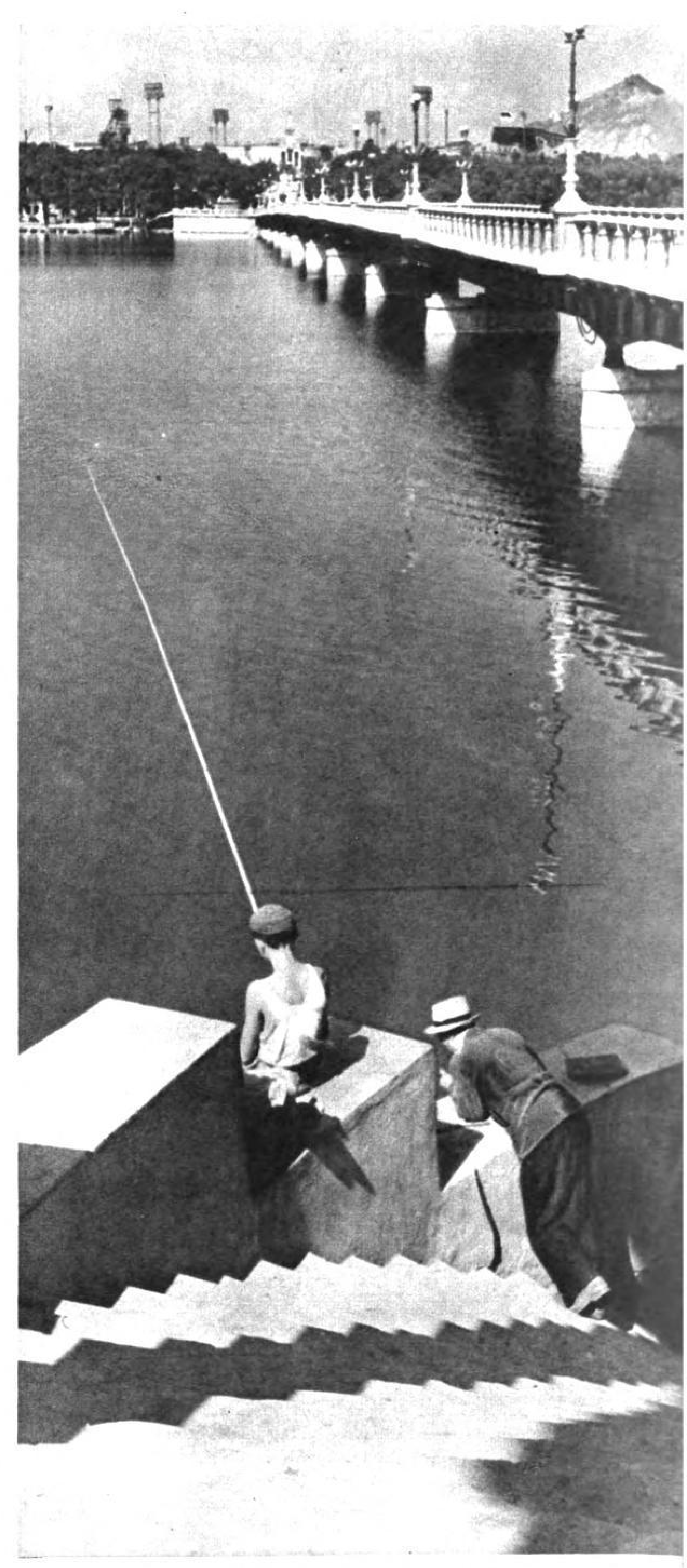
У этой семьи металлургов неспокойный отцовский характер. Никто минуты не сидит без дела. Один собирается на занятия в техникум, у другого репетиция духового оркестра в клубе, третий, вернувшись с работы, спешит на комсомольское собрание. Редко удается собраться и отдохнуть всем вместе.

...С крутого берега в летние вечера видно, как мелькают в море огни бакенов. Мягко шумят морские волны. А там, в заливе, где дрожит на воде золотое отражение огней, выстроились в ряд доменные печи-богатыри. Ветер доносит оттуда лязг железа, шипение пара. Доменные печи отчетливо выделяются на светло-розовом закате. То одна печь вспыхнет заревом плавки, то другая осветится от подножия до вершины трепещущим огнем, и тогда остальные вырисовываются черными силуэтами. Только небо над ними становится красным, словно от жаркого пламени.

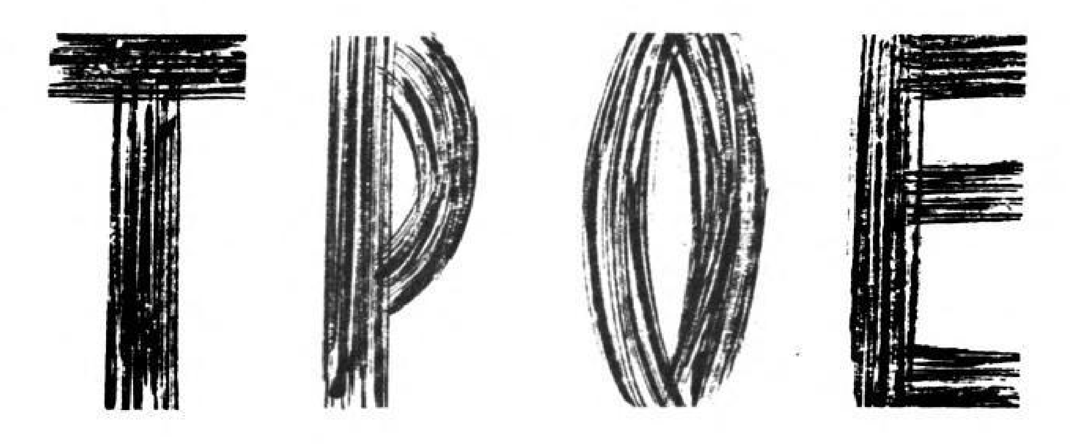
Смотришь на эту величавую индустриальную мощь, на это зарево труда, и невольно приходит мысль, что только таким гигантам-печам, таким заводам, воздвигнутым на просторах Родины, только таким талантливым рабочим людям и могли быть по плечу гордые создания века — спутники и ракеты, которые взлетают под самые звезды!

☆ ☆ ☆

Степь донецкая! Не дивными розами, не заморскими чудо-деревьями украшаешь ты свои волнистые равнины. Желтая сурепка, скромные цветы повилики да седая полынь серебрят каменистые склоны. Но нет ничего ароматнее твоих синих просторов. Будь благословенна навеки, родная земля шахтерская! Сыновним поклоном приветствуют тебя те, кого ты взрастила. А для скольких новых людей ты стала и станешь еще второй родиной!..

Рано утром на пруду в г. Сталино.

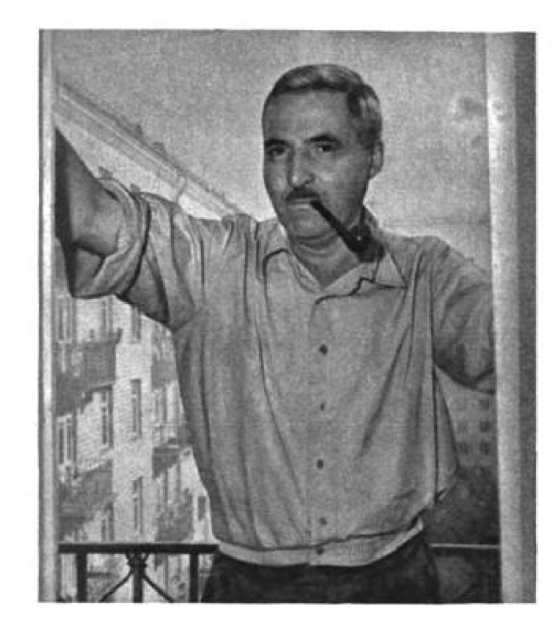

ТРОЕ

Константин **СИМОНОВ**

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**

Роман «Живые и мертвые», глава из которого печатается в этом номере «Огонька», посвящен трагическим и героическим событиям июня — декабря 1941 года, закончившимся разгромом немцев под Москвой. Этой главе предшествует история выхода из окружения дивизии Серпилина, в составе которой пробивались к своим политрук Синцов, красноармеец Золотарев и военврач Овсянникова. С боем выйдя из первого окружения, они в начале октября оказались под Ельней, снова в тылу у немцев.

Полностью роман печатается в журнале «Знамя».

На третий вечер после всего случившегося на Юхновском шоссе три человека шли густым лесом километров за пятьдесят от места катастрофы. Точней сказать, шли своими ногами лишь двое из них: политрук Синцов и красноармеец Золотарев. Третья их спутница — военврач Овсянникова, «маленькая докторша», как ее звали в отряде Серпилина, или еще проще — Таня, как теперь, в пути, стал звать ее Синцов, сегодня с полудня окончательно не могла двигаться сама. Двое мужчин, меняясь, тащили ее на закорках в плащ-палатке, как в большом заплечном мешке.

Сейчас была очередь Синцова. Он шел, низко сгибаясь и считая про себя оставшуюся до привала последнюю тысячу шагов. Он навертел угол плащ-палатки на кулак, чтобы не выпустить его из ослабевших пальцев и не уронить докторшу. Ее горевшая в жару голова лежала у него на плече, толкаясь, как неживая, каждый раз, как он оступался. Иногда, нагибаясь, чтобы стереть кулаком заливавший глаза горячий пот, он видел у себя под правым локтем свисавшие из плащ-палатки ноги докторши: одну в сапоге, а другую, вывихнутую, без сапога, босую — она была совсем маленькая, как у девочки. В другое время эта ноша не показалась бы страшной и одному Синцову, но сейчас двое ослабевших мужчин уже после четырех часов такой ходьбы чувствовали себя обессиленными, и Синцов жалел, что они с самого начала не остановились, чтобы вырубить и связать носилки. Все равно не миновать это делать на привале!

Всем спасшимся в первые минуты там, на шоссе, дальше каждый шаг в ту или другую сторону сулил другие случайности и опасности, другую жизнь и другую смерть.

Те, что забились в гущу леса, слева от дороги, чтобы дождаться там ночи, были на закате расстреляны прочесывавшими лес автоматчиками. Может быть, в другом случае немцы и взяли бы пленных, но чья-то случайная или, наоборот, на редкость хладнокровная пуля наповал уложила наблюдавшего побоище с башни своего танка командира танкового полка СС. И немцы беспощадно рассчитывались за эту неожиданность.

Наоборот, те, что убежали, казалось бы, в самое ненадежное место — в мелкий кустарник справа от дороги, остались живы; немцы не искали их там, и они той же ночью вышли к своим за внешнюю сторону немецкого кольца.

Несколько бойцов, собравшихся через час после катастрофы вокруг лейтенанта Хорышева, не теряя времени, пошли под его командой назад и к вечеру встретили танкистов, вместе с которыми им теперь предстояло выходить из нового окружения.

Те, кто, попав в лес, пошли через него прямиком на север, думая уйти подальше от немцев, наоборот, угодили как раз в полосу движения танковых и пехотных колонн, спешивших замкнуть большое кольцо вокруг Вязьмы. Синцов был в их числе; соскочив с машины, он бросился в лес и первый час после спасения шел без остановки, желая только одного: успеть уйти как можно дальше! В первую секунду, когда он услышал выстрелы, увидел танки и соскакивающих с бронетранспортеров немцев, его руки схватились за воздух там, где привычно висел на груди автомат... Но автомата не было, вообще ничего не было, даже нагана. Тогда он прыгнул с борта машины и побежал в лес.

Золотарева он встретил через час. Пройдя пять или шесть километров, он наконец остановился, прислонился к старой сосне, чтобы отдышаться, и в эту минуту к нему подошел Золотарев, в своей рваной кожанке и, что самое главное, с винтовкой за плечами.

— Какие приказания будут, товарищ политрук?

Эти первые слова Золотарева лучше всех других слов на свете могли привести в себя подавленного и безоружного человека, уже на целый час забывшего, что он не только был, но и обязан оставаться командиром.

— Сейчас решим,— ответил Синцов, стараясь казаться спокойным и глядя в эту минуту не столько на Золотарева, сколько на его винтовку.

«Вот уже нас двое, и у нас есть по крайней мере винтовка»,— подумал он и, чтобы окончательно успокоиться, предложил Золотареву:

— Сядем, перекурим.

Они сели тут же, под сосной. Синцов вытащил из кармана едва начатую пачку «Казбека», и они закурили.

По приказанию Климовича его пом по тылу во время сдачи оружия выдал этот «Казбек» всем вышедшим из окружения командирам.

— Богато живем, товарищ политрук,—с удовольствием затягиваясь, сказал Золотарев.

— Да, уж куда богаче,— сказал Синцов.— Винтовка на двоих!

— А у вас и пистолета нет? — спросил Золотарев.

— Расписочка на автомат есть от начбоепита,— по-прежнему зло сказал Синцов.— Если что,— буду из нее стрелять!

— Ничего, как-нибудь разживемся, товарищ политрук,— сочувственно сказал Золотарев и объяснил, что он уже с полчаса идет следом за Синцовым: куда товарищ политрук, туда и он, только подошел не сразу, а немного погодя.

Пока они сидели и курили, Синцов снова вспомнил, как они вот так же сидели тогда, полтора месяца назад, и тоже курили, и оба глядели на Баранова.

«Вот и опять выпало бойцу вдвоем с начальством выходить»,— подумал он о Золотареве с чувством невольной горькой ответственности за поступки этого проклятого Баранова. «А почему, собственно, вдвоем? — почти сразу же подумал он.— Не одни же мы в лесу, может, еще до ночи соберем целую группу».

Однако эти надежды оказались напрасными. Через полчаса после перекура они наткнулись на маленькую докторшу, но больше до ночи так и не встретили ни одного человека.

«Да, уж тут, действительно, есть о ком позаботиться»,— вспомнил Синцов слова Серпилина, когда увидел маленькую докторшу.

Как видно, у всякого человека когда-нибудь наступает конец всем отпущенным ему силам; так было сейчас и с этой маленькой неутомимой женщиной. Сколько же она сделала за время окружения, сколько исползала

земли, перевязывая раненых там, где и голову страшно поднять! А сейчас еле шла, прихрамывая, и лицо у нее было исхудалое и пунцовое от жара. И даже наган, как всегда, висевший у нее на боку, казался ей сейчас невесть какою тяжестью. Шмаков еще утром хотел отправить ее в медсанбат, но она добилась своего — поехала вместе со всеми. Вот тебе и добилась!

Увидев Синцова и Золотарева, она обрадовалась и заковыляла им навстречу так быстро, что чуть не упала.

— Ой, как я рада! — по-детски повторяла она, держа Синцова за борт шинели.— А еще никого? Только вы двое? Больше никого не видели?

— А вы?— в свою очередь, спросил Синцов.

— Я — нет,— сказала она.— Только как разбегались по лесу. А потом у меня нога подвернулась, и я одна шла.

— Как хорошо, что Шмаков вовремя на грузовик пересел! — вдруг радостно воскликнула она.

— Что он-то пересел — хорошо, а вот что вы не пересели...

— Он бы не пересел, если б знал,— сказала докторша, словно пугаясь, что Синцов может плохо подумать о комиссаре.

— Это понятно,— усмехнулся Синцов.— Если б знали, вообще бы...— Он отмахнулся рукой от горьких мыслей и сказал, что, во всяком случае, хорошо, что она жива и что они ее встретили.

— Чего уж хорошего! — сказала она, показывая на свою ногу.— Вот ногу подвернула, да и температура у меня.— Она приложила ладонь Синцова к своему лбу.— Чувствуете?

— Ничего, сестрица,— сказал Золотарев, которому военврач Овсянникова казалась слишком молоденькой и маленькой, чтобы называть ее доктором.—Ничего, сестрица,— повторил он прочувствованно,— хоть на закорках, а доставим. После всего, что вы на наших глазах людям делали, собака тот, кто вас не вытащит!

И вот сегодня, на третьи сутки, все вышло именно так, как от доброго сердца накликал Золотарев. Днем докторша оступилась на подвернутую ногу, вывихнула голень, и они уже пятый час, сменяясь, несли ее на закорках.

Правда, она и после вывиха надеялась все-таки идти, заставила снять с себя сапог и сказала Синцову, чтобы он попробовал вправить ей вывих. Она села на землю, схватившись руками за вылезавшие из земли корни, Золотарев обхватил ее сзади за пояс, а Синцов делал то, что она говорила: обливаясь пóтом от напряжения, поворачивал и тянул ей ногу. Но, несмотря на все ее указания, даваемые сдавленным от боли шепотом, он так и не смог вправить вывих: не сумел. Все страдания оказались напрасными; пришлось приспособить плащ-палатку и взвалить докторшу себе на спину.

И вот он шел и нес ее, считая шаги, и их оставалось до назначенного ими себе привала все меньше: триста... двести... сто пятьдесят...

А она, чувствуя, как трудно ему идти, выйдя из полузабытья, жарко шептала ему в самое ухо:

— Бросьте меня... Слышите, бросьте... Мне хуже, что вы из-за меня мучаетесь... Мне легче, если я одна останусь...

И даже невозможно было обругать ее за эти слова, потому что она говорила правду и даже сейчас думала о других больше, чем о себе.

Наконец они сделали привал. Золотарев расстелил на пригорке шинель Синцова, которую нес на себе внакидку, пока Синцов тащил докторшу, и помог ему освободиться от ноши.

Больная зашевелилась. Пока ее несли, как мешок, у нее затекло все тело.

— Что, ночевать будем? — тихо спросила она.

— Пока нет,— сказал Синцов.— Полежите. Обсудим, как быть.

Он поманил Золотарева, и они отошли в сторону.

— Что делать? Зря мы днем заторопились. Надо было сразу носилки связать.

— Куда уж «заторопились», товарищ политрук! — возразил Золотарев.— Как раз дорога проглядывалась и машины шли. Остановились бы там носилки ладить,— глядишь, нам бы немцы уже «гут морген» сказали.

— Положим, так,— сказал Синцов.— А теперь как? Надо все-таки носилки связать.

— Не носилки вязать, товарищ политрук, а скорее к ночи до людей дойти и у людей ее оставить,— убежденно сказал Золотарев.— Понесем дальше — помрет.

— А немцы? — сказал Синцов.— Мы с тобой два раза выходили к деревням, везде немцы ездят.

— Ну что ж, пойдем лесом и далее. Может, какое жилье и в лесу будет, не пустой же он.

— Страшно оставлять одну.

— Не одну, а с людьми.

— Все равно страшно.

— А помрет на руках — не страшно?—спросил Золотарев и, прислушавшись, добавил: — Кличет.

Так и не договорившись, они вернулись к докторше. Она лежала, приподнявшись на локтях, лицо ее пылало, она тревожно смотрела на них.

— Отчего вы вдруг ушли? — спросила она.

— Да куда мы уйдем от вас, Таня! — сказал Синцов.

Но она думала не о том, о чем подумал он, не это ее тревожило.

— Почему вы без меня решаете? — сказала она.— Раз вместе идем, давайте вместе и решать.

— Ладно, давайте,— сказал Синцов, вдруг решив быть с ней вполне откровенным.— Мы говорили с Золотаревым насчет носилок, как вас дальше нести, а потом подумали, что вы не выдержите долгой дороги.

— Ну и правильно,— сказала она, еще не понимая, чего они хотят, но уже готовясь облегчить им любое решение.

— Решили так: найдем людей, чтобы оставить вас у них, а сами пойдем пробиваться дальше.

Она вздохнула.

— Дура проклятая, дура, ну просто дура проклятая!...— Это она ругала себя за то, что вывихнула ногу и не может идти с ними. Она понимала, что они правы, но сейчас даже умереть казалось ей не таким страшным, как остаться без них.

Они передохнули, пошли дальше и уже незадолго до темноты наткнулись на уходившую в глубь леса малонаезженную дорогу.

Синцов решил свернуть, и они пошли, не теряя дороги из виду, но на всякий случай держась на расстоянии от нее.

Через час дорога привела их к лесной поляне с несколькими домиками и длинным бараком лесопилки. На поляне не было ни машин, ни людей. Лесопилка не работала. Но штабеля кругляка и досок говорили, что еще недавно работа шла здесь полным ходом.

Золотарев пошел на разведку, а Синцов остался с докторшей.

— Иван Петрович,— сказала она тихо.— Только если люди плохие, не оставляйте меня. Лучше отдайте мне мой наган, я застрелюсь. Лучше будет, — повторила она.

— Почему плохие? — сердито ответил Синцов.— Все плохие, одни мы с вами хорошие, что ли?

— Вы-то с Золотаревым хорошие,— сказала она.— Вон сколько меня тащите. Даже стыдно.

— Да бросьте вы! — все так же сердито сказал Синцов.— Кому бы говорили, а не мне. Мы вас три месяца видели, какая вы есть. Вы нам очки не втирайте! Если б не вы, а я ногу вывихнул, так, небось, потащили бы?

— Вас трудно, вы вон какой длинный! — сказала она и улыбнулась, не тому, что Синцов длинный, а тому, что этот длинный и чаще всего хмурый политрук говорит сейчас с ней так сердито только от доброты и больше ни от чего.

— А вы женаты? — помолчав, спросила она.— Давно у вас хотела спросить. Но вы все такой сердитый...

— А сейчас что, добрый стал?

— Нет, просто решила спросить.

— Женат. И дочь имею. Зовут, как вас, Таней,— хмуро сказал он.

— А что вы так сердито? — спросила она.— Я ведь к вам не сватаюсь.

Услышав это, он долгим взглядом посмотрел в ее измученное лицо, подумал о том, как часто люди вот так не понимают мыслей друг друга, и сказал, как малому ребенку, спокойно и ласково:

— Ах, глупая вы, глупая!.. Просто я не знаю, где моя дочь и где моя жена; жена скорей всего на фронте, как вы. И все это разом вспомнил. А про вас я думаю, что вы самая хорошая женщина на свете и самая легонькая,— добавил он, улыбнувшись.— Думаете, вас тащить тяжело? Да в вас и весу-то вообще никакого нету!

Она не ответила, только вздохнула, и в уголке глаза у нее появилась маленькая слезинка.

— Ну вот,— сказал Синцов,— я думал, развеселю вас, а вы... А вон и Золотарев идет.

Золотарев подтвердил сложившееся издали впечатление: немцев не видно, но люди на лесопилке есть. За четверть часа, что он, наблюдая, пролежал на опушке, из крайнего домика два раза выходил инвалид на костылях и поглядывал на небо, прислушиваясь к самолетам. Потом выбежала девочка и снова забежала в дом.

— А больше никого не видно!

— Что ж, пойдем,— сказал Синцов.

Он поднял докторшу на руки вместе с плащпалаткой и, не став пристраивать за спиной, понес ее, как ребенка.

— Может, я еще в дом зайду, разведаю,— остерегся Золотарев.

Но Синцов уперся.

— Раз немцев нет, пойдем прямо. Мы люди или не люди?

Ему вдруг показалось унизительным идти в какую-то еще разведку у себя, на собственной земле, в дом, куда раньше, до войны, он и любой другой человек, не колеблясь, в любую минуту внес бы на руках больную женщину.

— Не верю, чтоб там сволочи были,— сказал он.— Ну, а коли сволочи, на сволочей у нас винтовка есть.

Так, с докторшей на руках, он дошел до дверей крайнего дома и постучал в них ногой.

Испуганно отодвинувшая щеколду пятнадцатилетняя девочка увидела в распахнувшейся двери высокого, широкоплечего человека с худым ожесточенным лицом, державшего на руках завернутую в плащ-палатку женщину. Его большие руки дрожали от усталости, а на обоих рукавах — это сразу бросилось ей в глаза — были красные комиссарские звезды.

Позади высокого человека стоял второй, низенький, в рваной кожанке и с винтовкой на плече.

— Проводи, девочка,— сказал высокий повелительным голосом,— покажи, куда положить.— И, увидев ее испуганные глаза, добавил помягче: — Видишь, у нас беда какая.

Девочка распахнула вторую дверь, и Синцов с докторшей на руках, шагнув из сеней в избу, окинул ее быстрым взглядом; комната была полудеревенская-полугородская: русская печь, широкая лавка по стене, буфет, стол, накрытый клеенкой, стенные полки с бумажными кружевами...

— Кроме тебя, здесь есть кто? — спросил он девочку, все еще держа докторшу на руках.

— Есть, как не быть,— раздался за его спиной сипловатый голос.

Синцов полуобернулся и увидел в дверях, ведших в другую комнату, того самого одноногого на костылях, о котором говорил Золотарев. Он был уже немолод, грузен, с неопрятно свалявшимися волосами и густой русой щетиной на обрюзгшем лице.

— Здравствуйте! — произнес он так же хрип-

ло и неприветливо, как и первые сказанные им слова.

И, увидев, что Синцов собирается класть докторшу на лавку, остановил его.

— Погоди... Ленка, пойди возьми в горнице тюфяк с кровати, да только одеяло с простынью оставь, один тюфяк возьми... Да живо, видишь, держать-то нелегко!

Синцов, чувствуя, как у него дрожат руки, чтобы легче было держать, привалился спиной к стене и посмотрел в упор на неприветливого хозяина.

Должно быть, выражение лица его отразило то, что творилось у него на душе,— решимость, несмотря на войну и окружение, потребовать здесь сполна все, что причитается получить от советского человека другому, попавшему в беду советскому человеку.

— Что смотришь? Не радуюсь вам? — спросил хозяин.— А чему радоваться? Наедут немцы — дорога тут прямая,— и будет нам с вами конец. Что тогда делать? Из дома не выгонишь: совести не хватит... Сюда, сюда, к этому краю, в изголовье подверни, длины-то хватит,— повернулся он к девочке, торопливо укладывавшей на лавку тюфяк.

Синцов опустил докторшу и с трудом разогнулся. Ему казалось, что он вытянул себе все жилы.

— А вы смелый,— уже на «вы», полунасмешливо-полууважительно сказал хозяин, заметив звезды на рукавах Синцова.— Кругом второй день немцы, а вы еще комиссарите... Ленка, принеси воды напиться, видишь, люди устали, пить хотят... Что ж, садитесь, гостями будете.— Он приставил к стене костыли и, схватясь рукой за стол, первым сел, тяжело заскрипев табуреткой.— В подпол бы вас прятать, да я так: или уж боюсь, или уж не боюсь! Заночуете?

Синцов кивнул.

— А после?

Синцов сказал, что на рассвета они пойдут пробираться к своим, а больную — доктора — хотели бы оставить здесь: у нее жар и покалечена нога, ей надо отлежаться.

— Даже если придут немцы, женщина не может вызвать особого подозрения, тем более не раненая, а больная.

— Доктор, значит,— сказал хозяин.— А я было подумал, жена ваша.

— Почему? — невольно спросил Синцов.

— Так не всякий не всякую так вот, на руках попрет... Доктор, значит,— повторил хозяин и, взяв костыли, подошел к изголовью лежавшей.— Ишь, как вас прихватило! — сказал он и положил ей на лоб свою тяжелую руку.— Горит вся. Не тиф?

— Нет, простуда, наверно, воспаление легких,— проглотив комок, с трудом ответила докторша.

— А хотя бы и тиф, я тифа не боюсь. Все тифы прошел. А с ногой чего?

— Вывихнула.

— С ногой завтра поглядим, может, ее попарить надо. С ногами баловаться нельзя. Один раз побаловался — и колдыбаю с тех пор. Будем знакомы. Бирюков Гаврила Романович. Отца Романом звали, а фамилию к нашим лесным местам подогнал,— усмехнулся он и пожал горячую руку докторши. Потом поздоровался за руку с Синцовым и Золотаревым.

Девочка вошла с ведром и кружкой.

— Сперва ей,— с отличавшей все его поведение грубой заботой кивнул хозяин на докторшу.

— Откуда идете? Какой день?

Горько усмехнувшись собственной судьбе, Синцов сказал, что идут они, если все считать, семьдесят третий день.

И в ответ на вопрос — как же так? — коротко объяснил, как это получилось.

Бирюков даже присвистнул:

— Да! Лихая вам досталась доля! Только что, можно сказать, дома, и опять все кувырком... Слышь, Ленка, знаешь чего,— раздобрившись, сказал он,— тюфяк здесь оставь, а сама с ней ляг, в горнице. А мы, мужики, тут расположимся.

Девочка радостно, опрометью побежала готовить постель. Она гордилась решением отца, и уже через несколько минут Синцов перенес докторшу в соседнюю комнату на большую широкую двуспальную кровать, с сеткой и периной.

— Ой, как хорошо, даже не верится! — прошептала докторша.— Девочка, помоги мне раздеться! — Ей показалось, что мужчины уже вышли из комнаты, но они были еще там и вышли, только услышав эти слова.

— Ленка, выдь сюда на минуту! — крикнул Бирюков, когда они вернулись в кухню.

— Ну что? — нетерпеливо высунулась из двери девочка.

— Не нукай, а выдь сюда. И дверь за собой прикрой.

Девочка подошла к нему.

— Будешь раздевать ее, если белье солдатское,— тоже сымй. Возьми материну рубаху. И все, что на ней солдатское, собери и снеси в дровяник. Знаешь куда? Куда этого, что вчера был, обмундирование убрали. А то и не посмотрят, что женщина. Документы вынешь — мне отдашь, я сам схороню. Или, может, с собой возьмете? — повернулся он к Синцову.

— Лучше пусть будут с ней. Могут потом понадобиться.

— Ну, это как сказать! — усмехнулся Бирюков.— Тут вчера через меня один шел — звания поминать не буду, шут с ним! — даже поесть не попросил, только переодеться заботился! Вынул из кармана деньги, все, какие были,— и мне в нос! Вот, все твое, только дай за это что подырявей! Дал я ему рубаху да штаны, правда, целые, рваных как на грех не было, и пустил на все четыре стороны — пусть идет, куда хочет. Что ж с человека возьмешь, когда он со страху губами шлепает, а звука нету! Схоронил его обмундирование вместе с документами. Ну, а вы вот так и располагаете идти?

Синцов кивнул.

— Ну, а коли немцы?

— Примем бой,— сказал не вступавший до этого в разговор Золотарев.

— Много ты ею теперь навоюешь! — кивнул хозяин на прислоненную к стене винтовку.— А все-таки, замечаю я,— сказал он,— страха много перед немцами, много страха.

— Так ведь страшно,— сказал Синцов.

— Это верно,— задумчиво сказал хозяин.— И вблизи страшно, а издали тем более.— И крикнул пробегавшей через комнату дочери, чтобы она, как управится с докторшей, собрала поесть.

Пока девочка бегала туда и сюда, а потом занавешивала мешками окна и собирала на стол, Синцов и Золотарев услышали от хозяина краткую, как он сам выразился, «повесть его жизни».

— ...Вроде б вы не вправе меня спрашивать, кто я да что я...— сказал он, сам начав этот разговор.— Не я у вас, а вы у меня в дому. Но человека здесь оставляете. Значит, совесть требует знать, на кого. Так?

Синцов сказал, что именно так.

— Вон как. Даже «именно»,— усмехнулся хозяин.

Он рассказывал свою жизнь вразброс: то про одно, то про другое. Жизнь была невышедшая, а человек — натерпевшийся.

Когда-то, в гражданскую войну, он воевал и уволился в запас командиром взвода. Состоял в партии, долго работал прорабом на лесозаготовках. Там же по пьяному делу отморозил и потерял ногу. Хирурга не было, и фельдшер отпилил ногу, как бревно. Потом, не пережив увечья, покатился по наклонной, стал пьянствовать, промотал все, что было; вылетел из партии... Даже стал шататься по базарам. И вот шесть лет назад попал сюда, к вдове бывшего сослуживца...

— Ее мать,— кивнул он на стенку, за которой была девочка.— Двое детей, и оба неродные.

Женщина вытащила его из ямы, в которую он невозвратимо опускался, и он остался жить с нею, стал механиком на этой лесопилке и названым отцом двух чужих детей.

Четыре дня назад у них в семье случилась беда. Наслышавшись от работавших на лесопилке бойцов разговоров о войне, четырнадцатилетний пасынок хозяина вдруг исчез. Наверное, пристал к проходившей в тот день мимо них части... Мать день убивалась, а ночью, никому не сказав, пошла следом, чтобы вернуть сына.

— А теперь вон как все обернулось. Кругом немцы, а ее нет третий день. Когда вы в дверь торкнулись, думал, она. Сколько времени не пил, а вчера принял с горя. От солдат литровка осталась. Ленка стала отбирать, и в памяти держу, что даже стукнул ее... С пьяных глаз. Она не говорит, но чувствую: стукнул. А она к этому непривычная... Ну, что, Ленка, собирай, собирай! Да, в литровке там немного вина осталось, ты вчерась отобрала...

В литровке действительно осталось немного. Мужчины выпили по половине граненого стакана и закусили холодной, густо посоленной картошкой.

— А как там она? — спросил хозяин, кивнув на дверь.— Ей-то снесла поесть?

— Раньше, чем вам,— ответила девочка.

— Ну, ну, верно... Это ты права,— сказал хозяин.

Золотарев, выпив и закусив, довольно крякнул и без долгих слов, положив подле себя винтовку и накрывшись кожанкой, лег спать у стены на принесенное девочкой сено. Синцов хотел проведать докторшу, но девочка удержала его в дверях: больная только что уснула.

Синцов вернулся и сел за стол.

— Может, еще чего съедите? — спросил хозяин.

— Спасибо. Боюсь с голодухи лишнего.

— Это, положим, верно. Ко сну клонит?

— Пока нет,— сказал Синцов.

— Ну, а коли нет,— прикрутив немного фитиль и положив локти на стол, сказал хозяин,— коли нет, так скажите мне, товарищ политрук, что же это такое делается? Вот ты сидишь сейчас передо мной, Рабоче-крестьянская Красная Армия, и раз ты формы не снял, то я тебя уважаю, но с тебя и спрашиваю. Что же это такое делается и до каких пор будет продолжаться? Не думайте, не с вами с первым говорю. И с бойцами говорил, и старший лейтенант тут жил, за распиловкой леса следил, но он, правда, мало чего знал... И генерал был, дивизией командовал. Как раз в лесах наших стояла, пока на фронт не кинули. Генерал боевой, ничего не скажешь, от границы с людьми пробился и опять дивизию собрал и на фронт пошел... Вот я его и спрашиваю: «Товарищ генерал, что вы и во сне не думали, не гадали досюдова отходить,— этого вы мне не говорите, это я сам знаю, что не думали! Но вышло не по-вашему. А вот что вы сейчас думаете? Скажите откровенно, отсюда не уйдете? Тут немец не будет?»

При этих словах Бирюков строго постучал ладонью по столу.

— А что он ответил? «Еще чего! Мы,— говорит,— завтра вперед в бой пойдем, сами ему накостыляем, и для первого случая из Ельни вышибем». И что же? Верно, пошли, и накостыляли, и из Ельни вышибли! А что теперь? Генерал от меня вперед ушел, Ельню взял, а немцы вчерась уже за нас зашли. Да куда зашли! Вчера, говорят, телефонистка с Угры в Знаменку звонила, а там ей уже по-немецки чешут, а это от нас еще на восток полсотни верст.

— Не может быть! — сказал Синцов.

— Вот те и не может быть! Генерал Ельню взял, а немцы в Знаменке. Где же теперь этот генерал? Скажи мне?

— Где, где?..— вдруг разозлился Синцов.— Бьется где-нибудь в окружении. И мы бы тоже, если б не так, врасплох... Какникак, а от Могилева до Ельни дошли. Было где и перед кем оружие положить, а не положили! А другие что, хуже нас, что ли?

— Может, и не хуже, а немец-то опять вас окружил! А может, не надо было этого дожидаться? Может, самим надо было его захватывать и отсюдова и оттудова? А то стоим да ждем, пока он первый в ухо даст! А тут еще вопрос: устоишь ли? А не устоишь, так он ведь и лежачего бьет! Вот ты с бойцом своим — кто вы? Вы и есть лежачие.

— Нет,— сказал Синцов.

— Ну, ползучие...

— Нет, мы и не ползучие, мы идем к своим и дойдем до них.

— А немца встретите?

— Убьем.

— А танк встретите? Тоже убьете?.. А по мне, лучше не встречайте уж никого, идите себе тихо, пока до своих не дойдете. Потому

что если встретите, то скорее всего не вы убьете, а вас убьют.

— Не знаю,— сказал Синцов.— Знаю одно,— он помолчал, мысленно окидывая взглядом все, что пережил с того дня, как переехал Могилевский мост и остался у Серпилина,— знаю одно: люди у нас в армии такие, что не будет прощения, если войну проиграем.

— Это знаешь. А чего не знаешь? Начал-то с «не знаю».

— А не знаю, где вся наша техника. Словно ее корова языком слизнула и с земли и с неба!

— А их самолеты,— помолчав, сказал Бирюков,— через нас на Москву гудят и гудят. Вечером — туда, средь ночи — оттуда. Выйду на крыльцо и слушаю: много ли обратно идет? Какой гул в небе?.. Ну что ж, спи. Не взыщи, что разговором донял, но, может, ты последний политрук, с которым я говорил, а завтра мне уже с немцами говорить придется. Дойдешь до наших, будешь докладываться, передай от меня так: может, у вас планы, как у Кутузова, но и про людей тоже думать надо. Конечно, не во всякой щели не всякий таракан Советскую власть любит, но я не про тараканов, я про людей. Сказали бы мне по совести, что уйдете, что план такой, я бы тоже снялся и ушел. А теперь что? Теперь мне здесь жить да перед немцами Лазаря петь? Что я такой-сякой, хороший, из партии выгнанный, с Советской властью несогласный?.. Так, что ли? Зачем меня под такую долю бросать? Я бы ушел лучше. Так и скажи, политрук. Эх, да не скажешь! Дойдешь, скажешь: прибыл в ваше распоряжение. Вот и вся твоя речь.

— Почему?

— А потому. А за докторшу не беспокойся. Одну на смерть не отдам.

— А я не боюсь, я верю вам,— сказал Синцов.

— А вам ничего больше и не остается,— сказал с возвратившейся к нему угрюмой усмешкой Бирюков и, совсем прикрутив фитиль лампы, грузно улегся на лавку, поворочался немного и тяжело захрапел.

Синцов лежал, глядел в потолок, и ему казалось, что потолка никакого нет, а он видит черное небо и в нем слышит прерывистое гудение идущих на Москву бомбардировщиков.

Он уже начал засыпать, как вдруг его лица коснулась детская рука.

— Товарищ политрук,— присев на корточки, шепотом сказала девочка, — вас зовут.

Он поднялся и, не надевая сапог, босиком прошел за девочкой в соседнюю комнату.

— Ну, чего вы? — спросил он, наклоняясь над кроватью.— Плохо вам?

— Нет, мне лучше, но я боюсь, вдруг забудусь или засну, а вы, не простясь, уйдете.

— Не уйдем, не простясь. Простимся,— сказал Синцов.

— Вы мне мой наган оставьте. Чтобы он у меня под подушкой был. Хорошо? Я бы вам отдала, но он мне тоже нужен.

Но Синцов без колебаний ответил, что нагана он ей не отдаст, потому что ему наган действительно нужен, а ее может только загубить.

— Вы сами подумайте: обмундирование ваше спрятали, даже переодели вас в другую рубашку, а под подушкой — наган. Не придут немцы — он вам не нужен, а придут — это гибель для вас... и для ваших хозяев,— добавил Синцов и этим удержал ее от возражений.— Спите. Правда, вам лучше?

— Правда... Серпилина если увидите, расскажите обо мне. Хорошо?

— Хорошо.

Он тихонько пожал ее огненную руку.

— По-моему, у вас жар еще сильней.

— Пить все время хочется, а так ничего,— сказала она.

— Товарищ политрук,— остановила его на пороге девочка.— Я вам что хочу сказать...— Она замолчала и прислушалась к храпу отца.— Вы не бойтесь за Татьяну Трофимовну, вы не думайте про отца,— она сказала именно «отца», а не «отчима»,— что он злой такой. Он за маму и брата мучается... Вы не бойтесь, не слушайте его, что он говорит, что он из партии исключенный, это все когда еще было, я уж и не знаю, когда! А он, когда война началась, сразу в райком пошел просить, чтобы его обратно приняли. Его уже на бюро в лесхозе разбирали, а потом все в армию поуходили, так собрания и не было. Вы не бойтесь за него!

— А я не боюсь,— сказал Синцов.

— И я тоже все сделаю! — снова горячо зашептала девочка.— Я Татьяну Трофимовну, что она наша родственница, выдам! Мы уже с ней договорились. Даю вам слово комсомольское!

— А ты уже комсомолка? — спросил Синцов.

— Да, с мая месяца.

— А где твой билет?

— Показать? — с готовностью спросила девочка.

— Нет, не надо,— сказал Синцов.— Только, знаешь что, хорошо бы какого-нибудь фельдшера найти, ногу ей вправить. Я не сумел, тут умение нужно.

— Я найду, приведу,— с той же готовностью сказала девочка.— Я все сделаю.

И Синцов почувствовал, что она действительно и найдет, и приведет, и все сделает, и жизнь отдаст за эту маленькую докторшу.

Он снова улегся и на этот раз заснул мгновенно, без единой мысли в голове.

Его разбудил свет. Сквозь сон ему показалось, что рассвело, но когда он открыл глаза, в избе было по-прежнему темно. Он снова хотел закрыть глаза, но в окне метнулась широкая, быстрая полоса света. Это могло быть только одно—фары въезжающей на лесопилку машины.

Синцов вскочил и, еще не натягивая сапог, растолкал Золотарева и хозяина.

По окну снова чиркнуло светом.

— Немцы едут, дождались! — хрипло сказал Бирюков.— Бегите!

Подскакивая на одной ноге и перехватываясь по стене руками, он добрался до окна, выходившего во двор, и, рванув раму, открыл его настежь. — Давайте! Через двор, а там огородами в лес выйдете. Не увидят. Скорее!

В открытые окна был слышен шум нескольких машин. Синцов пропустил первым Золотарева и, так и не успев надеть сапоги, прихватив их в руку вместе с портянками, перелез через подоконник.

И было самое время. Другие машины еще двигались, а одна уже остановилась возле дома: слышалась громкая немецкая речь. Машина была полна людей.

Миновав огород и перебежав между штабелями леса до опушки, Синцов и Золотарев присели, чтобы отдышаться.

Немецкие машины разворачивались, светили в разные стороны фарами, а в том доме, из которого Синцов и Золотарев ушли пять минут назад, сначала в одном окне, а потом в другом зажегся свет. Он пробивался из-под неплотно прикрывавшей окна мешковины и был виден даже отсюда.

Увидев этот свет, Синцов испытал острое чувство бессилия. Еще час назад они хоть как-то могли защитить оставшуюся там женщину вот этой винтовкой и наганом. А теперь она была оставлена без всякой защиты, одна, на совесть людей и на милость врага.

О том же самом думал и Золотарев.

— Хоть бы в горячке не проговорилась как-нибудь! — сказал он и добавил: — Может, закурим, а, товарищ политрук? Душа не на месте.

— Как бы не увидали!

— Ничего, не увидят. Шинелью накроемся.

Так они остались уже не втроем, а вдвоем и шли вдвоем еще шесть суток, пока судьба и их двоих не расшвыряла в разные стороны.

За эти шесть суток они испытали все, что может выпасть на долю двум людям в форме и с оружием в руках, идущим к своим сквозь чужой вооруженный лагерь. Они испытали и холод, и голод, и многократный страх смерти. Они несколько раз были на волоске от гибели или плена, слышали в двадцати шагах от себя немецкую речь и звон немецкого оружия, рев немецких машин и запах немецкого бензина.

Четыре раза они, коченея от холода, ночевали в промозглом октябрьском лесу и дважды заходили на ночлег в дома.

В одном им были рады, а в другом испугались, не их самих, а того, что будет, если немцы узнают о их ночевке. Но в обоих домах, где они заночевали, люди обратили особое внимание на то, что они идут в форме. В первом доме — с гордостью за них, а во втором доме — со страхом за себя.

И когда они на рассвете ушли из первого дома, Золотарев сказал Синцову:

— Вот уж именно русские люди! Верно, товарищ политрук?

И Синцов сказал:

— Верно!

А когда они ушли на рассвете из второго дома, Синцов сказал Золотареву:

— Так нет же, до смерти формы не снимем, хотя бы для того, чтобы она таким шкурникам в глаза била!

А Золотарев ответил, что зря политрук согласился дать им за харчи сто рублей. Вместо этого им бы в морду плюнуть!

— А я и плюнул,—сказал Синцов,—тем, что дал эти сто рублей. Пусть утрутся ими!

— А говорят, что сын у них в армии,— не успокаивался Золотарев.— Недобрая доля за таких родителей кровь проливать!

— Кроме родителей, еще и Советская власть есть,— сказал Синцов.

— Есть-то есть. А все-таки тяжело,— не согласился с ним Золотарев.

И этот разговор чуть не стал последним их разговором, потому что через полчаса на том же самом рассвете они, поднявшись из крутой лесной балочки, в упор столкнулись с двумя тянувшими шестовку немецкими связистами. Встреча была одинаково неожиданной для тех и других, но двое чутко, как звери, шедших из окружения русских все-таки быстрей нашлись, чем немцы, только что выпившие утренний кофе и насвистывавшие песенку на сытый желудок.

Золотарев вскинул винтовку и выстрелил в немца прежде, чем тот успел сорвать с плеча свою. А второй немец, испугавшись, побежал через кусты, и Синцов побежал за ним, на бегу стреляя из нагана, и уложил его насмерть только седьмым, последним патроном.

Потом они взяли одну винтовку и подсумок, и побежали через лес, чтобы оказаться как можно дальше от места перестрелки, и бежали до тех пор, пока не упали обессиленные в густом кустарнике. И только здесь, лежа, стали вспоминать, как все вышло.

«Вот и убили, — подумал Синцов, вспомнив вопрос там, на лесопилке: «Ну, а немца встретите?» — и свой ответ: «Встретим — убьём!»

— Пойдем, — сказал Золотарев, — а то как бы лес не стали прочесывать, ушли-то недалеко...

— Ладно, — сказал Синцов и, повесив на плечо немецкую винтовку, добавил: — Тяжелой кажется. Так давно без винтовки иду, что отвык.

Тогда Золотарев посоветовал ему бросить наган: все равно он извел уже все патроны. Но Синцову было жалко, и он все-таки сохранил наган, сказав, что патроны еще найдутся.

А потом он опять остался с одним этим, теперь уже пустым наганом. Они переправлялись ночью вброд через реку, и он, идя по горло в воде, провалился в глубокую яму и от неожиданности утопил и шинель и немецкую винтовку, которые, прихватив все вместе ремнем, держал над головой. И сколько потом ни нырял и ни шарил, не смог найти ни того, ни другого. Так у них остались одна винтовка и одна кожанка на двоих.

Все было с ними за эти шесть дней, не было только одного: они никак не могли дойти до своих; сколько бы они ни забирали все глубже и глубже на восток, оказывалось, что немцы ушли еще глубже.

Под конец мечта дойти до линии фронта начала казаться им несбыточной. Одиночество тяготило их больше всего, и когда они говорили об этом между собой, тяжелое время, что они шли от Могилева до Ельни вместе с Серпилиным, начинало казаться им счастливым по сравнению с тем, что они переживали сейчас. Хоть бы встретить какую-нибудь пробивавшуюся с боями часть и идти вместе с нею!

Правда, один раз им встретились старший лейтенант в форме с семью вооруженными бойцами; они хотели присоединиться к этой группе, и старший лейтенант не возражал против этого. Но, верно, ночью он передумал: быть может, у него вызвал недоверие рассказ Синцова, что они идут из окружения уже с июля месяца. Под утро Золотарев услышал только, как вдали похрустывают тронутые ранней изморозью кусты. Те восемь поднялись и, не разбудив их, ушли одни.

— Что, догоним? — спросил Золотарев у Синцова.

Но тот сказал:

— Раз не доверяют, пусть идут.

А части, которая бы выходила с боем и к которой можно было бы присоединиться, все не было и не было. Как видно, выходившие из-под Вязьмы войска пробивались другими путями...

Последний раз они заночевали в лесу глухой ночью, улучив момент и перебежав шедшую вдоль опушки шоссейную дорогу, по которой почти непрерывным потоком двигались немецкие машины.

Они углубились в лес еще километра на два, наломали еловых лап и залезли в их гущу, накрывшись дырявой кожанкой Золотарева. До сих пор стояли сухие дни, а сегодня впервые под вечер прошел дождь. Спать было особенно холодно, хотя они тесно прижались друг к другу, чтобы согреться. Вдобавок их мучил голод: утром кончилась последняя еда, взятая с последнего ночлега под крышей.

Обоим не спалось.

— Жалко, ремень утопил, — невесело усмехнулся Синцов. — Хоть бы брюхо затянул, легче было бы.

— Зря мы у тех немцев не поглядели по ранцам, нет ли харчей, — сказал Золотарев.

Он уже не в первый раз жалел об этом.

— Дорога, что мы перешли, с булыжным покрытием, — помолчав, сказал Золотарев. — Что бы это могла быть за дорога?

— Похоже, что на Верею, — сказал Синцов. — Медынь к югу осталась. Возможно, что это как раз и есть дорога с Медыни на Верею.

— А сколько ж эта Верея от Москвы?

— Около ста, — сказал Синцов.

— Да... — задумчиво сказал Золотарев. — Значит, без малого сто километров до Москвы не дошли, а все еще через немцев идем. Ум верить отказывается... Пошли! — Он прислушался к прокатившейся по небу тяжелой, низкой полосе гула. — На Москву!

— И каждую ночь в одно время, — сказал Синцов.

— Значит, летают на Москву, — сказал Золотарев. — Не взяли, значит, ее, раз летают!

Они снова полежали несколько минут молча.

— Ваня, а Ваня! — позвал Золотарев.

Они были людьми одного поколения: политруку Синцову шел тридцатый, а сверхсрочнику Золотареву — двадцать седьмой; их побратала беда, и среди той жизни, которой они сейчас жили и которая, как им минутами казалось, оставила их двоих на целой земле, они стали звать друг друга на «ты», сами не заметив этого.

— Ну что? — отозвался Синцов.

— А все-таки оставили мы с тобой докторшу, не спасли.

— А как спасешь ее? Если б тонули, над головой бы подняли. А так что сделаешь? Померла бы в дороге — лучше было бы?

— Это так, — согласился Золотарев. И, вздохнув, повторил: — А все-таки оставили.

— Ну, чего ты хочешь? — недовольно отозвался Синцов.

— Мало ли чего хочу... Хочешь, а не можешь. Вот что обидно... А знаешь, чего я хочу?

— Ну, чего?

— Вот сказали бы мне: Золотарев, согласен, мы тебя сбросим вместо бомбы на Гитлера, но только так: его убьешь и сам в лепешку? Я бы только спросил: а попадете? Обещали бы: попадем, — сказал бы: сбрасывайте! Веришь ли?

— Верю.

— И еще иногда думаю: почему я такой несчастный, что в шофера пошел? Вполне мог на танке быть!

— Ну и что?

— Ничего. Хоть бы раз хотел не из винтовки, а из пушки по ним ударить, сам лично. Расшибить чего-нибудь вдребезги своею силой, танк или машину! Когда выйдем, не пойду больше в шофера. Ну ее к чертям!

— Узнают, что шофер, отправят.

— Скрою! Ваня, а Ваня!

— Что?

— Скажи, Москву возьмут немцы?

— Не знаю.

— Ну, а как думаешь?

— Не верю.

Через небо катилась новая полоса низкого гула.

— Полетели...

— Ваня, а ты где учился?

— Сначала в семилетке, потом в ФЗУ.

— И я тоже. Ты в каком?

— В деревообделочном. У нас в Вязьме. А ты?

— А я в Ростове, при «Ростсельмаше». А потом?

— Потом работал. Потом учиться пошел.

— Куда?

— В КИЖ.

— Это что — КИЖ?

— Коммунистический институт журналистики.

— А я все время работал. На тракторе и на грузовой, только уже в армии на легковую перешел. А как ты думаешь, Серпилин выздоровеет? — вдруг спросил Золотарев.

— Не знаю. Врач сказал, что выздоровеет.

— Хорошо бы снова к нему в часть попасть, а?

— Что ж, выйдем, напишем.

— А твоя семья в Вязьме?

— Отец и брат там были. Но не знаю, может, и уехали.

Синцов помолчал, прикинул в уме, сколько километров отсюда до Вязьмы, и подумал, что если им не удастся пробиться, надо поворачивать на Вязьму, искать там знакомых людей и идти в партизаны.

И он и Золотарев думали в эту ночь, что оставшаяся далеко в тылу у немцев Вязьма уже давно взята. Наверно, им обоим, несмотря ни на что, все-таки было бы легче знать то, что происходило там на самом деле. Кольцо вокруг Вязьмы и в эту ночь все еще сжималось и сжималось и никак не могло сжаться до конца; окруженные войска погибали там в последних отчаянных боях с немецкими танковыми и пехотными корпусами. Но именно этих самых задержавшихся под Вязьмой корпусов через несколько дней не хватило Гитлеру под Москвой.

Трагическое по масштабам октябрьское окружение и отступление на Западном и Брянском фронтах было в то же время беспрерывной цепью поразительных по своему упорству оборон, которые, словно песок, то крупинками, то горами сыпавшийся под колеса, так и не дали немецкому бронированному катку с ходу докатиться до Москвы.

И двое людей, лежавших той ночью в лесу

под Вереей и чувствовавших себя и маленькими, и несчастными, и почти безоружными, несмотря на все это, были тоже еще двумя песчинками, своею собственной волей брошенными под колеса немецкой военной машины.

Они тоже не дали немцам дойти до Москвы, хотя именно в ту ночь они как раз содрогались от мысли: «Не сдадим ли мы ее?» — еще не зная, что она никогда не будет сдана.

Их разбудили под утро звуки сильного и близкого боя. В лесу чуть синело. Они встали и пошли навстречу этим звукам, зная одно: раз это бой, значит, там не только немцы, но и наши, и, если повезет, есть шанс выйти к своим.

Война мерит вещи своей мерой, и они шли на смертельные звуки разрывов и пулеметной трескотни так же нетерпеливо, как в другое время идут люди на голос жизни, на маяк, на огонек в степи, на жилье среди снегов.

— А может, там и есть передовая? — спросил Золотарев.

Синцову тоже хотелось поверить в это, но он подумал и сказал, что вряд ли. Если бы тут проходила передовая, ночью не стояла бы такая тишина. Наверное, это наши пробиваются через немецкие тылы.

Они шли вперед, и бой, казалось, шел им навстречу; уж можно было различить, что не какой-нибудь другой пулемет, а именно наш «Максим» бьет совсем недалеко, короткими очередями.

— Патроны экономят,— сказал Золотарев.

Синцов кивнул.

Они прошли еще двести шагов. В лесу все светлело, и они стали идти осторожнее, боясь нарваться на немцев раньше, чем на своих.

Вдруг в ста метрах от них разорвался снаряд, потом второй. Они перебежали и легли в еще дымившуюся воронку, а снаряды начали рваться один за другим и вокруг них и далеко левее и правее.

Огонь вело по крайней мере несколько батарей.

Сначала Синцов подумал, что немцы не рассчитали и бьют по пустому месту. Радуясь этому, он на минуту забыл об опасности.

Но снаряды продолжали методически ложиться все в той же полосе, и Синцов понял, что немцы ставят здесь заградительный огонь, отсекая нашим путь к прорыву в эту сторону.

— Как, переляжем или пойдем? — спросил он Золотарева.

Впереди по-прежнему слышались пулеметы.

— Пойдем,— ответил Золотарев.

Они стали перебегать, ложась то в воронку, то в овражек, то просто утыкаясь головой в землю.

— Неужели правда дойдем, даже не верится! — задыхаясь от быстрой перебежки, спросил Синцов, когда они еще раз упали у подножия большой сосны.

И это было последнее, что от него услышал Золотарев.

Разорвался снаряд. Они оба припали к земле, а когда Золотарев приподнялся, он увидел, что политрук лежит, раскинув руки, а голова и лоб у него так обильно залиты кровью, что, наверное, это смертельная рана.

— Ваня, Ваня! — затряс он Синцова за плечи. — Ваня!..

Но Синцов не отзывался.

Тогда Золотарев взвалил на плечи его бесчувственное тело и пошел вперед на стук пулемета.

Через сто шагов он упал, не выдержав тяжести, поднялся, снова взвалил Синцова на плечи и снова упал. Он лежал и чувствовал, что ему все равно не дотащить до своих этой ноши.

А секунды летели, и ему показалось, что звуки пулеметной стрельбы стали удаляться.

Тогда он решил поскорей добежать до своих, взять кого-нибудь на помощь и вместе вернуться сюда.

Задрожавшими пальцами сунув себе в карман документы Синцова, он, секунду поколебавшись, быстро за рукава стащил с политрука его драную, с оборванными пуговицами гимнастерку.

Он решил вернуться сюда, если живым дойдет до своих, но он мог и не дойти и не хотел, чтобы фашисты, узнав политрука по гимнастерке, издевались над ним, еще живым или уже мертвым.

Отбежав двести метров, он швырнул гимнастерку в гущу мелкого ельника, а еще через триста метров выскочил прямо на четырех человек, делавших перебежку, катя за собой «максим». Трое из них были в танкистской форме, а четвертым был лейтенант Хорышев своей собственной персоной, со своим белым чубом из-под сбитой набок пилотки.

Золотарев наскочил на своего взводного как раз в ту секунду, когда тот после перебежки распоряжался повернуть пулемет. Он первый из всех увидел набежавшего на них Золотарева и без удивления, с улыбкой, словно только и ждал этого, крикнул:

— Ну, вот и Золотарев явился, с неба свалился! Патроны есть?

— Есть!

— Тогда ложись, веди огонь. Сейчас фрицы опять явятся!

Мимо них пробежали и залегли между деревьями еще несколько бойцов в танкистском и общевойсковом обмундировании. Все напряженно вглядывались назад, в гущу леса, туда, куда Хорышев повернул хоботом свой пулемет.

Не глядя на Золотарева, он спросил:

— Один?

— С Синцовым шли.

— А где политрук?

— Он тяжело раненный. Тут, недалеко. Вы дайте мне кого-нибудь. Мы вернемся, вытащим.

— А где ты его оставил?..

Золотарев показал пальцами примерно туда, где он, по его расчетам, оставил Синцова.

— А куда ранение? — наверное, уже прикидывая в уме, как лучше вытащить политрука, спросил Золотарева взводный, но, прервав себя на полуслове, упал на землю рядом с пулеметом.

Над их головами по деревьям, сбивая ржавые листья, застучали автоматные очереди.

— Вы нас на испуг берете, а мы вас на мушку! — выругавшись, закричал Хорышев и дал первую очередь раньше, чем Золотарев увидел цель, по которой он стреляет.

Потом ее увидел и Золотарев: метрах в двухстах между деревьями перебегали немцы.

Как только застучал пулемет, рядом застучал еще один, ручной, а правей, подальше, — станковый.

А над головой били по веткам немецкие автоматные очереди.

Золотарев успел несколько раз выстрелить по перебегавшим немцам. Потом немцы залегли.

Хорышев дал сигнал перебежки. Они перебежали метров на полтораста и снова заняли позицию.

Немцы и тут не заставили себя ждать: между деревьями стали рваться легкие ротные мины, а впереди опять показались перебегавшие фигуры.

Пулеметы Хорышева и другие, справа от него, снова открыли огонь и, прижав немцев к земле, опять переменили позиции.

— Как же быть? — подползая к Хорышеву, спросил Золотарев.— Дайте мне бойца, я схожу найду политрука...

— Куда ты теперь сходишь? — оборвал его Хорышев.— Дурья башка! Ну, куда, покажи, куда?

И Золотарев безнадежно показал рукой, уже и сам видя, что теперь по ходу боя между ними и тем местом, куда он думал идти, оказались немцы.

— Сразу тащить надо было, а теперь что же...— сердито сказал Хорышев.

— Тогда я один пойду,— сказал Золотарев.

— Самоубийцу из себя не строй! Давай веди огонь! Видишь, фрицы идут!

И в самом деле, немцы снова забегали между деревьями, на этот раз ближе, чем раньше, и Золотарев с отчаянием в душе, но хладнокровно и умело, как и все, что он делал в своей солдатской жизни, стал вести огонь по перебегавшим впереди зеленым фигурам.

Лейтенант Хорышев с десятком своих бойцов и с десятком танкистов всего-навсего прикрывал на одном маленьком участке фланг танковой бригады Климовича, прорывавшейся в ту ночь через немецкие тылы.

Бригада Климовича, в свою очередь, была лишь частью тех войск западного фронта, которые, пройдя по немецким тылам и собравшись в кулак, устилая своими и чужими трупами поля Подмосковья, рвали всю эту ночь, весь следующий день и половину следующей ночи немецкое кольцо и в конце концов, потеряв половину людей, все-таки прорвали его.

Они совершили это чудо малым огнем, большой кровью и мужеством, которому нет названия, но когда они пробились, их не отправили отдыхать и пополняться, а оставили там, куда они вышли.

Передовая, все отодвигаясь и отодвигаясь к Москве, в эти дни то тут, то там рвалась под ударами немцев. И одну из этих дыр сразу же заткнули только что вышедшими из окружения частями, наскоро подбросив им продовольствие, несколько артиллерийских батарей и запас патронов к винтовкам и пулеметам.

Вечером того же дня, когда они вырвались из окружения, эти люди снова дрались, но теперь уже не фронтом на восток, а фронтом на запад, и Москва была не перед ними, а за ними, и у них было немного артиллерии и соседи справа и слева. И, несмотря на превосходившую всякие человеческие силы усталость, они были рады этому.

Но Золотарев чувствовал себя несчастным и хотя он был человек маленький, всего-навсего рядовой сверхсрочной службы, но все-таки на второе утро после выхода из окружения он доказал, что ему нужно явиться к командиру танковой бригады подполковнику Климовичу.

Климович только что, по чистой случайности выскочив невредимым из-под сплошного обстрела, вернулся с наблюдательного пункта на командный и стоял у исковерканного снарядами здания сельской школы. Сняв шлем, он с заметным удовольствием, словно под душ, подставлял свою круглую бритую голову под сыпавшийся из облаков осенний дождик.

— Таких дождей неделю — смотришь, и дороги размыло. Всем плохо, но немцам хуже,— говорил он стоявшему рядом с ним капитану-танкисту, косясь на подошедшего Золотарева.

— Что у вас?

Золотарев доложил коротко, самую суть. Он знал, что командиру бригады недосуг долго с ним разговаривать, и поэтому заранее приготовился. Но Климович слушал его, не выражая нетерпения.

Он перебил только раз, когда Золотарев сказал, что, как он слышал от политрука, тот был знаком с товарищем подполковником.

— Про знакомство — это пустое! — прервал его Климович.— И за знакомых и за незнакомых, не разбирая, тысячи людей каждый день головы кладут. Какие на войне знакомства?!

И была в его голосе горечь человека, на глазах которого погибло столько хороших людей, что он уже не может сожалеть о ком-то больше, чем о других, не из бесчувствия, а из справедливости.

И еще сказал он, когда Золотарев кончил говорить и вынул из гимнастерки документы Синцова:

— Что, совесть мучает, что не вернулись за ним?

— Да,— сказал Золотарев.

— А уходили — думали, вернетесь?

— Да.

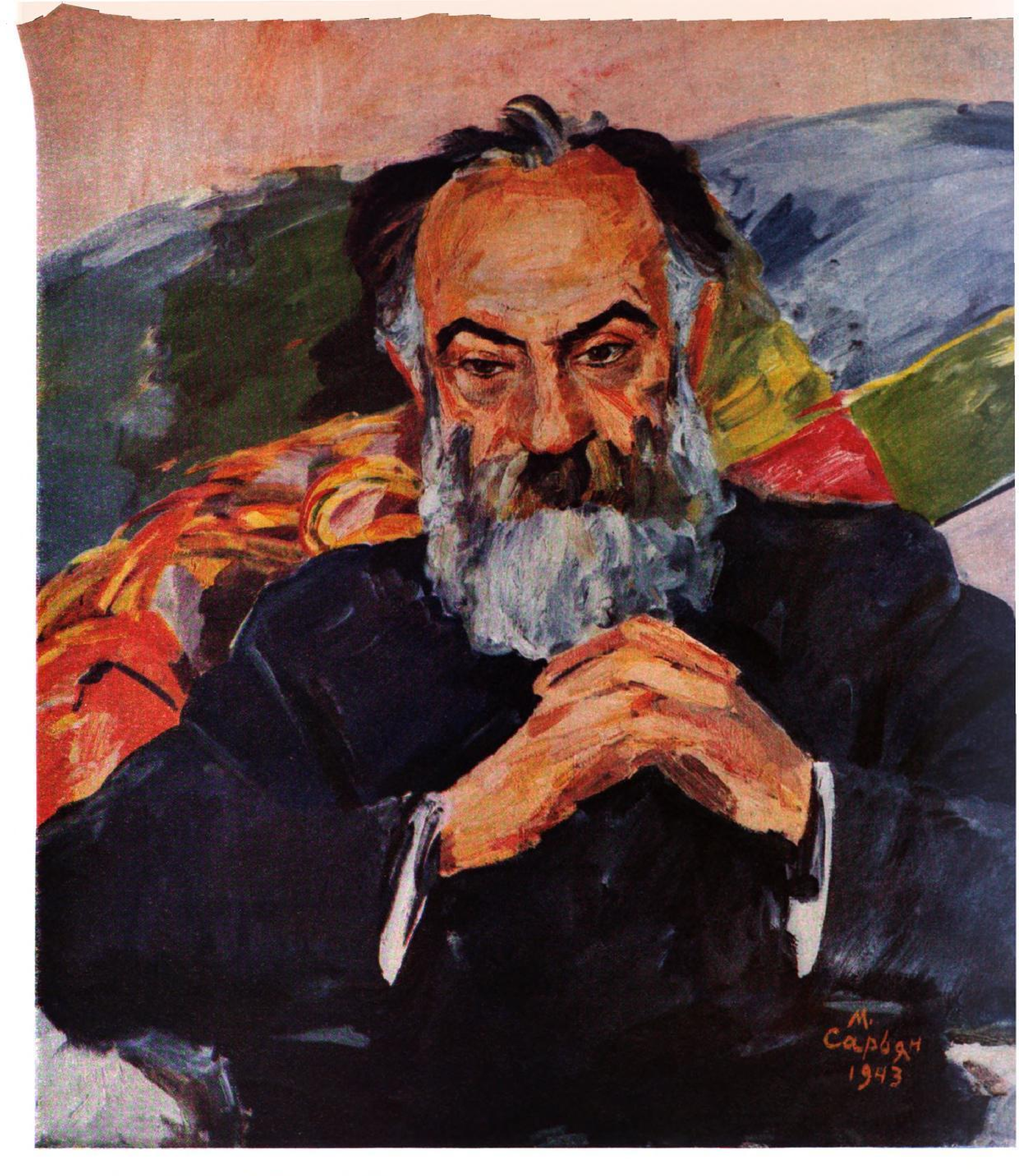
— Ну и не переживайте. Хотели сделать, как лучше, а вышло, как война приказала! Бывает так, что и бог не угадает! — сказал он и скрипнул зубами, потому что вспомнил в эту минуту, что, не реши он сам сделать, как лучше, не отправь семью из Слонима в Слуцк машиной, они не попали бы под бомбу, а уехали бы через шесть часов поездом и были бы живы, как многие другие семьи.

— Давайте! — кивнул он на документы.

И, взяв из рук Золотарева партийный билет Синцова, открыв его и увидев там давно снятое, совсем молодое лицо, вдруг напомнившее ему их общую юность, сердито хмыкнул, чтобы не выразить никому не нужных сейчас чувств, и сказал, передавая документы стоявшему рядом капитану:

— Положи, Иванов, где наши лежат.

Он не пояснил при этом, что имел в виду. Это было понятно им обоим: в кочевавший с ними с начала войны железный ящик, как в братскую могилу, все время, пока они пробивались из окружения, один за другим ложились документы всех, кто складывал головы в бою...

М. С. Сарьян. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. А. ОРБЕЛИ. 1943 год.

М. С. Сарьян. КОЛХОЗ СЕЛА КАРИНДЖ В ГОРАХ ТУМАНЯНА. 1952 год.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

МЫ НЕ УЗНА́ЕМ МОСКОВСКИХ ВОКЗАЛОВ

В кабинете института «Мосгипротранс», занимая почти целиком стену, висит карта-схема. Она похожа на гигантскую паутину, сотканную из множества толстых и тоненьких нитей. Мне, человеку непосвященному, разобраться в ней невозможно. Но вот к схеме подходит кандидат технических наук Иван Ефимович Савченко. Под его указкой черные, синие, красные линии вдруг оживают и превращаются в мощные стальные магистрали. По рельсам весело перестукивают колесами зеленые «электрички», проносятся длинные товарные составы, мчатся в дальние края пассажирские поезда. И все эти стальные пути встречаются в кольце, именуемом на схеме «Москва». Пути скрещиваются, переплетаются и снова расходятся в разные стороны, образуя сложный Московский железнодорожный узел.

— Назову несколько цифр,— говорит Иван Ефимович.— Семьсот девяносто три тысячи пассажиров отправляются ежедневно из Москвы по железной дороге. Сто пятьдесят дальних и тысяча двести девяносто шесть пригородных поездов прибывают за сутки к платформам московских вокзалов. Объем пассажирских перевозок будет расти. К 1970 году он увеличится почти вдвое. И потому принято решение реконструировать Московский узел.

Иван Ефимович, главный инженер генеральной схемы проекта этой реконструкции, раскладывает чертежи.

— Будут сохранены существующие московские вокзалы. Но их необходимо разгрузить. Для этого предполагается построить в Юго-Западном районе еще один вокзал и часть дальних поездов пропускать в объезд, сквозными путями.

Разгрузить вокзалы поможет также сеть пересадочных пунктов. Один такой уже имеется. Это станция Электрозаводская. Здесь линия метро подходит прямо к железной дороге, и многие пассажиры, не доезжая до московского вокзала, выходят на Электрозаводской, пересаживаются в метро и едут в нужном направлении по городу. К концу семилетки радиусы метро будут продлены, и тогда возможно будет создать новые пересадочные пункты на станциях «Серп и молот», Новая, Фили, Рабочий поселок, Ленинградская.

Для того, чтобы увеличить количество пригородных поездов, проложат дополнительные пути на участках Москва — Лосиноостровская, Мытищи — Пушкино, Болшево — Щелково, Москва — Новоиерусалимская, Москва — Крюково, Москва — Апрелевка.

Предполагается проложить дополнительные пути по кольцу Московско-Окружной дороги, пропускать там пассажирские электропоезда с интервалом 2—3 минуты. Они будут обслуживать москвичей подобно линиям метрополитена.

Генеральная схема предусматривает также реконструкцию старых московских вокзалов.

Выйдем на Комсомольскую площадь и посмотрим туда, где между Ленинградским и Ярославским вокзалами втиснулся наземный павильон станции метро. В двух узких проходах во все стороны движутся людские потоки. Тесно! Слишком мала площадь! И потому одна из главных задач реконструкции Ленинградского и Ярославского вокзалов — упорядочить здесь движение пассажиров.

Есть такое слово — «развязка». Архитекторы им обозначают: распределить, перестроить, облегчить, сделать удобным. В проектном задании так и сказано: «осуществить развязку пассажиропотоков».

Развязка эта будет осуществлена, как говорят специалисты, в двух уровнях. Все пассажиры, уезжающие из Москвы, пойдут к своим поездам поверху, по земле, а все прибывшие в Москву прямо с платформ будут спускаться в тоннели и пройдут в город или в метро.

Проект пассажирского зала на Павелецком вокзале.

Между путями Ленинградского и Ярославского вокзалов пока еще громоздятся за забором неопределенного цвета фанерные палатки, бараки, старые строения. Но скоро все это снесут и на этом месте соорудят новое четырехэтажное здание. В одном его крыле разместится пригородный вокзал Октябрьской железной дороги, а в другом — центральное бюро продажи и заказа билетов.

Над зданием Курского вокзала поднимется еще один этаж. При этом сохранится старая архитектура вокзала. На второй этаж, в зал ожидания, вмещающий около пяти тысяч человек, пассажиры будут подниматься по эскалаторам, а спускаться к поездам по переходным мостикам и пандусам.

Уже начаты работы по реконструкции Павелецкого вокзала.

Первая очередь реконструкции Московского железнодорожного узла завершится к 1965 году.

Л. ГОРОХОВСКАЯ.

СЕМЬ ДНЕЙ в ателье

Я. МИЛЕЦКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

День первый уходит на поиски

В руках у меня старые брюки, и я брожу по Белгороду в поисках мастерской, где бы их отремонтировать. Старые брюки нужно сузить, как того требует мода...

Прогулка по Белгороду очень приятна. На месте послевоенных развалин вырос большой, красивый город, с широкими улицами, залитыми асфальтом, и светлыми, многоэтажными домами.

В ателье на улице Богдана Хмельницкого не пришлось даже разворачивать сверток. Услыхав о старых брюках, девица сморщила лобик и, не поднимая глаз, процедила сквозь зубы:

— Не принимаем!

— У меня небольшой ремонт, я подождал бы..— пытаюсь урезонить приемщицу.

— Не принимаем, по-русски, кажется, сказала! — Она подняла глаза и, видимо, смутившись, продолжала спокойнее: — Мы ателье первого разряда. Первого! Ремонта не принимаем!

Стоявшая рядом женщина — она тоже развернула уже свой сверток, откуда виднелась грубошерстная материя на пальто,— услышав слова «первого разряда», спросила неуверенно:

— А пальто из этого материала сшить можно?

— Из дешевого материала не шьем! Почем платили?

— По сто десять...

— Нет, не возьмем! У нас шитье дорого стоит! Первый разряд!

Мы вышли вместе и вдвоем продолжали поиски. В следующей мастерской — военторга — у женщины взяли ее пальто, а мне отказали уже под другим предлогом:

— Быстро сделать не сможем... Перегружены!

И еще одно ателье — на улице Фрунзе. Высокий, светлый зал, дорогие бархатные портьеры, ковры, мягкая мебель. Услыхав о ремонте старых брюк, приемщица взглянула на меня укоризненно:

— Мы же ателье первого разряда, гражданин!

А стоявший рядом мужчина, по всей видимости, закройщик, улыбаясь, добавил:

— Мы художники!..

— А как же быть со старыми брюками?

— Для этого есть мастерская «Индпошива» на улице Попова.

— Единственная на весь город?

— Там примут, я думаю...

Стало ясно. Белгород чрезмерно богат «художниками» и перворазрядными ателье... Вняв совету, я очутился в скромной мастерской, которая носит такое несуразное название — «Индпошив». Тут уж нет зеркальных витрин и шикарных салонов, хотя бархатные портьеры как непременный атрибут и здесь украшают примерочные кабины.

Пришлось постоять в очереди. От нечего делать изучаю прейскурант, занимающий добрую часть стены. Тут же — объявление. Оно гласит:

«Уважаемые граждане! Мастерские Белгородской артели «Индпошив» принимают в неограниченном количестве заказы на пошивку и ремонт верхней мужской, женской и детской одежды...»

«...Граждане! Просим учесть, что особенно выгодно для населения сдавать в реставрацию старую одежду. Это не приведет к большим расходам, но вы сможете продлить срок службы своей вещи и иметь, по существу, новое пальто или костюм. Сдавайте свои вещи в реставрацию!»

«...Вы можете обновить и почистить пальто, костюм, платье, перекрасить их в другой цвет».

«Граждане! Экономьте свое время, пользуйтесь услугами мастерских бытового обслуживания Белгородской артели «Индпошив».

Хотя очередь была и небольшая, но призыв экономить время звучал иронически...

Мои брюки наконец приняли в ремонт, правда, с тем условием, что готовы они будут только через неделю.

Но дело не в этом. Я наконец нашел мастерскую, которую искал, чтобы выполнить задание редакции.

Узнав о моих намерениях — поработать в ателье 7 дней,— председатель артели Антонина Георгиевна Ратникова сказала, прощаясь:

— Завтра приходите к началу работы...

День второй. Белгородцы любят одеваться

На двери висело объявление о том, что мастерская открыта с 12 часов до 19 часов, с перерывом на обед с 15 часов до 16 часов.

К открытию мастерской у дверей собралось немало людей со свертками. Они выражали явное недовольство:

— Чего это выдумали начинать работу в полдень? — слышались возмущенные голоса.

Позднее я прочитал запись в книге жалоб:

«Для кого установлены такие часы работы? Рабочим и служащим они не подходят!»

Запись эта сделана давно. Ратникова с ней согласна.

— Мы переменим часы работы,— говорит она.— Завтра приходите к девяти утра.

— Устроит ли это заказчиков? Ведь люди работают и в это время.

Рисунки Ю. Черепанова.

Б. Я. Букреев с правнуками Алешей, Аленой и Наташей. Фото Н. Козловского.

100 ЛЕТ

Борису Яковлевичу Букрееву, заслуженному деятелю наук УССР, профессору Киевского университета имени Т. Г. Шевченко, заведующему кафедрой геометрии, 6 сентября исполняется 100 лет.

Празднование этой замечательной даты совпадает со 125-летним юбилеем Киевского университета, с которым связана вся сознательная жизнь большого ученого.

С 1877 года Букреев учился в Киевском университете, окончил его с золотой медалью и, получив заграничную командировку, работал в Берлине, готовясь к профессорскому званию. Его диссертация о фуксовых функциях получила высокую оценку нашей соотечественницы — замечательного математика Софьи Васильевны Ковалевской.

Вернувшись в Россию, тридцатилетний ученый защитил диссертацию и получил кафедру геометрии в родном университете. Здесь Борис Яковлевич наряду с преподаванием много внимания уделял разработке идей неэвклидовой геометрии Лобачевского. Букреев воспитал целую плеяду талантливых советских математиков.

Борис Яковлевич организовал при университете кабинет геометрических моделей; целый ряд новых моделей был сконструирован студентами, аспирантами под его руководством. Во время немецкой оккупации это любимое детище профессора было уничтожено. И снова, с молодой энергией взявшись за организацию кабинета, он сумел восстановить его для студентов.

Сейчас Борис Яковлевич готовит к печати третье издание своего учебника «Планиметрия Лобачевского в аналитическом изложении» и пишет мемуары. Ведь 100 лет не малый срок! Есть что вспомнить, и есть что рассказать.

Большую радость ученому доставила медаль Эйлера, которую прислало ему Московское математическое общество, почетным членом которого он состоит.

Борис Яковлевич — счастливый отец, дед и прадед. Его младшей правнучке исполнился год. «Подумайте, 99 лет разница», — говорит он, лаская правнучку Аленушку. Старший правнук его, Алеша Толпыго, шестиклассник, унаследовал математические способности прадеда и имеет разряд по шахматам. Борис Яковлевич с удовольствием задает ему замысловатые задачи.

Пожелаем от всей души дорогому Борису Яковлевичу доброго здоровья и второго столетия прекрасной, творческой жизни, которую он отдает развитию родной науки.

Надежда ПАВЛОВИЧ

Переписка с дядей

В девятом номере вашего журнала за 1958 год была опубликована статья «Вязниковские герои». Автор этой статьи назвал наши Вязники «городом героев».

У меня в США живет дядя (выехал туда еще в 1911 году). Я послал ему этот номер журнала: ведь приятно почитать о своих земляках!

Он получил журнал, статья ему понравилась, и дядя решил «проверить», известен ли в действительности наш город, как его описали в журнале. И послал свое письмо по адресу «Город Героев (Влад. обл.)». В письме дядя пишет: если бы такой городок героев был бы в США, то почта доставила бы такое письмо с необычным адресом. А вот дойдет ли до нас его письмо, он не уверен...

Нас разыскали, конечно, без всякого труда. Письмо в «Город Героев» дошло из США быстро, как и всякое другое.

Я, конечно, уже сообщил дяде, что письмо его получено.

Мне же хочется в этой связи напомнить о другом письме с необычным адресом. Я читал о нем в «Огоньке»: пионеры послали в США письмо и на конверте написали «Полю Робсону». Думается, что такого адресата в США найти нетрудно. А между тем письмо вернулось «за ненахождением адресата».

Вот вам история двух писем, не требующая, как говорится, комментариев.

Вот вам и ответ на вопрос, в какой стране по-настоящему уважают знатного человека.

Донат ОБИДИН,
преподаватель немецкого языка
г. Вязники.

— Подумаем. Изменим...

Между тем рабочий день начался. Посетители листали журналы мод, закройщики снимали мерки, а приемщица заполняла под копирку три экземпляра квитанций.

Белгородцы любят одеваться, особенно женщины. Они выкладывали на стол красивые материи на платья, добротные драпы на пальто. В этот день было три закройщика, и всем хватало дел — только поворачивайся! Закройщики и мастера трудятся в две смены. Первая начинает в семь утра, а вторая заканчивает только в полночь.

Белгородцы приносят в одну только эту мастерскую более двух с половиной миллионов рублей в год: им шьют здесь свыше десяти тысяч платьев, много тысяч пальто, костюмов, блузок, брюк.

Вот и сейчас приемщица выписала квитанции на пять платьев и на три пальто, хотя прошло немногим больше часа с момента открытия ателье.

— Давайте скорей квитанцию! — торопит ее девушка в косынке и рабочем комбинезоне.— Я с работы отпросилась. Сколько платить?

— Уплата при получении заказа,— отвечает приемщица.

— Это справедливо,— удовлетворенно басит мужчина с густыми седыми усами.— Сошьют, тогда и деньги плати. А то все вперед требуют...

— Есть ли у нас серые пуговицы для пальто? — слышится голос закройщицы Зинаиды Филипповны Ходневич.

— Серых нет,— отвечает приемщица.

Да, бедноват ассортимент в ателье! Заказчики то и дело выражают недовольство отсутствием подкладки нужного цвета или отделки для платьев. Скуден и выбор материи для пальто, костюмов и платьев.

Председатель артели Ратникова и с этим согласна.

— Вы правы,— говорит она,— но нам не дают ни пуговиц, ни приклада, ни материи. Мы артель промысловой кооперации, и местные торговые организации нас не снабжают...

Но заказчикам нет дела до того, чья эта артель и кто ее снабжает, и они уходят недовольные.

Между тем число заказов росло. К концу дня их было уже тридцать два. Говорят, что это не так много: перед праздниками доходит порой и до сотни...

День третий. Размышления о моде

Я внимательно присматриваюсь к тому, как одеты белгородцы. Мне показалось, что женщины одеваются с бо́льшим вкусом, чем мужчины. Идет, скажем, по улице белгородская девушка, и ничем не отличишь ее от московской модницы. А недавно, рассказывают, в местном городском саду состоялся «белый бал». Пропуск туда необычный — белое платье. Вот какие в Белгороде франтихи!

Мужчины, особенно молодые, тоже не прочь щегольнуть обновами. Только франтовство у них свое, белгородское. Нигде не видал я таких широких брюк, как в Белгороде. Вероятно, шаровары Тараса Бульбы были поуже. Идет парень в таких брюках-колоколах и переваливается с ноги на ногу, ботинок не видать. Рубашка у него модная — в клетку. На голове кепка тоже «белгородской моды» — маленькая, едва закрывающая макушку и с пуговкой посередине. Это хорошие рабочие парни, только представление о красивом у них, видимо, превратное. А пытался ли кто-нибудь привить им хороший вкус?

И вот сегодня я присматриваюсь к тому, как шьют в нашей мастерской. Является ли она рассадником изящного, красивого и удобного? Вместе с закройщиком Анатолием Татаренко мы принимаем заказы, снимаем мерки.

Пришел слесарь с мясокомбината, принес материал на летний костюм. Татаренко предпочитает шить двубортные, он уже привык к этому фасону, и слесарь легко соглашается с ним. Все идет гладко, пока дело не доходит до ширины брюк.

— Тридцать семь,— твердо заявляет слесарь.

— Тридцать два,— уговаривает его Татаренко,— хватит!

— Для вашей фигуры двадцать пять в самый раз,— вмешивается приемщица.

— Тридцать семь! — стоит на своем заказчик.— Иначе скажут, что я стиляга.

— Тридцать семь — это и есть стиляга,— возражает Татаренко.— Во всем требуется чувство меры...

Слесарь как бы невзначай бросает взгляд на брюки закройщика. Они тоже широки.

— А у вас сколько?— торжествующе спрашивает он.

— Не больше чем тридцать два...— Татаренко смущен.

— Давай тридцать семь! Окончательно!

Вот пришли на примерку костюмов и другие заказчики. Они не особенно требовательны, и это, пожалуй, спасало портных. Нет, костюмы не испорчены, они сидят прилично, но похожи один на другой как две капли воды, и даже недостатки у них одинаковые.

Так сдали мы вместе с Татаренко костюмы из дорогого бостона и легкой чесучи, из голубого трико и темной дешевой ткани. Они были пошиты «по-белгородски» — с брюками под Тараса Бульбу.

Труднее разобраться в женских нарядах. Платья, которые получали заказчицы, не были однообразны, однако фасон роднил их друг с другом. Создалось впечатление, что закройщики шьют, не раздумывая, шьют то, что им уже знакомо и что многократно было пошито. Я подумал о том, что первым трем буквам названия артели — «ИНД» — не уделяется достаточно внимания...

Поэтому было приятно услышать такой разговор.

— Какой фасон платья вы хотите? — спросила молодую девушку-студентку закройщица Панна Яковлевна Федорова, держа в руке цветастый шелк.

— А вы посоветуйте мне... Что теперь модно? Что мне пойдет?

Панна Яковлевна развернула журнал, стала рисовать на листе бумаги — они долго и тщательно выбирали фасон.

День четвертый. Разговор о ценах

Утром полная седовласая женщина принесла в ремонт платье. Приемщица вынула из ящика стола книжку, начала ее листать и щелкать на счетах.

— Семнадцать девяносто,— подвела она итог.

— Что вы, любая портниха за десятку сделает! — возразила женщина, сложила платье и ушла.

Следующим сдавал в ремонт костюм высокий, средних лет мужчина. Приемщица опять долго перебирала страницы книжки, усиленно щелкала на счетах, пока не

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Рыска преследует медведя

Много интересных историй можно рассказать об «экспонатах» Выставки служебного и охотничьего собаководства, которая организована на территории ВДНХ.

...Не один охотник завидовал хозяину Рыски, слыша ее веселый, звонкий лай в лесу. Охотник Р. Е. Сухов с ее помощью за последний год добыл в ленинградских лесах 600 белок, 4 куниц, 8 хорей и норок, 20 тетеревов, рябчиков и даже медведя...

Как-то Сухов, собирая в лесу Осьминского района чернику, услышал неистовый лай Рыски. Когда подбежал, увидел, что собака носится вокруг дерева, на котором что-то чернело. «Рысь», — подумал Сухов и поднял ружье. Но в это время черный ком рухнул вниз и стремглав кинулся бежать, собака за ним. Тут охотник увидел, что это медведь. Километра полтора бежал за ними Сухов, пока не нашел медведя в овраге, где Рыска буквально прижала его к бурелому. Здесь и прогремел выстрел.

...Работник заводской охраны М. Баленков шел осенней ночью по окраине Ленинграда. На поводке бежала восточноевропейская овчарка Одер. Шумел ветер, моросил дождь, темень — хоть глаз выколи. Неожиданно собака резко потянула вожатого в сторону — к кустам. При свете карманного фонаря он увидел какое-то тряпье, а собака все звала дальше. Через несколько сот метров в канаве нашли притаившегося человека... Так в темную осеннюю ночь Одер задержал опасного врага.

...Грозой расхитителей государственного добра слывет восточноевропейская овчарка Зурга. Как-то Зурга остановила своего вожатого Р. Анджана вблизи от заводского забора. Приглядевшись, он нашел десяток замаскированных автопокрышек.

Вызвать караул — можно спугнуть воров. Анджан решил поймать расхитителей с помощью Зурги. Легли в засаду. Перед рассветом появились воры. Зурга собралась в комок, готовая кинуться. Взяв покрышки, два человека подошли к забору, чтоб перебросить их спекулянтам, которые ждали по другую сторону. И здесь вихрем налетела Зурга. Расхитители были пойманы.

Не одно задержание числится в учетных карточках и других овчарок: Арго, Амура, Искры.

М. МАКАРОВ
Фото М. Яковлева.

В 1915 году и «только что»...

Еще один горьковский фильм выходит на экраны — инсценировка романа «Фома Гордеев». Картину поставил М. Донской, снимала Маргарита Пилихина, выпускница Всесоюзного института кинематографии.

Недавно в московском кинотеатре Повторного фильма она встретилась с одним из первых русских операторов, Иваном Сергеевичем Фроловым. В этот день демонстрировали снятый им тридцать пять лет назад фильм «Дворец и крепость» по сценарию О. Форш и П. Щеголева.

Ветеран кино, снимавший Льва Николаевича Толстого, запечатлевший для экрана Горького, Шаляпина, Короленко, Станиславского, заинтересовался работами молодого оператора.

И. С. Фролов и М. М. Пилихина. Фото автора

— Я снимала инсценировку романа Катаева «За власть Советов»,— сказала М. Пилихина.

— Мне тоже довелось снимать фильм под таким названием,— заметил Фролов.— Это было сорок лет назад в Петрограде.

М. Пилихина перечисляет снятые ею фильмы: «Двое из одного квартала», «Ночной патруль», «Человек с планеты Земля».

— На днях я вернулась из города Горького, закончив там съемки фильма «Фома Гордеев».

— Вас еще не было на свете, Маргарита Михайловна, когда я снимал в Нижнем Новгороде фильм «Фома Гордеев».

И старый оператор рассказал, как это было.

...В 1915 году частная московская фирма «Кинолента» поручила режиссеру А. Чаргонину выехать с группой актеров в Нижний Новгород, чтобы снять три фильма. Приказано было сделать их поскорее. Шла война, возникли затруднения с доставкой заграничных картин, не хватало лент для проката.

Экранизация популярного романа Горького «Фома Гордеев» обещала владельцам ателье выгоду. Они приступили к съемкам, не спросив на это разрешения у автора. Снимали, почти не репетируя. Работа шла к завершению, когда по протесту А. М. Горького выпуск «Фомы Гордеева» был запрещен. Однако вскоре после Февральской революции фильм вышел на экран, правда, под другим названием.

Встреча двух операторов, снимавших в разное время, в разные эпохи «Фому Гордеева», завершилась просмотром на студии имени Горького нового фильма.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

насчитала тридцать восемь восемьдесят.

— А за что же так много?— поинтересовался мужчина.

Приемщица зашелестела страницами. На них мелким шрифтом были напечатаны цены на ремонтно-пошивочные работы, утвержденные Курским облисполкомом еще в 1952 году, когда Белгород входил в состав этой области. В книжке — более двухсот параграфов. Разобраться в них нелегко.

— Запутаешься в этих параграфах! — призналась приемщица.— Порой сама не знаешь, что писать. Много насчитаешь — заказчик недоволен, мало насчитаешь — закройщик и мастер ругаются: они ведь у нас на сдельщине, все зависит от стоимости заказа...

В мастерскую входит молодая девушка.

— Сколько стоит пошить платье вот из этого материала?

— Сто два рубля.

— Но ведь ткань-то дешевая! Сто два я платила за платье из дорогой шерсти...

— Цена одна...

— А за пальто?

— Тоже одна цена, хоть бы драп по пятьсот стоил, хоть бы по сто...

В обеденный перерыв мы просмотрели квитанции, выписанные за день. Оказалось, что все костюмы и платья приняты по цене третьей (самой дорогой) сложности.

— Разве все фасоны так сложны? И никто не захотел простого фасона, шитье которого стоит дешевле? — спросил я.

— Кто их знает! — призналась приемщица.— Мы принимаем у всех по третьей сложности. Иначе закройщик обидится: я вам говорила, что он на сдельщине. — Она заторопилась: пора обедать!

В обед зашел разговор о платье столичной актрисы, выступавшей в местном театре. Выяснилось, что никто из здешних портных и портних не смог бы пошить такое.

А почему? И, словно отвечая на этот никем не заданный вопрос, закройщица Ходневич говорит:

— Кто нас учит? Журналы мод, и те с трудом достаем. А я вот семь лет из Белгорода никуда не выезжала. Какой уж тут обмен опытом, какое повышение квалификации...

День пятый. Знакомство с Шурой и Леней

Когда приемщица стучит кулаком в стену, это значит, что заказчик требует «химчистку». Тогда выходит Шура и застенчиво смотрит на пришедшего.

— Можно покрасить? — спрашивает молодой человек, показывая костюм.

— В какой цвет?

— В коричневый.

— Не можем...

— Почему?

— Мы красим только в черный цвет. Других красок у нас нет...

— В черный?! Жаль... Город называется Белым, а красят в черное... Нехорошо!

Шура улыбается. Что может она сделать? Красок нет. Эфир и винный спирт приходится покупать в соседней аптеке. Даже химикатов для чистки не присылают. Конечно, заказчики недовольны. Но чем виновата она? Разве этому ее учили в техникуме?!

Позже мы познакомились с Леней — мастером головных уборов. Весь его стол завален кепками, точно такими, какие носят белгородские стиляги: блин с пуговкой посередине. Эти кепи делают здесь не на заказ, а для продажи в магазине. Дело в том, что Леня с его столом относится к цеху массового шитья. Цех шьет то брюки, то трусы, то пижамы — по заказу различных организаций. Непонятно, почему к ателье присоединили этот «массовый цех», отрывающий его работников от главного дела — обслуживания белгородцев.

Леня и его помощники делают в год более пяти тысяч кепок: вот где они, истоки «белгородского» стиля!

День шестой. Некоторые подсчеты

Сегодня суббота — день короткий. Мы не хотим отставать от других предприятий и тоже кончаем работу на два часа раньше.

Неделя была напряженной — план будет выполнен. Крупных недоразумений, пожалуй, не было, а мелкие устранялись полюбовно. Но все же... Заказчики, придя на примерку, возмущались, узнав, что их закройщик работает в другую смену: «Почему нас не предупредили об этом?» Кое-кто роптал, что приходится долго ждать примерки. Бурчали и закройщики, что они, дескать, как «прислуга за все»: «должны шить новое и латать старое»...

Тем не менее за неделю пошили более ста платьев, десятки костюмов и пальто.

К закрытию мастерской все расстроились. В чем дело? Кто-то пришел из перворазрядного ателье Белгородского торга и рассказал, что туда навезли много тканей. Чуть ли не восемнадцать образцов для платьев, двадцать пять — для модных женских пальто, несколько десятков — для мужских костюмов. Ателье получило меховые воротники из цигейки, каракуля и песцов — словом, то, о чем артель может только мечтать...

Новость испортила настроение: «А нам что же? Ничего не дали».

И хочется заступиться за эту небольшую швейную мастерскую, обслуживающую намного больше заказчиков, чем два шикарных ателье, широко раскинувшихся в домах-новостройках. Снабжают мастерскую из рук вон плохо, а клиентов у нее куда больше!

Говорят, что руководители горсовета ни разу не бывали в мастерской, хотя она и помещается почти против здания горсовета. Правда, вспоминают, что когда-то один из руководящих работников горсовета заглянул сюда: он посадил пятно на пиджак и просил вывести. Бедной Шуре, рассказывают, это не удалось, и заказчик ушел сердитый...

День седьмой. У закрытой двери

Хотя я и знал, что ателье закрыто в воскресенье, но не мог примириться с такими порядками. И в виде протеста к девяти утра пошел на работу.

Дверь, как и следовало ожидать, была на замке. Кое-кто подходил к ней, пробовал открыть и удивленно пожимал плечами.

— Неужели выходной?..

Старожилы говорили новичкам:

— И не ждите! Выходной!..

В течение часа десятки белгородцев напрасно стучались в закрытые двери...

СОВЕТСКИЕ АЛЬПИНИСТЫ НА МОНБЛАНЕ

А. ШАРУНИН, мастер спорта

Фото автора.

...Третий день бушует пурга над Альпами, и третий день альпинисты, застигнутые снежной бурей, не могут выйти на штурм Монблана.

Нас пятеро: Борис Бочаров, старший инженер Мосгипротранса, Владимир Углов, студент МИИТа, Валентин Вершинин, старший инженер Мостотреста, Алексей Высотский, заместитель начальника дистанции связи, и автор этих строк, научный работник,— советские альпинисты спортивного общества «Локомотив». Нам первым из советских альпинистов выпала честь штурмовать знаменитую гору Монблан, вершину Альп, белоснежная голова которой высится на уровне 4 810 метров.

Вынужденные отсиживаться в хижине Де-Гуте, мы все же ходили в разведку маршрута до высоты 4 300 метров. Затем, вернувшись, взяли ледорубы и вышли на вырубку льда под площадку для нового высокогорного дома.

Увлеченные нашим примером, в «советском субботнике» на Монблане, как в шутку мы назвали нашу работу, приняли участие альпинисты других стран.

Отовсюду слышались одобрительные возгласы: «Москва, советик— карашо!»

Только поздно вечером, когда вновь разразилась гроза, работы были прекращены.

...Каждый из нас запомнил вечер перед штурмом Монблана. Белые облака скрыли от нас вершины гор. Вместе с французскими альпинистами Люсьеном Кайо, Анри Буше, Жаном Луи и Ги Пеллат мы уточняем маршрут.

Два часа ночи 6 августа. Тихая безлунная ночь. Все встали. В хижине и вокруг нее — приглушенный говор на разных языках, звон крючьев, потрескивание льда под кошками.

Наша группа первой выходит на штурм. Не прошли мы и часа, как вновь задул ветер, замела поземка. С каждой минутой ветер усиливался, снежные смерчи заплясали по склонам.

Прикрывая лицо руками, смутно различая спину впереди идущего товарища, мы медленно продвигаемся вперед.

Не покидают тревожные мысли: «Неужели придется возвращаться, так и не совершив восхождения на Монблан?..»

Тяжело ступая навстречу ветру, движемся к хижине Валлот, расположенной на скальной гряде. Она стоит на высоте 4 362 метра. Путь тяжел. Но вот пришли. В хижине быстро отвязываем кошки, снимаем ботинки и оттираем замерзшие ноги.

Наши французские друзья предлагают оставить рюкзаки и налегке совершить восхождение.

«Погода нет карашо»,— говорят они, показывая в окно. Рваные темные тучи проносятся мимо нас, скрывая вершину. Предлагаем ранее принятый вариант: после штурма вершины совершить прохождение всего массива Монблана. Это труднее, но зато много интереснее.

Надеваем на себя все теплые вещи: свитеры, шерстяные костюмы, по две пары рукавиц. Пьем горячий кофе и, связавшись веревками, стуча кошками по железным ступенькам, покидаем теплую хижину.

В снежном мареве восходит солнце.

Анри Буше останавливается и, вынув из коробки киноаппарат, снимает подъем альпинистов. Внезапный порыв ветра вырывает у него из-под ног футляр, далеко в сторону отбрасывает кинопленку, объектив, экспонометр, и с нарастающей скоростью все это летит в пропасть.

Наши друзья опечалены: ведь теперь они не смогут сделать фильм о восхождении первых советских альпинистов на Монблан.

Мы как можем успокаиваем их: «Ну, ничего, друзья, отложим съемку до следующего восхождения на Монблан!»

Солнце медленно поднимается над горизонтом, скупо освещая предвершинный острый гребень Монблана.

Все ближе вершины, и все тише становится ветер.

И вот вершина!

Ярко блеснули из-за туч лучи солнца, словно награждая светом и теплом советских и французских альпинистов за их дружбу и волю к победе.

Мы обнимали и крепко жали руки нашим друзьям-альпинистам.

Через несколько часов, благополучно завершив траверс массива Монблана, вся наша группа спустилась в долину.

Мы уезжали на Родину с чувством благодарности ко всем, кто сделал наше пребывание во Франции таким хорошим и интересным.

Нас тепло встречали не только товарищи по спорту, но и другие простые французские люди.

Всюду мы чувствовали большую симпатию и уважение к нашей великой Родине, к нашему народу. Это воодушевляло нас и решило успех всех наших восхождений в Альпах.

Монблан.

← На трудном участке.

Последние метры.

Советские и французские альпинисты на вершине Монблана.

Писатели и книги

Погожий день

Нехитрый сюжет романа В. Тевекеляна «За Москвою-рекой» покоряет глубоким знанием людей, которые предстают в нем. Книга написана человеком, который сам руководил текстильным комбинатом, подробно изучил его процессы, был близким другом работавших на нем людей.

Сложная борьба честного, горячего директора комбината Власова с вялым, помятым жизнью начальником треста Толстяковым воспринимается в романе как наше недавнее прошлое, когда наступало время перестраивать промышленность и предоставить широкую возможность местной инициативе. Художественный анализ опыта человеческой жизни, самоотверженного труда, борьбы с противниками прогресса, данный в лицах, в исследовании психологии и человеческих судеб,— вот что составляет смысл романа.

Читатель узнает в лицо и тех, кто мешал бурному прогрессивному движению. Он увидит Толстяковых, которым еще удается на некоторое время удержаться. Но советская правда берет свое. «Люди хотят дерзать, идти вперед, а вы и вам подобные путаются у них под ногами, мешают всему передовому, ревнуют!.. Поверьте моему слову: ваши дни сочтены!» — говорит «всесильному» начальнику главка снятый с работы Власов. И как может быть иначе, если на стороне Власова народ, рабочие, инженеры, старые, кадровые текстильщики, те, кто помнит еще баррикады на Пресне, такие, как Степанов, Ненашев, Антохин! Рабочая честь, гордость и совесть для них не слова. Проблема нравственного облика современного рабочего, таким образом, стала одной из важнейших в романе.

Но это — старшее поколение. А какова молодежь? Сергей Полетов, Милочка и Леонид Косаревы, Наташа Никитина — на них надежда и упование Степановых и Антохиных.

Занявшись судьбой Леонида, пасынка Толстякова, писатель коснулся сюжета крайне драматического; ждешь, что автор начнет сейчас развязывать сложный узел человеческих отношений. Но беда в том, что клубок этот раскручивается непомерно быстро: Леонид сообщает сестре о драматических событиях скороговоркой, раны заживают на редкость легко, все здесь стремительно движется к благополучному концу. У писателя еще есть над чем поработать, если он вернется к своему роману. Разве не столь же бледно, привычными в литературе ходами движется история отношений Власова и Забелиной?

Быстро промелькнула перед нашим взором панорама жизни завода, отдельных людей. Она не широка, эта панорама, но в ней отразилось движение нашей жизни. Прошли перед нами люди со своими нелегкими судьбами. Судьбы разные, а подчинены они одному — движению вперед, туда, где занимается новый погожий день.

Лидия ФОМЕНКО

В. Тевекелян. За Москвою-рекой. Роман. «Москва». 1959. №№ 2—4. Изд-во «Советский писатель». 1959. 407 стр.

Победа гостя из Будапешта

В течение шести дней, несмотря на неблагоприятную погоду, многочисленные любители тенниса собирались на трибунах Малой арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина, над которой развевались флаги шести государств: Англии, Венгрии, Дании, Польши, Франции и СССР.

Большую популярность у москвичей завоевал датский музыковед Торбтон Ульрих. Входя в число европейской «десятки» теннисистов, он продемонстрировал разнообразную эффектную игру, привлекая своей мягкой, «кошачьей» манерой передвижения по корту. К тому же Ульрих внешне выглядит весьма необычно для спортсмена: он носит бороду и длинные волосы.

Но все же подлинным героем московского турнира оказался 28-летний инженер-строитель из Будапешта Иштван Гуйяш. Увлекаясь теннисом с пятнадцати лет, нынешний венгерский чемпион вырос в отличного турнирного бойца.

В Лужниках он победил в финале одиночного разряда 40-летнего многоопытного Сконецкого (10 : 8; 9 : 7; 6 : 1), вместе с соотечественником Андреашем Адамом-Штолпа одержал победу в мужском парном разряде и был вторым (вместе с Кларой Бардоци) в смешанном разряде.

В одиночном женском разряде три первых места заняли советские теннисистки. Лучшей, как и на II Спартакиаде народов СССР, оказалась москвичка Дмитриева, победившая киевлянку Кузьменко (6 : 3; 6 : 1).

Иштван Гуйяш (слева) и датчанин Торбтон Ульрих. Фото А. Бочинина.

Московский турнир явился хорошей школой для молодых советских теннисистов.

В. ЮРЬЕВ

Листок из альбома

Этот листок из альбома интересен не только тем, что он до сих пор никогда не публиковался, но и тем, что открывает новую страницу в истории русских связей Марка Твена.

На почтовой открытке, наклеенной справа, изображена работа русского скульптора Терезы Федоровны Рис над бюстом писателя.

Т. Ф. Рис родилась в Москве в 1866 году, училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества сначала на живописном, затем на скульптурном отделении. Работы Т. Рис имели успех на ученических выставках 1891 года, на выставке Московского общества любителей художеств 1896 года. Вскоре Т. Рис переехала в Вену, где продолжала учиться и работать в своей мастерской. Ее скульптура «Люцифер» получила в Вене первую Золотую медаль.

Писатель Д. В. Григорович, находившийся в 1898 году в Вене, посетил ателье Т. Рис. Вот как он описывает свою встречу с ней:

«В мастерскую вошла молодая, среднего роста, хорошенькая женщина с тонкими чертами лица, чудными черными, как смоль, волосами и живыми, блестящими черными глазами... В открытом белом лбе, линиях отчетливо нарисованных губ, подвижных, слегка открытых ноздрях, в смелом взгляде было что-то сразу покоряющее, обаятельное: не оставалось сомнения, что тут стояло существо недюжинное, одушевляемое внутренней силой, редкой энергией... Я в толк не мог взять, каким образом эта молодая женщина, по-видимому нежного сложения, как могла она своими тонкими изящными пальцами распоряжаться с такой легкостью, так свободно, массами глины, рубить и тесать мрамор...

Удивление мое возросло до последней степени, когда молодая женщина заговорила со мной чистейшим русским языком. Она оказалась русской, москвичкой, внучкой известного в Москве в 40-х годах портретного живописца Рис».

Марк Твен в том же году, совершая турне по Европе, посетил Австрию; в Вене дал несколько сеансов Т. Рис для создания его скульптурного портрета.

«Этот бюст лучше, чем оригинал. По крайней мере мне так кажется; так мне казалось и в то время, когда одаренная художница делала его 9 лет тому назад в Вене. Я рад увидеть его снова.

Март 1907 г.

Марк ТВЕН.
Нью-Йорк».

Такую запись оставил в альбоме рядом с открыткой писатель. Дата «1907 г.» поставлена рукою Марка Твена и на своей фотографии, помещенной в альбоме слева. Фотография была подарена писателем врачу-психиатру Осипу Ильичу Фельдману.

О. И. Фельдман известен как деятельный коллекционер, собиратель автографов. Он много путешествовал, был знаком со многими выдающимися современниками. В его альбоме можно встретить имена Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, М. М. Антокольского и М. Н. Ермоловой, Т. Рузвельта и Э. Золя, Н. Г. Чернышевского и многих других.

Однажды, будучи в Вене, О. Фельдман получил от Т. Рис открытку, изображавшую ее работу над бюстом М. Твена, и поместил ее в альбом.

В 1907 году альбом проследовал за своим хозяином в Америку, где рядом с открыткой Т. Рис появились интересная запись великого американца и его фотография.

Альбом О. Фельдмана хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

В. КОРШУНОВА,
М. СИТКОВЕЦКАЯ

ДЕЛА «КУБКОВЫЕ»

Медленно, но верно сезон «Большого футбола» близится к финишу. И пока внимание десятков миллионов любителей этой игры привлечено к обострившейся борьбе «недюжинной дюжины» команд класса «А», многие любители спорта не обратили особого внимания на интересные события, развернувшиеся в другом традиционном всесоюзном соревновании.

Речь идет о матчах на кубок СССР. В 1959 году этот почетный приз, который ныне хранится в призовом шкафу московского «Спартака», оспаривали 113 коллективов классов «А» и «Б». К сегодняшнему дню остались лишь 17 претендентов.

Игры 1/16 финала сразу же принесли три сенсации. С «нокаутирующим» счетом 5 : 0 малоизвестная команда третьей зоны класса «Б» — ленинаканский «Ширак» — победила «грозу чемпионов» — куйбышевскую команду «Крылья Советов». С минимальным счетом 1 : 0 коллектив томского «Сибэлектромотора» вывел из розыгрыша одну из популярнейших команд страны — динамовцев Киева. Киевляне прислали на матч в Сибирь резервный состав. Этот «эксперимент» обошелся гостям дорого: команда выбыла из конкурса.

Армейцы Тбилиси забили на своем поле два гола в ворота ленинградского «Зенита», не получив в ответ ни одного. Таким образом, уже в первом круге за бортом розыгрыша остались два бывших обладателя хрустального кубка — зенитовцы и киевляне.

В Глухове, на родине прославленных мастеров Федотова и Жарковых, московские армейцы одержали крупную победу со счетом 7 : 1.

Тбилисские динамовцы, приехав к своим одноклубникам в Киров, вели со счетом 4 : 1, затем получили в свои ворота два гола и еле-еле «ушли» от неприятностей. Пришлось поволноваться в Красноярске и московским торпедовцам. Местный «Локомотив», обыгравший в прошлом году в кубковом матче «Зенит» (3 : 0), выигрывал у автозаводцев 2 : 1 и лишь потом не смог оказать особого сопротивления, уступив победу со счетом 2 : 4.

Московское «Динамо» несколько лет назад разбило на своем стадионе знаменитый лондонский «Арсенал» со счетом 5 : 0. А вот матч на кубок СССР с другим «Арсеналом», киевским, москвичи выиграли с более скромным счетом — 2 : 0 (оба гола забил Федосов).

Остальные команды класса «А» также оказались сильнее. Ростовские армейцы выиграли в Виннице у «Локомотива» 3 : 0, донецкий «Шахтер» в Херсоне у «Спартака» — 2 : 0, «Молдова» в Шахтах у «Шахтера» — 4 : 1. Что касается обладателя почетного трофея — московских спартаковцев, то они возвращались на «ТУ-104» из Иркутска домой в хорошем настроении: со счетом 3 : 0 обладатель кубка выиграл у местной «Энергии».

Таким образом, все команды класса «А» (кроме «Локомотива», который встретится с армейцами Одессы лишь 21 октября) провели первые матчи на кубок. Что касается «Молдовы», то она сыграла уже встречу 1/8 финала. И проиграла... тому же «Шираку» 1 : 2. Таким образом, «Ширак» первым вышел в 1/4 финала.

Юр. ВАНЬЯТ

Дурная трава

Н. ТОЛЧЕНОВА, Н. ЦВЕТКОВА

Фото Я. Рюмкина.

— У моей девочки тяжелое заболевание. Нервное. Хроническое. Наследственное... Время от времени выступают на коже этакие розовые пятна. Особенно, когда волнуется. Думаю, нечто вроде экземы. Необходим надзор врачей и длительное лечение, — интимным, торопливым полушепотом сообщает озабоченный седеющий человек доброжелательно слушающей его женщине.

— Да вы не тревожьтесь, — успокаивающе отвечает она. — Не так это опасно, как вам кажется! Там, куда мы направляем вашу дочь, прекрасные условия, хорошие лечебницы. Чего же волноваться? Напротив, радоваться надо!..

Но человек уже взволнован. Его мягкая, приглушенная речь становится раздраженной и резкой. Девица, сидящая возле отца, держится куда спокойнее, взирая на собеседников взглядом, полным непоколебимого равнодушия.

Беседа происходит не в поликлинике, не в кабинете врача, а в отделе кадров Министерства культуры СССР.

Окончившая музыкальное училище при Московской консерватории Галина Степановна Мишкина, 1938 года рождения, и ее папа, инженер-железнодорожник, начальник одного из отделов Министерства путей сообщения, не первый раз являются к инспектору отдела кадров Надежде Ивановне Ельковой.

Настойчивые папины уговоры рассчитаны на то, что долготерпеливая Надежда Ивановна в конце концов уступит и предоставит Галине Мишкиной работу в Москве...

— Москва, Москва! Только Москва! — теперь уже полным голосом сердито восклицает папа. — Почему это моя дочь должна ехать на периферию? Я же сказал: она больна! У нее тяжелое нервное состояние! И вы не имеете права поступать бесчеловечно! Все вы бездушные чиновники! — выпаливает Мишкин залпом.

Едва папа, выдохнувшись, умолкает, Елькова все так же сдержанно, не теряя самообладания, говорит ему:

— Я же просила вас представить медицинское заключение. Конечно, если ваша дочь больна, мы оставим ее в Москве. Но ведь ссылки на болезнь остаются голословными. Кстати, сама Галя настаивает на Подмосковье. Раньше она и от этого отказывалась. А теперь мы уже послали в подмосковные школы работников...

— Какое мне дело, кого и куда вы послали! — пренебрежительно отмахивается Мишкин. — Можно подумать, что вы в Москве совсем никого не оставляете!..

— Нет, мы оставляем тех, кто действительно не может выехать по серьезным причинам, — отвечает Надежда Ивановна. — Более сорока человек давно выехали на места назначения.

— Хм! Чего же вам еще нужно? — задумывается папа Мишкин. — Сорок человек!.. Значит, без моей дочери обойтись не так уж трудно, — неожиданно переходит он на мирный тон.

— Наоборот, очень трудно! — так же миролюбиво возражает Елькова. — Ваша дочь комсомолка. Будет хорошим организатором...

— Ну что вы, — перебивает Мишкин, опять начиная кипятиться, — какой она там организатор!.. Мне лучше знать. Никакой!

— Поработает, всему научится, — улыбается невозмутимая Надежда Ивановна.

Тут папа опять взрывается:

— Издеваетесь вы надо мной, что ли? И мне и девочке все нервы истрепали!.. Нигде, кроме Москвы, она работать не может. А будете настаивать, так я с вами судиться буду... Вы обо мне еще узнаете!

— Оставь, папа. Пойдем, — лениво, с какой-то брезгливой миной говорит Галина Мишкина и не спеша поднимается со стула. На ее круглом лице по-прежнему ни малейших признаков волнения. Но побагровевший папа, всплеснув руками, истерически кричит во весь голос:

— Изверги! До чего ребенка довели!.. Ну, погодите же!..

Он хватает Галину за руку и тащит к выходу. Громко хлопает дверь. В комнате воцаряется тишина. Сотрудники отдела кадров, вздохнув, начинают работать. Но после обеда Мишкин с дочерью приходят опять. И все начинается сызнова: долгие, вкрадчиво журчащие монологи, грубые выкрики, угрозы, хлопанье дверьми...

Папа Мишкин появляется и на следующий день утром.

— Никуда моя дочь не поедет! — заявляет он категорически. — Ни шагу из Москвы!... Решил окончательно и бесповоротно.

К такому же решению пришла и мама Галины Огурцовой. Она тоже окончила (разумеется, Галя, а не ее мама) музыкальное училище при консерватории. В министерстве девушке предлагали весной назначение на выбор: Молдавия, Белоруссия...

— Хорошо, она поедет, — милостиво сказала мама. — Но только в том случае, если Галя не поступит в консерваторию! Вообще-то незачем девочку из Москвы вытаскивать. Здоровье у нее не ахти... Ну, да поживем — увидим...

Работники отдела кадров согласились подождать с распределением. А когда выяснилось, что в консерваторию Галину Огурцову не приняли, мама перешла к активному контрнаступлению.

Бесполезно объяснять чадолюбивой маме, что в городах с музыкальными школами каждую осень ждут не дождутся новых педагогов, что государство, затрачивая огромные средства на подготовку и воспитание работников искусств, вправе требовать от них простой порядочности, честного отношения к своим обязанностям. Отдай хотя бы то, что должен! Не будь захребетником!.. Где уж там говорить с бесстыдниками о комсомольском звании, коммунистической морали, указывать на патриотический пример их же собственных товарищей!..

— Пусть кто хочет жертвует собою и бросает Москву, только не моя дочь! — заявила работникам отдела кадров Огурцова.

Она ведет себя в министерстве еще более развязно и круто, чем папа Мишкин: сыплет бранью, оскорблениями. А выпускница Галина Огурцова кротко при сем присутствует...

Летом Галина подала заявление, где было означено: «Ввиду тяжелого обострения ревмосклероза митрального клапана и струмы II степени прошу комиссию отменить мое распределение на работу на год. К сему прилагаю справку ВКК и справку м/комисс. консерватории».

Приложенные «справки» носили столь подозрительный характер, что работники отдела кадров вынуждены были показать их юристу.

— Липа! — сказал он коротко.

Тогда мама Огурцова поспешно забрала невесть где сфабрикованные «документы» и увезла дочку на дачу.

Папы — летчика Огурцова — дома нет. В высотном доме на площади Восстания, где находится московская квартира Огурцовых, к телефону никто не подходит. Тщетно звонят к Огурцовым из министерства. Надо же получить точные сведения о Галином здоровье, договориться о назначении... Звонят день, другой, третий, десятый, двадцатый... Уныло раздаются длинные гудки... Никого! А между тем в министерстве узнают, что Галина Огурцова пробует поступить на вечернее отделение Училища имени Гнесиных. Осень. Занятия в школах уже начались, и теперь-то, как, наверное, надеется мама, из Москвы Галину не «вытащат»...

— Вы обо мне еще узнаете! — кричит Мишкин.— Никуда моя дочь из Москвы не поедет!..

Они сами о себе словно о сорняках говорят. И действительно, попробуй их вытащи!.. Любые лазейки хороши! Все уловки пущены в ход! Лишь бы не «вытащили»! Если собственное здоровье, как на грех, безупречно, то сгодится — на выручку — нездоровье мамы, папы, бабушки, дедушки, молодой жены... Сгодится и тонкое покровительство и грубый, явный «блат».

Молодые музыканты Александр Салиман-Владимиров и Эрик Назаренко еще до окончания консерватории «устроились» в Московскую филармонию. Когда работники министерства, спохватившись, указали директору филармонии М. Белоцерковскому, что выпускникам следует поехать работать на периферию, директор немедля издал приказ об увольнении А. Салиман-Владимирова и Э. Назаренко. Но приказ этот заведомо не был никому страшен! У обоих ловкачей уже имелся за плечами «стаж», необходимый для восстановления по суду, что и подтвердилось при рассмотрении «дела» в нарсуде Советского района!

Выиграв процесс и показав нос работникам министерства, Саша и Эрик спокойно отправились отдыхать на курорт.

А это «удачливые» друзья: А. Салиман-Владимиров (слева) и Э. Назаренко.

Что остается предпринимать министерству?.. Начинать новую тяжбу? Обращаться в городской суд? В комсомольские организации?.. Кстати, оба музыканта — Салиман-Владимиров и Назаренко — были комсомольцами. Точнее говоря, числились ими в консерватории...

Еще в прошлом году окончили консерваторию супруги Загоринские — Віргиния Михайловна и Святослав Николаевич. Оба они во время работы комиссии по распределению выпускников симулировали невменяемость. Как же с ними нянчились, как их успокаивали!.. Что только не предлагали им: крупнейшие республиканские театры оперы и балета, прекрасные города!.. Но супруги были непоколебимы.

— Сталинабад, Фрунзе — азиатская пустыня! Там тарантулы бегают!.. Киев — жалкая дыра!..

Так всеми правдами и неправдами отвертелась от распределения «достойная» пара.

— Что же они делают сейчас, супруги?

— Нас это тоже очень волнует! Мы ведь еще не потеряли надежду вручить им путевку в жизнь,— говорит Надежда Ивановна. — Супруги живут на Сретенском бульваре, дом 7/1, квартира 17. Я запросила домоуправление. Мне сообщили, что Загоринские работают в музыкальных школах Москвы. А в школах этих ответили отрицательно... Видимо, справки были, мягко выражаясь, неточные. Значит, кому-то из нас надо ехать, проверять... А времени не хватает. Наше время рассчитано на устройство честных, хороших людей. Всеми иными должны заниматься следователи! К сожалению, для хороших остается меньше внимания. Впрочем, они его почти и не требуют: давно все разъехались, начали работать; звонят и пишут, что довольны... Вот это радует. А в семье не без урода, сами знаете...

Как раз в это время в комнате отдела кадров появляется один из таких уродов. Нет, нет, он выглядит вполне благопристойно! И даже как будто не лишен известной симпатии. Но что-то есть в его манере держаться и говорить скользкое, верткое.

— Здравствуйте,— кланяется он.

— Ах, товарищ Фастенко! Наконец-то и вы пришли, — приветствует молодого человека Надежда Ивановна.

Владимир Илларионович Фастенко, выпускник ВГИКа, молодой кинооператор, усаживается. Приглаживая свою дьяконоподобную жиденькую прическу, он не глядит в глаза, улыбается несколько криво и то потирает руки мелкими, судорожными движениями, то прячет их меж колен, в карманы, за спину...

— Я пришел к вам поделиться радостью, — начинает он и пытается изобразить эту радость, просветлеть изнутри. — Изобрел я, знаете ли, кинокамеру. Три года работал, только молчал до поры до времени. Теперь, конечно, никуда не поеду из Москвы, пока не закончу модель!

— Что же вы раньше скрытничали? — удивляется Елькова. — Все причины называли, кроме самой серьезной...

— Скромность, как говорится, — лучшее украшение наше, — хихикает Фастенко. — Однако надеюсь создать переворот в киноделе! Совершенно новый принцип камеры, как говорится...

Надежда Ивановна по-прежнему спокойно осведомляется, почему Фастенко не принес чертежи, схемы.

— Да кому же их здесь показывать? — нагловато возражает Фастенко. — Здесь, как говорится, компетентных лиц не имеется.

— Мы связали бы вас с производственно-техническим отделом. Вам могли помочь консультацией...

— Вот, вот, — оживляется Фастенко. — Это мне как раз необходимо — консультация!.. На то время, конечно, пока буду заканчивать модель.

— А сколько времени вам нужно?

— Да месяца за три закончу, — бодро ответствует Фастенко...

Его, как видно, меньше всего заботят реальные сроки. Ему лишь бы на какое-то время «отвязаться» от министерства, получить отсрочку, а там опять можно будет придумать что-нибудь новенькое, оригинальное, соврать, начать кляузу...

— Я все-таки советую ехать, не откладывая, в Алма-Ату, где вас ждут. Работа в студии не помешает вам закончить изобретение, — настаивает Елькова.

— Что ж, — неожиданно откликается Фастенко,— если поручите самостоятельную работу над художественной картиной, так брошу даже изобретение! Где моя не пропадала, как говорится...

Девушка на полустанке

Микола ТЕРЕЩЕНКО

В платочке светлом
спозаранку
она —
и в дождь, и в студь, и в зной—
стоит с флажком на полустанке,
оберегая
путь стальной.
Спешат
цистерны и платформы,
вагоны, полные зерна,
цемент,
кирпич огнеупорный,—
им открывает путь
она.
И льется песня
величаво:
«Мой паровоз,
вперед лети!»
Проходят грузные составы,
и пассажирские — в пути...
Их ждут везде, где неустанно
трудом
бурлит,
клокочет
жизнь.
И девушка на полустанке
их пропускает
в коммунизм.

Перевел с украинского Илья Садофьев.

КРУЖЕВНИЦЫ

Вл. ФЕДОРОВ

Песня эта женская
В памяти жива.
Кружева елецкие,
Пена-кружева!

Под оградой каменной
Женщины сидят.
У подруги маминой
Палочки стучат.

Палочки-коклюшечки
Друг о дружку бьют.
Пожилые женщины
Про любовь поют:

«Ах, зачем ты, девушка,
В чащу забрела?
Ах, зачем ты, девушка,
Счастье не нашла?..»

Все мечты, которые
Душу бередят,
Выльются узорами,
Песней зазвенят.

Я сижу, и слушаю,
И дышу едва.
Плещет, плещет кружево,
И зовут слова.

Ой, хмельные женские
Поздние слова!..
Кружева елецкие,
Пена-кружева!

Харьков.

— Нет, мы направим вас на первых порах ассистентом. У вас же четверка по специальности в дипломе.

— Это неправильная оценка! Ко мне придирались! — не сморгнув глазом, сообщает Фастенко.

Долгая беседа в конце концов заканчивается тем, что Фастенко все тем же мурлыкающим голосом заявляет:

— Нет мне никакого смысла уезжать из Москвы! Перейду в специальную промышленность, вот и не сумеете вы меня достать оттуда!..

Фастенко крепко вцепился в Москву. «Попробуйте вытащите», — предлагает он.

Он сладко улыбается, вновь вежливо кланяется и, сутулясь, исчезает...

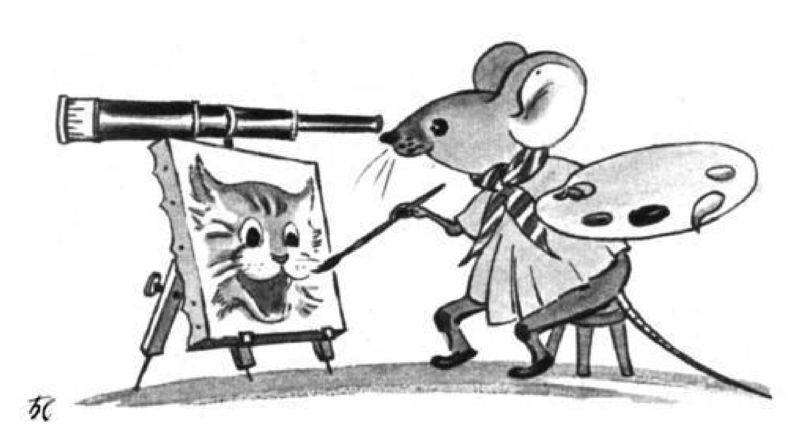
Надежда Ивановна заказывает по телефону разговор с Алма-атинской киностудией. Нужно сообщить, что выезд нового оператора опять откладывается. Голос ее звучит утомленно...

...Немало времени мы провели в отделе кадров Министерства культуры СССР. Познакомились очно и заочно со многими молодыми работниками искусства. Одни из них только еще обживаются на новых местах, присматриваются к обстановке и людям, входят во вкус самостоятельной творческой работы. А другие уже расправляют крылья для смелого полета, радостно чувствуя окружающий простор, поддержку и внимание...

Пусть среди выпускников оказалось совсем немного белоручек и эгоистов. Но нелепо считать, чего больше на заботливо возделанном поле, в чудесном саду: добрых злаков и плодов или сорняка...

Разве нельзя обойтись вовсе без сорняков на ниве народного искусства?!

И кроме того, думается нам, борьбу с дурной травой нужно начинать не тогда, когда поспел урожай, а значительно раньше.

С натуры.
Рисунок Б. Семенова.

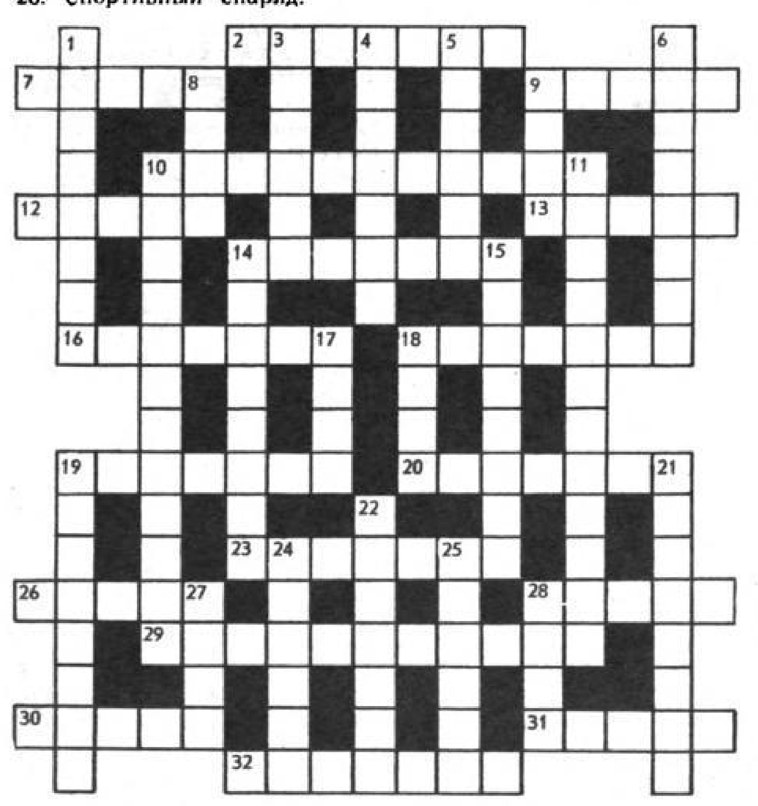
КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Французский ученый XVII века. 7. Пастбище. 9. Бурая водоросль северных морей. 10. Прибор для автоматической записи состояния слоев атмосферы. 12. Поселок, прославившийся произведениями народного искусства. 13. Болгарский поэт. 14. Тригонометрическая функция. 16. Краткое изречение. 18. Основоположник литературы народа коми. 19. Форменный головной убор. 20. Полоса на погонах. 23. Песчаная коса. 26. Автор оперы «Вольный стрелок». 28. Приток Западной Двины. 29. Линия движения, маршрут. 30. Часть театрального здания. 31. Партизан Отечественной войны 1812 года. 32. Певчая птица.

По вертикали:

1. Демонстрация образцов изделий. 3. Опросный лист. 4. Каравай хлеба. 5. Житель Кавказа. 6. Известный русский химик. 8. Выражение веселья. 9. Экспедиционное судно Фритьофа Нансена. 10. Городская железная дорога. 11. Способ очищения жидкости от примесей. 14. Литовский духовой инструмент. 15. Хищное насекомое. 17. Звезда, у которой впервые было обнаружено изменение яркости. 18. Морской узел. 19. Луговой злак. 21. Искусственно полученный радиоактивный элемент. 22. Гигантское хвойное дерево. 24. Ремни седла. 25. Порт в Канаде. 27. Несущая конструкция сооружений. 28. Спортивный снаряд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

3. Послесловие. 5. Романо. 7. Угодье. 9. Крыло. 11. «Динамо». 13. Глянец. 15. Шихта. 16. Лемех. 17. Ботев. 18. Основание. 19. «Обрыв». 20. Давид. 21. Гопак. 22. Салака. 24. Евфрат 26. Кизил. 28. Яровая. 29. Нарвал. 30. Спартакиада.

По вертикали:

1. Бланк. 2. Сорго. 3. Проба. 4. Ельня. 6. Орнитология 7. Ультрамарин. 8. Циферблат. 10. Ветеринар. 12. Моховик 14. Лебедев. 23. Абрис. 25. Фраза. 26. Кайра. 27. Лацис.

Финал соревнований по плаванию.
Рисунок Вл. Гальба

— Моя хата с краю, ничего не знаю...
Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Чаевые... на водку.
Рисунок Г. Пирцхалавы.

Иронические строки

Пень на дороге

Как чтит меня честной народ!
Не только чтит, а уважает:
Глядишь — и пеший обойдет,
И конь учтиво объезжает!

Курицын сын

Цыпленок, видя
Ласточки полет,
За ней хотел,
Чудак,
Лететь вперед;
Потом решил:
— Чуть-чуть повремению...
Вот подрасту
И, факт,
Перегоню!

Павел КУДРЯВЦЕВ

Москва.

Деталь

Каблук о росте думал просто:
«Я безусловный фактор роста».

Оригинал

Осел в искусстве был оригинал:
Любой его этюд
осла напоминал.
Мораль:
Художник знал одно — свою персону
И все писал по длинноухому фасону.

Гений

Скворца сочли за мудреца:
Он все перепевал от первого лица.

С. ЮРАСОВ

Алимкент,
Ташкентской области.

В ударе

На сцене тенор-херувим
Был, как всегда, неотрезвим.

Вл. ДЕМЬЯНОВ

Керчь.

Неожиданный гость

Молодой сильный лось шествовал по асфальтовым улицам Куйбышева, вызывая у горожан изумление и испуг. Его не смущали ни автомашины, ни здания, ни люди. Миновав окраины, лось пришел в самый центр города. Он бесцеремонно завернул во двор дома № 90 по Самарской улице и прилег возле палисадничка.

Лось отдыхал долгое время и, видимо, не собирался покинуть двор. Улицу заполнила толпа любопытных.

Что делать с гостем? Ведь кусочком хлеба лося не выманишь со двора и хворостинкой не припугнешь!

— Надо обратиться в цирк,— решили жильцы.

Группа работников цирка, заарканив лося, связала его и уложила в машину. Зверя отвезли километров за сорок от города и пустили в лес.

В. АЛФЕРОВ

Куйбышев.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06566. Подписано к печати 2/IX 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1305. Заказ № 2001.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЦЫПЛЯТА. Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.